

ШОТЛАНДСКАЯ СТАРИНА

КНИГА
СКАЗАНИЙ

ЛЕТНИЙ САД

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2001

ШОТЛАНДСКАЯ СТАРИНА

КНИГА СКАЗАНИЙ

Перевод, составление и комментарии

Сергея Шабалова

ББК 84(4Вел)
Ш80

Художественное оформление М. Verte

Шотландская старина. Книга сказаний / Пер. с англ., Ш80 сост. и коммент. С. Шабалова. — М.; СПб.: Летний сад, 2001. — 253 с. — (Anima Celtica).

ISBN 5-94381-040-4

«Шотландская старина» — вторая, после «Ликов Ирландии», книга серии «Anima Celtica». Серия представляет переводы авторитетных кельтских первоисточников, а не адаптированные пересказы. В большинстве своем эти тексты публикуются на русском языке впервые. В книге представлена как письменная, так и устная традиция Шотландии — «земли скоттов». Подробный историко-культурный комментарий.

ББК 84(4Вел)

© С. В. Шабалов, перевод, составление
и комментарии, 2001

ISBN 5-94381-040-4

© ЗАО ИТД «Летний сад», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

е многие знают, что относительное культурно-языковое единство Шотландия обрела лишь в XX веке. До этого времени шотландские земли отчетливо разделялись на горный Север, говоривший по-кельтски, и равнинный Юг, говоривший на шотландском диалекте английского языка. Это разделение произошло в XII—XIII веках, когда в южную часть страны переселилось множество англичан. Прежде вся Шотландия — и на юге и на севере — была в основном кельтской страной, «землею скоттов». Скотты, или гэлы, пришли сюда из соседней Ирландии в IV—V веках, хотя кельты другой языковой группы — бритты — населяли Британию за тысячу лет до этого. Северная, гэльская Шотландия и прилегающие к ней на западе Гебридские острова всегда были генетически связаны с Ирландией. Что касается южной Шотландии, то ее

кельтский «субстрат» не был никогда искоренен окончательно, а был, если так можно выразиться, погребен под нанесенным из Англии слоем почвы. Однако, по словам Р. Л. Стивенсона, «между Англией и Шотландией лежит бездонная пропасть»¹.

Если Шотландия — по крайней мере, северная Шотландия — была частью кельтской «ойкумены», то Душа и культура ее народа — без сомнения, кельтские. Один кельтолог справедливо заметил: «Цивилизация гэльской Шотландии не понята; ее останки все еще находятся рядом с нами и заслуживают всяческих усилий, направленных на их сохранение, нераздельно со старинным языком»². Самая главная, на наш взгляд, часть этих «останков», в которых заключается Кельтская Душа Шотландии, — это древняя традиция сказаний и преданий, сохранившихся у горцев и островитян. В отличие от Ирландии, где устная традиция рано обрела письменную форму и хранителей — монахов множества монастырей, — в Шотландии вплоть до XIX века устная традиция в основном оставалась устной. Впрочем, как писал Лахлан МакКиннон, «гэл всегда учился больше через уши, чем через глаза»³, и традиция, сохранявшаяся сказителями-знатоками старины, благополучно дожила до того времени, когда была записана учеными-собирающими: Кэмпбеллом с Айлея, Кэмпбеллом с Тайри и другими. Древних же письменных источников, сохранивших гэльскую традицию, совсем немного: главный из них — «Книга Декана Лисмора» (XVI в.), содержащая главным образом тексты, восходящие к ирландским вариантам.

«Кельтский или гэльский образ мыслей, а также стиль, — писал доктор Робин Флауэр, — характеризуются предельной

конкретностью языка, эпиграмматической краткостью речи и находят удовольствие в резких, ярких красках»⁴. Это суждение, на наш взгляд, относится и ко многим текстам, помещенным в настоящем издании.

Гэльские сказания, однако, не являются единственным источником, по которому можно познакомиться с Кельтской Душой Шотландии. Южная, равнинная часть страны, хоть и стала к XIII веку англоговорящей, сохранила в значительной степени свой кельтский «субстрат»: традиция и здесь являет немало произведений и памятников, принадлежащих Кельтской Душе, — например, знаменитую балладу «Томас Рифмач». Кроме гэльских сказаний и преданий южной Шотландии, есть еще одна группа источников, использованных в этой книге, — летописи и свидетельства очевидцев. Независимо от национальности и симпатий авторов, эти источники служат познанию той же Кельтской Души.

В последние годы мы стали свидетелями того, как в России развивается своеобразная мода на кельтов; получил хождение даже термин XIX века — «кельтомания». К сожалению, как и всякая мода, кельтомания развивается только вширь, но не вглубь. Поэтому необходимо питать искренний интерес многих серьезных поклонников и исследователей Кельтской Души публикациями первоисточников — текстов, являющихся настоящими отблесками и манифестациями этой Души. В отличие от Ирландии, Шотландия почти не представлена в России сборниками авторитетных текстов, переведенных на русский язык. Это во многом объясняется нежеланием видеть в Шотландии часть кельтского мира, тогда как Шотландия была и в каком-то смысле остается «землею скоттов».

«Шотландская старина» — книга, публикация которой, как мы надеемся, положит начало изучению в России этой страны как страны изначально кельтской.

Дать исчерпывающую характеристику Кельтской Души, которой посвящена эта книга, конечно, невозможно, — хотя бы потому, что душа каждого народа не может быть познана до конца. Однако предложить ее бегло зарисованный портрет, пригодный для первого знакомства, мы можем. Что касается Шотландии и шотландцев, в этом нам помогут материалы, опубликованные в российской периодике первой половины XIX века.

Творения Джеймса Макферсона, Вальтера Скотта и Роберта Бернса, пользовавшиеся в России того времени огромной популярностью, пробудили здесь, как и в других странах Европы, интерес к кельтскому национальному характеру, Кельтской Душе. В российской периодике стали появляться переводные и отечественные материалы, в которых делались попытки осмыслить национальный характер и исторические судьбы кельтов, прежде всего — шотландцев.

Приведем выдержку из «Московского телеграфа» Николая Полевого за 1830 год, где был помещен перевод сочинения Вальтера Скотта «О демонологии и ведьмах»: «Может быть, ни в одной стране нелепое суеверие не принимало столь мрачного и кровавого характера, как в Шотландии. Дикая, гористая, населенная пастухами Шотландия, частию по разительным, многообразным, иногда ужасным явлениям природы, частию по нравам и обычаям обитателей, склонности их к думе и мечтательности, почти всегда была очарованною странюю, в которой суеверие находило себе колыбель и приют. Характер

шотландцев — соединение размышления с восторгом; их быт в прежние времена — случайный порыв диких и деятельных предприятий, с продолжительным бездейственным уединением, во время коего уму нечего делать; их ночные бдения на вершинах гор и холмов; переменчивый климат — смешение солнечных лучей с туманами и бурями, — все это содействовало к возбуждению и укреплению суеверного страха, с коим незнание смотрит на необыкновенные действия природы. С древнейших времен в шотландских летописях «все населено призраками»: воздушные метеоры и северные сияния пылкою людского воображения превращались в горах Шотландии в битвы духов и полеты колдунов; скелеты, как обыкновенные гости, плясывали на свадьбах шотландских королей; привидения являлись на битвах, и мечтатели-герольды подробно описывали их вид, одежду и род. Инкубы и суккубы безопасно разгуливали по всем направлениям, шутили, с громом являлись на призыв Небесного судилища»⁵.

Немногом раньше в том же «Московском телеграфе» была опубликована статья «О жизни и сочинениях Роберта Бернса», подписанная N.N., в которой между прочим писалось следующее: «Шотландские нравы представляют собой картину еще более изумительную. Это весь пыл южных страстей, привыкших к суровому небу! Страстная дружба, живая, глубокая ненависть, необузданная любовь, поэтический и музыкальный инстинкт, общественные привычки провансальских крестьян даже в быстрой пляске: все это встречаете у жителей гор и долин, на север от светлой Твиди. В них вы узнаете людей галльского и кельтического поколений, давших утеснителей сих пустынных стран, навсегда отдаленных силою битв и

могуществом нравов от германского поколения, населившего Англию. Если характер сей виден сильнее в диких нравах горцев, Highlanders, то он сохранился не в столь разительных, но более прелестных оттенках жителей долин, Lowlanders»⁶.

Слова Вальтера Скотта о том, что «характер шотландцев — соединение размышления с восторгом», перекликаются с материалом, опубликованным в «Северной пчеле» за 1827 год. В этом материале, в частности, говорилось «о наблюдательном и страстном характере, каковым отличается северный житель Великобритании»: если англичанин руководствуется в своих поступках привычкой, а ирландец — одним только первым движением, то «шотландец — размышлением и первым движением». Шотландец «по беспокойному своему любопытству всматривается в каждое лицо, в каждую вещь, кои попадают ему на глаза; увлекаясь потом своей страстью, он чувствует к ним или любовь, или ненависть»⁷.

Эти и подобные им материалы, появлявшиеся на страницах российской периодики, помогли в свое время читателю романов Вальтера Скотта, стихов Роберта Бернса, «оссианических» сочинений Джеймса Макферсона составить общее представление о народной Душе, питавшей всех этих писателей. Прочитанные нами статьи не потеряли своей ценности и сегодня. Поэтому мы использовали их в настоящем предисловии как некий ориентир для читателей «Шотландской старины».

Кельтская традиция, частью которой является традиция Шотландии (южной Шотландии — с оговорками), составляет особый, неповторимый мир. «Это призраки и духи, маги и ведьмы, жители моря и жители холмов, веселые святые и языческие боги — это целый мир действующих лиц, про

которых рассказывают разные истории; мистика — это некий элемент преувеличения, невероятности, сопутствующий хорошему рассказу...»⁸. Этот мир дал Европе короля Артура с рыцарями Круглого Стола, Тристана с Изольдой, «фейные» сказки, жанр «видений» и жанр «плаваний». Средневековые немыслимо без кельтской духовной основы; эта основа продолжает питать и литературу Нового времени вплоть до наших дней. Историческая судьба великого кельтского племени складывалась крайне неблагоприятно, — это относится прежде всего к той отрасли этого племени, что обитала в Шотландии. Зато кельтская традиция, питавшая Европу, выжила и «заслуживает всяческих усилий, направленных на ее сохранение», как писал Уотсон.

Среди секретов притягательности кельтской традиции — ее древность, ее волшебность (или, говоря современным языком, ее «магический реализм»), а также ее особая женственность. Эта женственность, как писал Роберт Грейвс, является основой всякой подлинной поэтичности, ведь «когда-то поэзия служила предостережением человеку, чтобы он жил в согласии с сообществом всех живых существ, среди которых рожден, — повинаясь желаниям хозяйки дома», или, по Грейвсу, «Белой богини»⁹. Хотя в Шотландии по ряду причин женственность кельтской традиции «звучит» не столь явно, как, например, в Ирландии, — она «слышна» и здесь.

Есть еще один важный момент, на который стоит обратить внимание читателя, — это необходимость относиться ко всем традиционным текстам если не с верой, то с доверием.

«Хотя давний рационализм с трудом сдает свои позиции, — писали Алвин и Бринли Рис, — исследователи нашего

времени смотрят на народные сказания совершенно иначе, нежели их предшественники еще полстолетия назад. Все больше растет осознание глубокой значимости тех реалий, которые не вполне соотносятся с категориями рассудка и не могут быть объяснены в рамках истории и науки»¹⁰.

Тексты, отобранные нами для перевода, делятся на три основные группы: гэльские сказания и поэмы, записанные в разное время в горной Шотландии и на Гебридских («Западных») островах; предания и сказки южной Шотландии; извлечения из летописей и свидетельства очевидцев. Немного особняком стоят документы, связанные с ведьмовскими процессами, — их можно отнести как ко второй, так и к третьей группе.

При отборе мы руководствовались прежде всего двумя критериями: авторитетностью источника и познавательной ценностью текста, поэтому мы решились перевести поэтические произведения, вошедшие в наше собрание, дословно и прозаически.

Тексты размещены в порядке приблизительной хронологической последовательности. Этот принцип не всегда было возможно выдержать строго.

Следует иметь в виду, что отобранное нами — лишь малая толика из того, что еще ждет своего перевода на русский язык.

В комментариях мы старались доступно и внятно объяснить некоторые наиболее важные, на наш взгляд, имена и реалии, — особенно те, что могут приблизить читателя к пониманию уникальной Кельтской Души, а также исторических судеб и обычаев кельтов.

Краткость одних комментариев и пространность других объясняются стремлением сосредоточить внимание читателя на том, что является, с нашей точки зрения, главным.

Поскольку «Шотландская старина» является второй, после «Ликов Ирландии», книгой серии «Anima Celtica», мы рекомендуем читателю обратиться к первой, а также к последующим книгам этой серии.

Все тексты, вошедшие в настоящее издание, на русском языке публикуются впервые. Это не переложения или пересказы, а переводы авторитетных первоисточников. Мы ставили целью точную передачу первоисточника, не стремясь к литературной обработке.

Сергей Шабалов

¹ Олдингтон Р. Стивенсон: Портрет бунтаря. М.: Книга, 1985. С. 86.

² W. J. Watson. Bibliography // Scottish Gaelic studies. London; Edinburgh; Glasgow, 1935. Vol. IV. Part 2. P. 206—207.

³ MacKinnon L. Introduction // Prose Writing of Donald MacKinnon / Ed. by L. MacKinnon. Edinburgh, 1956. (Scottish Gaelic Texts; Vol. 5).

⁴ Stories from South Uist / Told by A. MacLellan; Transl. by J. Campbell. London, 1961. P. 13.

⁵ Скотт В. О демонологии и ведьмах // Московский телеграф. 1830. Ч. 35—36. № 19—21, № 20. С. 545.

⁶ О жизни и сочинениях Роберта Бернса // Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 14. С. 203—204.

⁷ Mudie M. Attic fragments of characters, customs, opinions and scenes // Северная пчела. СПб., 1827. № 94—95.

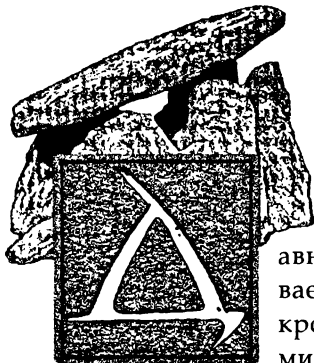

⁸ Голубович К. У. Б. Йейтс и западноевропейский канон // Йейтс У. Б. Видение: поэтическое, драматическое, магическое. М.: Логос, 2000. С. 6.

⁹ Грейвс Р. Белая богиня: Избр. главы. СПб.: Амфора, 2000. С. 18.

¹⁰ Рис А., Рис Б. Наследие кельтов: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М.: Энигма, 1999. С. 24.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПИКТОВ

авным-давно был в этой стране народ, называемый пиктами. Были они людьми совсем крошечными, с красными волосами, длинными руками, а ступнями такими широкими, что, когда шел дождь, они могли задрать их поверх голов, и тогда они служили им как зонтики.

Пикты были великие строители, они построили все древние крепости в стране; а знаешь, как они их строили? Я тебе расскажу.

Все они становились в ряд от каменоломни до места, где строили, и всяк передавал камни вперед своему соседу, покуда не достраивали всё.

Еще пикты были великим народом из-за эля, который они варили из вереска: так, знаешь ли, получался необычайно доступный напиток, ибо вереска, я ручаюсь, было тогда так же много, как и сейчас.

Этого их искусства жадно домогалось другое племя, которое жило в стране; но пикты никогда не выдавали тайны, а передавали ее от отца к сыну вместе со строгим наказом от одного к другому: никогда никому не дать ее узнать!

Под конец у пиктов были большие войны и многие из них были перебиты, и скоро, поистине, они дошли до того, что стали лишь горсткой людей и наверно должны были стинуть с лица земли.

По-прежнему крепко держась за тайну верескового эля, порешили они, что врагам никогда не вымучить ее из них.

Ладно, дошло наконец до великой битвы между ними и скоттами, в которой они потерпели полное поражение и все были перебиты, кроме двух — отца и сына.

И вот перед королем скоттов стояли эти люди, приведенные к нему, дабы он устрашением заставил их выдать тайну. Он прямо сказал им, что, если они не откроют ее добровольно, он станет пытаться их, покуда они не откроются, и поэтому было бы лучше для них уступить вовремя.

«Ладно, — сказал королю старик, — я вижу, нет толку противиться. Но есть одно условие, на которое ты должен согласиться, прежде чем уведешь тайну». — «И какое же?» — спросил король. «Обещаешь ли ты исполнить его, если оно не будет ни в чем против твоей корысти?» — спросил старик. «Да, — сказал король, — я даю такое обещание». Тогда пикт сказал: «Ты должен знать, что я желаю смерти моего сына, хотя я и не хотел бы взять его жизнь себе.

*Сначала сына убей,
И я рассказать готов,
Как мы варим наш эль
Из вересковых цветов!*

Без сомнения, король был сильно изумлен такой просьбой, однако поскольку он обещал, то приказал, чтобы отрок немедленно был казнен. Когда старик увидел, что сын его мертв, он высоко подпрыгнул и закричал: «Теперь делай со мной что хочешь. Сына моего ты мог заставить, ибо был он только хилым юнцом, но меня ты не сможешь заставить никогда!

*И я не скажу тебе,
Хотя ты убить готов,
Как мы варим наш эль
Из вересковых цветов!*

Теперь король был изумлен больше прежнего, ибо не случалось до сих пор, чтобы его перехитрил простой дикарь. Однако он решил, что не стоит убивать пикта и что самым большим наказанием ему теперь будет то, что его оставили в живых. Итак, его забрали как пленника, и он прожил после этого много лет, пока не стал глубоким-глубоким стариком — неходячим и слепым.

Люди позабыли, что жил такой человек. Но однажды ночью в доме, где он был, случились какие-то молодцы и устроили великую похвальбу своей силой. Он приподнялся с постели и сказал, что хотел бы испытать одно из их запястий, чтобы сравнить его с руками людей, которые жили в былые времена. И они, смеха ради, протянули ему толстый железный прут. Он просто переломил его надвое своими пальцами, как ты переломил бы трубку. «Изрядный хрящик, — сказал он, — но совсем не то, что десницы в мое время».

Это был последний из пиктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Последний из пиктов» — предание, бытовавшее в графстве Галлоуэй, на юго-западе Шотландии, где, согласно традиции, этот загадочный народ обрел свое последнее пристанище. Данное предание послужило первоисточником знаменитой баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мед» (из сборника «Баллады», вышедшего в 1890 г.).

Интересно, что аналогичное предание существовало в традиции Оркнейских и Шетландских островов к северу от Шотландии, население которых является потомками скандинавов, пришедших сюда в VIII—IX вв. н. э. В этой традиции, соответственно, вместо скоттов и их короля фигурируют скандинавы, норманны [72, p. 64].

Перевод текста выполнен по изданию: *Chambers R. Popular rhymes of Scotland. Edinburgh; London: W. and R. Chambers limited, 1870.*

Пикты. — Проблема происхождения и этнической принадлежности пиктов окончательно не разрешена до сих пор. Известно, что пикты населяли территорию Ирландии, Британии и прилегающих островов до прихода сюда кельтов. Возможно, пикты были одной из ветвей древнейшего иберийского племени, заселявшего докельтскую Европу. В Испании иберы позднее смешались с пришлыми кельтами и образовали народ кельтиберов; нечто подобное, похоже, произошло в Шотландии, где пикты были ассимилированы скоттами.

Ирландские и британские хроники выводят пиктов откуда-то из «Скифии» (подразумевая под ней Скандинавию) или из Фракии, что отнюдь не проясняет дело [5, с. 47—48].

Весьма красноречив тот факт, что само имя Британии происходит от кельтского названия пиктов: *«prydyn»* — «узорчатые», «раскрашенные», откуда Prydain, Британия, которая, таким образом, есть «страна

пиктов» [87, р. 384]. Латинское слово *picti*, заметим, означает то же, что кельтское *prydyn*. Античные писатели, действительно, упоминают, что жители Британии либо красятся, либо наносят себе татуировки. Например, Марциал говорит о «расписанных бриттах» (*Эпиграммы: Книга XIV, Подарки*, 99).

Иордан уточняет, что «расписывают они себе тела железом» [13, с. 64]. Возможно, что речь в этих и других случаях шла иногда о пиктах, а иногда — о кельтах, заимствовавших пиктскую традицию. Кельтам тоже был присущ эстетизм такого рода.

Можно добавить, что кельты определенно жили на территории Шотландии и до прихода сюда своих соплеменников из Ирландии. Например, Тацит в «Жизнеописании Юлия Агриколы» говорит о русоволосых и высоких обитателях Каледонии (т. е. Шотландии), которых он ошибочно причисляет к германцам и которые отличаются от своих смуглых и курчавых земляков-силуров, вероятно, выходцев из Иберии (*Тацит, Жизнеописание Юлия Агриколы*, 11).

Наконец, существует точка зрения, согласно которой пикты были одной из ветвей кельтского племени, отличной от гэлов-скоттов. Несмотря на все «но», эту точку зрения также нельзя решительно отвергнуть [86]. Есть некоторые основания предполагать, что пикты были единоплеменниками населявших юг Британии кельтов-бриттов, которые еще в I тысячелетии до н. э. переехали на север [55, I, р. 214—216].

...с **красными волосами**... — «Красные», возможно, означают «рыжие»; этому цвету волос есть свое объяснение. В цветовой символике кельтской, в частности, ирландской традиции «красный цвет неизменно связывался с потусторонним миром» [44, с. 458]. В ирландских сказаниях красные волосы носят, как правило, иномирные персонажи. Например, в сказании «Разрушение Дома Да Дерга» всадники из сидов — чудесных холмов — описываются так: «Три красных плаща на них были,

три красные рубахи, три красных копья да три красных щита в руках, три красные копны волос да три красных коня. С ног до головы были красными их тела, волосы и платье, кони и они сами» [45, с. 107].

Т. А. Михайлова пишет: «Тот факт, что в ирландской фольклорной традиции сиды, как правило, имеют красно-рыжие волосы, является далеко не случайным и восходит к архаическим представлениям о красном цвете — как о цвете смерти и Иного мира». «Ассоциация красного (рыжего) цвета волос (одежды, шапки, масти коня и др.) с Иным миром для ирландской фольклорной традиции является необычайно стойкой и представленной... в разного рода поверьях и приметах» [33, с. 72—73]. Если учесть, что ирландская и северо-шотландская традиция практически едина, то красный или рыжий цвет волос пиктов в нашем сказании указывает на их связь с Иным Миром, — по крайней мере, в восприятии шотландцев.

Пикты были великие строители... — Мегалитическая культура Британских островов, самым известным произведением которой является Стоунхендж, возникла задолго до прихода сюда кельтов — бриттов и гэлов (скоттов). Всегда существовал соблазн связать эту культуру с докельтской и даже дочеловеческой расой строителей — богов или полубогов. В Ирландии такой расой было Племя Богини Дану, которое после прихода людей ушло под землю, в холмы, называвшиеся «сидами» (от sith, «мир, покой»), отчего и сама эта раса стала называться сидами (современное произношение «ши»), а также фэйри [62, р. 30—31]. С Племенем Богини Дану в Ирландии связывали обустройство таких известных холмов, как Бруг у Бойны, иначе — Ньюгрэндж, раскопки которого в 1963 году дали весьма интересные результаты [46, с. 463]. Теперь вернемся к пиктам. «В шотландском фольклоре пикты часто представляются темной расой пигмеев или подземным народом и порой отождествляются с эльфами, брауни или фэйри. Дома пиктов — это

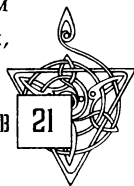
подземные сооружения, которые приписываются им, обнаруженные на восточном побережье Шотландии и на Оркнейских островах» [98, р. 830]. Необычная внешность пиктов в нашем предании кажется подходящей для сказочного «подземного народа».

Народная традиция связывала с пиктами сооружение самых разнообразных объектов, которые назывались «Стена пиктов», «Дорога пиктов», «Крепость пиктов» и т. п. [55, р. 214].

...который они варили из вереска... — Вереск — низкорослый, вечнозеленый кустарник с пурпурно-розовыми цветами. «Вереск — растение середины лета; красное и страстное, оно ассоциируется с холмами и пчелами» [7, с. 105]; вереск по праву является одним из символов Шотландии, а также Уэльса.

Что касается верескового эля или меда, то, когда в старинной валлийской поэме Cad Goddeu («Битва деревьев») говорится о том, что вереск дал утешение поверженным тополям, имеется в виду как раз вересковый эль, «любимый валлийский напиток, восстанавливающий силы» [7, с. 105—106].

...другое племя... — Речь идет о скоттах, имя которых по сей день носит северная Британия, Scotland. Старинный британский историк Беда Достопочтенный (673—735 гг. н. э.) писал: «Но когда настало время, Британия восприняла третью расу, после бриттов и пиктов; это были скотты, [появившиеся] в краю пиктов. Они вышли из Ирландии, предводимые Риадой, и добились для себя — где дружбой, а где мечом — селений, которыми они владеют до сих пор» (*Beda, Historia Ecclesiastica*, I, 1; [53, р. 4]). Скотты были переселенцами из Ирландии, кельтами-гэлами; ирландцы прозывались скоттами, согласно их легендарной родословной, от Скоты — дочери фараона, которая была дана в жены одному из прародителей ирландцев: «Оттого и считаем мы ее прародительницей и зовемся скоттами» [45, с. 80]. Итак,

ирландцы-скотты во главе с королем Фергусом, сыном Эрк, и двумя его братьями, Лоарном и Энгусом, пришли на земли пиктов в северной Британии и основали здесь шотландское королевство около 470 года н.э. Пришли они с севера Ирландии, с территории племени Дал Риада, отчего и шотландское королевство поначалу называлось Дал Риадой. Ирландские скотты, шотландские скотты — изначально один народ; и если Ирландию называли Великой Скоттией, то Шотландию — Малой.

До прихода сюда скоттов, и даже довольно долго после их прихода, землю эту кельты называли Альба (отсюда Альбион); иногда это имя относилось и к Британии в целом.

Король скоттов. — Вероятно, предание рассказывает о знаменитом короле Кеннете Мак Альпине, который, согласно хроникам, в 843 году соединил под своей властью скоттов и пиктов, разбив последних в сражении, после чего «имя пиктов как отдельного народа постепенно исчезло» [98, р. 830]. Здесь нужно оговориться, что исчезло не раньше XII века, потому что Гальфрид Монмутский, писавший свою «Историю бриттов» в 30-е или 40-е годы этого века, отмечал, что в Британии «обитает пять народов, а именно: норманны, бритты, саксы, пикты и скотты» [5, с. 6].

Коллизии, имевшие место между пиктами и скоттами, иногда разрешались браками: так, бабкой короля Кеннета Мак Альпина была пиктская королевна Ургусия. Кеннет наследовал своему отцу в 836 году. Традиция характеризует его как сурового и отважного правителя; «сила его ума достоподобным образом подкреплялась отвагою его тела», и он в конце концов вырвал древний скипетр королевства из слабых рук Вреда, последнего пиктского короля [55, р. 304]. При этом подчеркивается, что Кеннет не уничтожил пиктов, а создал единое королевство пиктов и скоттов.

...его оставили в живых. — Существовала другая версия этой истории, согласно которой отец после смерти сына бросился со скал и разбился. Традиция говорит, что это произошло на скалистом побережье Mull of Galloway, где жили последние пикты и где веками сохранялось это предание о них [63, р. 425].

...не то, что десницы в мое время. — Ср. это со следующим эпизодом в ирландском сказании «Ойсин в Тир На Н-Ог»: Ойсин, сын Финна, вернувшийся из Страны Вечной Юности, где он провел по земному, человеческому, счету триста лет, видит пастуха и просит его приподнять огромный камень, лежащий поблизости. Тот отвечает, что ни он, ни двадцать человек поболее его не смогли бы этого сделать. Ойсин наклоняется (ему нельзя сходить с коня) и легко переворачивает камень. Затем он просит пастуха поднести ему рог, который лежит под камнем, и получает такой же отказ. Ойсин тянется за рогом сам, но соскальзывает с коня и превращается в дряхлого старика [28]. Последующие поколения традиционно считаются слабее и мельче предыдущих. См. также сказание «Скала Кузнеца на острове Скай» и примечания к нему (наст. изд.).

Это был последний из пиктов. — Р. Чэмберс писал, что традиция считать пиктов исчезнувшим народом преобладала повсюду в южной Шотландии, тогда как старинные хроники и ученые изыскания говорят о том, что пикты были «далеки от того, чтобы исчезнуть, став предками наших нынешних горцев» [57, р. 82]. В самом деле, такие британские историки, как Беда Достопочтенный, Ненний и Гальфрид Монмутский, жившие в раннем Средневековье, единодушно утверждали, что скотты, то есть шотландцы, ведут свой род от пиктов и «дочерей Ибернии», то есть ирландских женщин [5, с. 47—48]. По этому поводу старинные хроники говорят следующее: «Названные пикты не имели жен, и поскольку бритты не хотели родниться с ними, они выпросили себе женщин из Ирландии с условием, что потомство их будет говорить

по-ирландски, на том языке, что по сей день сохраняется в горной Шотландии среди тех, которые называются скоттами» [58, р. 199].

Дж. Чэлмерс, считавший пиктов потомками кельтов-бриттов, переселившихся некогда на север, писал: «Пикты и скотты, которые были сродными племенами через общее происхождение и говорили на сходных языках, с легкостью срослись» [55, р. 333]. Так или иначе, но в «Истории бриттов» Гальфрида скотты и пикты постоянно упоминаются вместе как союзники. И то, что в крови горных шотландцев, по крайней мере их значительной части, смешана кровь скоттов и пиктов, можно считать достоверной истиной. Иногда население горной Шотландии V—VIII вв. называют «гэльскими пиктами». Между этими двумя народами существовала не только «кровная», но и духовная взаимозависимость. «Трудно сомневаться, — писал Дональд Дж. МакЛеод, — что кельтская поэзия, песня, легенда и народная сказка, которые живут столь пристрастно и столь сочувственно с природой, своим вдохновением обязаны во многом духовным качествам и верованиям этой одаренной древней расы» [51, р. 26].

СМЕРТЬ ФРАОХА

Вздых друга на лужайке Фраоха, вздох по герою за оградой, ее окружившей; вздох, который заставляет каждого мужчину скорбеть, а каждую женщину — плакать. Там к западу есть каирн, который укрывает Фраоха с мягкими волосами, сына Фиахи. Он тот, кто повиновался призыву Мейв, и от которого этот Каирн Фраоха носит свое имя. Плачут женщины Круахана; горестна причина их плача, ибо их жалобные вздохи вызваны Фраохом древних оружий, сыном Фиахи. Больше всех его оплакивает дева, что приходит рыдать на лужайку Фраоха, — кареглазая, с вьющимися локонами, — единственная дочь Мейв, которой повинуются герои, единственная дочь Карула прекрасноволосая, чей бок по ночам был простерт рядом с боком Фраоха. Хотя было много мужчин, что искали ее любви, она никого не любила, кроме Фраоха.

Когда Мейв нашла, что ей отказал в предпочтении герой с нравом без изъяна, она замыслила уязвить его тело, поскольку не разделил он с ней ее буйство. Она поставила для него смертную западню, потому что не уступил он хотениям женщины. Горестна была гибель его от змея, — каким образом, я сейчас правдиво поведаю.

На озере Мейв, где южный простирается берег, росла рябина; и во всякий месяц любого времени года видны были ее спелые плоды. Так хороши были гроздья ее, что была она слаще цветочного меда, и краснеющий плод поддерживал человека, лишенного пищи, в течение трех дней. Несомненно, прибавляла она человеку год жизни, и недужный получал облегчение от сока ее спелых ягод. Но с добычей ее сопрягалась опасность, ибо, хоть была она испытанным для людей лекарством, при ее корнях скрывалось ядовитое чудище, чтобы помешать всякому приблизиться и оборвать ее.

Мейв, дочь Омаха шедрых кубков, охватила мучительная болезнь. Она отправила посланье к Фраоху, и герой спросил, в чем желанье ее. Она отвечала, что не сможет поправиться, пока не получит в свои изящные руки полную пригоршню плодов с того холодного озера, сорванных никем иным, только Фраохом. «Не был я нанят плоды собирать, — сказал сын Фиахи с алеющим лицом, — но, хоть не делал я этого прежде, — добавил Фраох, — сейчас я пойду, чтобы нарвать плодов для Мейв».

Фраох удалился, нехотя ступая, и пустился плыть по озеру. Он нашел чудище крепко спящим, а пасть его была раскрыта на дерево. Фраох, сын Фиахи острооружный, ушел от чудища незамеченным, неся полную пригоршню красных плодов туда, где Мейв тосковала по ним.

«Хотя хорошо то, что ты сделал, — сказала Мейв с белоснежной грудью, — ничто не облегчит меня, благородный воин, кроме ветви, оторванной от ствола».

Фраох, юноша, не знавший страха, снова отправился плыть по спокойному озеру; однако не мог он, как ни велика была его удача, избежать назначенной ему смерти. Он ухватил рябину за верхушку и оторвал ветвь от дерева; но, когда он направлялся к берегу, разбуженное чудище заметило его. Оно настигло его, когда он плыл, и ухватило руку своей зияющей пастью. Фраох схватил чудище за пасть; если бы у Фраоха был теперь его клинок!

Чудище изгрызло его прекрасную грудь и оторвало ему напрочь руку. В спешке примчалась белокурая дева, неся клинок, от которого не было проку. Схватка эта была недолгой; рука его все еще держала чудовище за голову.

Горестным был исход борьбы между Фраохом, сыном Фиахи, и змеем. Они пали бок о бок у этих прибрежных бурых камней. Когда благородная дева увидела это, она пала на берег облаком тумана. Очнувшись от забытья, она взяла в свои ладони его обмякшую руку: «Хотя быть тебе к ночи растерзанной птичьей добычей, велико деяние, что ты совершил».

Если бы это случилось в схватке героев — что пал Фраох, даритель золота! Печальна гибель его от чудовища; горестно пережить его. Чернее, чем ворон, была роша его волос; краснее, чем кровь олененка, были щеки его; нежнее, чем пена потоков, белее, чем снег, была кожа Фраоха. Крепче, чем ворота, был его щит; длинна, как меч, была его рука; широк, как доска корабля, был его клинок; много героев вокруг него

собиралось. Выше, чем мачта, было его копье; слаще, чем струнный лад, был его голос. Пловец, который превосходил Фраоха, никогда не ступал в реку. Добротна была крепость его рук, и выше похвалы — быстрота его ног. Душою он превосходил короля. Никогда он не уклонялся от битвы. Красив был вождь, которого чтили люди, красивы щеки, что соперничали с розами в алости; красивы уста, которые не прекословили зову дружбы и не уклонялись целовать красавиц.

Мы отнесли на лужайку, в ее круговую ограду, тело Фраоха-героя. После того как умер достойный, мы сожалеем, что остаемся в живых.

Жесточайшей из женщин была она, из тех, что когда-либо видели очи, — та, что послала Фраоха сорвать ветвь после того, как принес он плоды. Лужайка носит его имя; Лох Мейв называется озеро, где чудище несло свою стражу и зев его был раскрыт на дерево.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Смерть Фраоха» — текст из рукописи шотландского сельского учителя Джерома Стоуна (1727—1756), собирателя и знатока подлинной гэльской поэзии. Большинство такого рода произведений, записанных в Шотландии, имеет единую с ирландской традицией тематику, что естественно для гэлов-скоттов, имеющих общий культурно-духовный запас. Используя те из гэльских источников, которые группируются вокруг Финна и его фениев, Джеймс Макферсон сочинял свои «Поэмы Оссиана», гениальный в своем роде, но отнюдь не подлинный эпос. «Смерть Фраоха» — реликт другого цикла гэльских преданий, нежели цикл Финна, и определенно более древнего, чем он.

Мы предлагаем читателям дословный прозаический перевод поэмы, в котором сохранили особенности оригинала.

Перевод выполнен по изданию: *Report of the Committee of the Highland Society of Scotland, appointed to inquire into the nature and authenticity of the poems of Ossian. Edinburgh, 1805.*

Каирн — «...это небольшой „курган“ из камней, воздвигнутый над погребением или иной точкой, ассоциирующей с Иным миром» [46, с. 212]. Каирн — характерная для кельтов памятная насыпь, не обязательно связанная с захоронением; она могла относиться к любому событию, в память о котором насыпалась; использовалась и как межевой знак.

В сказании «Разрушение Дома Да Дерга», например, читаем: «Фении первыми стали отличать разгром от разрушения и ставить высокий камень при разгроме, а каирн при разрушении. Оттого и решили разбойники в этот раз сложить каирн» [45, с. 113]. Как могильные насыпи, каирны ставились в основном в дохристианскую эпоху. «После обращения скоттов-гэлов в христианство должно было произойти весьма значительное изменение в погребальных обрядах. Людям больше не позволяли хоронить своих мертвых под каирнами, рассеянными по полям, так как это рассматривалось как свидетельство их язычества» [84, р. 423—424]. «Каирн», что во всех кельтских языках и означает «груды, нагромождение», входит как составная часть во множество топографических названий на севере Британии, в Уэльсе и Корнуолле [55, р. 51—52].

Рябина. — Рябина, возможно, была для друидов Шотландии таким же священным растением, как для друидов Галлии омела. «Это дерево действительно часто находили рядом с их каирнами и каменными кругами, а в новое время оно использовалось горцами в некоторых суеверных обрядах». Так, например, через обруч из рябины на Самайн

(1 ноября) и Бельтан (1 мая) проводили овец; из рябины иногда делали детали плугов и водяных мельниц; рябиновым посохом погоняли скот. Одним словом, рябина считалась защитницей против колдовства [84, р. 454].

С другой стороны, сама рябина была «деревом ворожбы»: из ирландского сказания «Осада Друйм Дамгайре» известно, что друиды использовали рябину в своих «друидических огнях», несущих погибель вражескому войску [28, с. 125—127]. В ирландском сказании «Сватовство к Этайн» читаем: «Когда же села Этайн на ложе, что стояло на полу, ударила ее Фуамнах прутом из красной рябины, и превратилась она в лужу воды» [45, с. 64]. Таким образом, рябина — и колдовское, и животворящее дерево.

Следует сказать, что в кельтских землях — в Галлии, Ирландии и Британии — «за деревом как таковым признавалась чудесная сила» [27, с. 149].

В XIX веке Роберт Чэмберс писал: «Среди горцев Шотландии рябина находится в великом почтении по сей день. Они почитают ее как самое благодатное из деревьев» [57, р. 328—329].

Мейв (правильнее: Медб) — знаменитая в ирландской традиции королева Коннахта, королевства на западе Ирландии, жившая, по преданию, на рубеже н. э.

Медб — один из главных персонажей эпоса «Похищение Быка из Куальнге» и прилегающих к ней сказаний [44]. «Дочь короля Коннахта, Медб не просто является обладательницей верховной власти, она есть воплощение такой власти: лишь проведя с ней ночь любви, герой может получить желаемое могущество. И таких героев и таких ночей в жизни Медб было очень много: она охотно дарит свою любовь помогающим ее. И этому не препятствует тот факт, что у нее есть муж Айлиль, которому не остается ничего другого, как закрывать глаза на поведение

жены» [5, с. 211]. Как воплощение власти, Медб — одна из самых ярких Женщин кельтской традиции, которые все, по существу, являются богинями — олицетворениями Земли, с которыми сочетается тот или иной король [69, р. 76—77].

Имя Медб этимологически восходит к «меддви» — «медвяная, опьяняющая», что напоминает о меде или эле Власти, который должен испытать из рук богини король: «Власть — это невеста, которая подносит напиток могущества, и сам этот напиток» [46, с. 85].

Медб — это Клеопатра и Мессалина в одном лице; она говорила о себе, что «никогда не была без того, чтобы иметь одного мужчину сразу вслед другому» [74, S. 110]. Вместе с тем она — королева-воительница, коварный и решительный враг; ее столица, Круахан, в сказаниях именуется «хищным».

Она говорила о себе, что из всех своих сестер она «была самой обходительной и щедрой, лучшею в бою, схватке и поединке» [14, с. 603]. Причиной многолетней кровавой распри между ирландцами, описанной в «Похищении Быка из Куальнге», стало упрямое и страстное желание Медб иметь «быка, прекраснейшего в Ирландии».

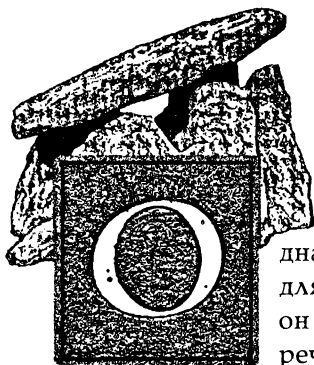
Круахан — столица Коннахта, королевства на западе Ирландии, которым правила Медб. Ныне это город Раткроган в графстве Роскоммон.

До того как здесь был построен королевский дворец, Круахан долго был языческим кладбищем и назывался «холмом друидов». Согласно традиции, вокруг главного холма Круахана располагалось пятьдесят других холмов, в каждом из которых было захоронено пятьдесят мужчин и женщин. Среди тех, кто здесь лежал, были не только короли, но и языческие боги из Племени Богини Дану, например, Эриу, Фотла и Банба — три женщины Племени, именами которых в древности называлась Ирландия.

...белее, чем снег, была кожа Фраоха. — Излюбленная у кельтов формула красоты. Героиня древнего ирландского сказания «Изгнание сыновей Уснеха», Дейрдре, говорит: «Три цвета будут у человека, которого я полюблю: волосы его будут цвета ворона, щеки — цвета крови, тело — цвета снега» [14, с. 567]. Она говорит это, когда видит, как ворон на снегу пьет кровь теленка.

Красив был вождь, которого чтили люди... — Описание красот и добродетелей Фраоха в этом сказании (которое является, в сущности, погребальным плачем) — это традиционное описание «кельтского рыцаря» (см. также «Плач Мэри МакЛеод» и примечания к нему в наст. изд.).

ВЕЛИКОЕ БЕДСТВОЕ ФЕНИЕВ

днажды, когда у Патрика не было псалмов для пения, а был досуг для застолья и беседы, он пошел к дому Ойсина, сына Финна, чьи речи были приятны его ушам.

Патрик сказал: «Приветствуем тебя, неунывающий старец, и пришли навестить твое жилище, доблестный краснолицый герой, что никогда не отказывал в просьбе. Желаем услышать от тебя, о внук Кумала с крепким мечом, рассказ о самой большой напасти, постигшей фениев с тех пор, как впервые ты начал ходить по их следам».

Ойсин сказал: «Охотно расскажу тебе, о Патрик сладких псалмов, о самой большой напасти, что когда-либо постигала фениев с тех пор, как впервые явились герои Финна.

Финн в возрасте героев позабыл позвать на пир при Алмайне, на красном холме, нескольких фениев, возгоревшихся

гневом и негодованием. «Поскольку ты не удостоил нас че сти праздника, — сказал Мак Ронайн сладкоголосый, — я и благородный Айльте увольняем себя на год от службы Финну». Отъезжая, они молчаливо положили свои щиты и мечи на борта своих кораблей. Два благородных вождя отправились в Лохланн, королевство блестящих мужей.

В течение года красавцы бойцы были в друзьях короля — острооружный сын царственного Коннхара и Айльте, никогда не отказывавший в просьбе. Королеву Лохланна, страны бурых щитов, постигла сильная страсть, которую не могла она скрыть, к длинноволосому Айльте-воителю. С ним она привела свой помысел в исполнение и сблудила от ложа короля.

Это было деяние, за которое пролилась кровь. Они же — королева и Айльте — отправились в путь через море к Аймайну героев, жилищу Финна.

Королем Лохланна был в то время человек, который добился победы в каждом противоборстве, — Айргин, сын Айннира, король кораблей, весьма искусный в делах оружия. Король собрал свое войско и твердыню из кораблей, обильно снабженных припасами. Девять владык объединили свои силы в дерзкое воинство из мужей Лохланна. Они присягнули, что не возвратятся из плавания, оставив Финна за своей спиной. Но всякий меч хорош, покуда не испытан в битве.

Они дерзко направили свои корабли к побережью Ирландии и плотно расположили свои силы вблизи того места, где был Финн, окруженный своими воинами. Пришло послание к Финну, грозная весть, что была причиной скорби для многих, — вызов вождям Инисфайла на северный берег.

Мы послали к ним королевну, голубоглазую и белозубую, и послали с ней сотню коней, лучших из всех, что когда-либо направлялись уздой, а на них сто всадников, облаченных в атлас, сиявший как солнце.

Когда она спустилась к берегу, то оставила коней позади и зашагала вперед навстречу мужам Лохланна. Два золотых яблока были в ее правой руке, а на рукавах ее платья было выткано дерево.

Айргин спросил: «Какие вести от людей Финна, о дева завитых локонов?» Дева сказала: «Раз твоя жена нарушила свой брачный обет и виновна в бесчестном деле, тебе предлагается дружба Финна. Ты получишь меня в залог исполнения дела и, если примешь предложенное, ты получишь дружбу и сотню коней, лучших из всех, что когда-либо направлялись уздой, а на них сто всадников, облаченных в атлас, сияющий как солнце. Ты получишь это и сто поясов, — болезнь не сможет поразить тех, кто подпоясается ими; они останавливают боль и муку; прекрасный подарок беременным женщинам. Ты получишь это и сто блюд, которые ставились перед королями мира, — тот, чья пища приготовлена на них, будет наслаждаться вечной юностью. Ты получишь это и сто кораблей, что рассекают волны с нарастающей скоростью, с бывальыми моряками, счастливыми во всякой битве. Ты получишь это и сто воинов, что добывают дань в суровом сражении. Ты получишь это и сто быстрых ястребов, победных в воздухе. Ты получишь это и сто плодовитых кобыл, а белого скота столько, сколько вместит долина. Получив эти дары, возьми свою жену и заключи с нами мир».

Айргин сказал: «Я не заключу мира ни с Айльте, ни с благородными фениями, покуда не сделаю Финна моим пленником и не погоню его скот к берегу».

Дева ответила: «Говорю тебе, Айргин, согласно с моим суждением в этом деле, что, какова б ни была твоя сила, ты никогда не сделаешь Финна пленником и не погонишь его скот к берегу. Но так как мои предложения неразумно отвергнуты, я возвращаюсь, а потому прощай». Айргин сказал: «Не уходи, о дева завитых локонов, благородная королева со сладким голосом; ты примешь драгоценные камни, и я привяжу себя к твоему боку навсегда».

Дева ответила: «Я возвращаюсь, о вождь этих полчищ, ибо не могу унять ярость твоего мщения, не могу получить прощение для безрассудной пары».

Королева повернулась и ускакала ко дворцу своего отца. Много было поднято шелковых знамен, и вскоре фении выстроились в боевом порядке.

Семь раз по двадцать наших лучших воинов и сам Айльте в первых рядах пали от руки великого Айргина, против которого ополчились войска.

Когда Финн, долго хранивший молчание, увидел гибель своего войска, он был разъярен. Он многое сделал, побуждая фениев. «Кто сразит Айргина в битве, иль мы оставим ему это торжество над нами без отмщения?» Тогда ответил Голл, самый неукротимый из воинов: «Дай мне схватиться с Айргинном в битве, испытай доблесть героя».

Финн сказал: «Возьми Мак Анлута и темноволосого Диармайда, красавца Киарана и Мак Анлейга, чтобы защитить себя от ран воина, — возьми их по двое как по щиту на каждый бок».

Восемь дней без перерыва длилось избиение наших войск. На девятый день Голл добыл голову короля Лохланна с бурым щитом. Никто не избежал лезвия меча и, ликуя, не возвратился из битвы. Из полков короля Лохланна никто не вернулся домой, в родную землю. Четырежды двадцать и еще пять тысяч мужей славы пало от рук Гары и Голла, а две тысячи — от рук Оскара храбрых деяний и Кайрилла светлокожего. Поручусь именем, что ты дал мне, о Патрик сладких псалмов, — там пало от Финна и от меня столько же, сколько от тех четверых. В той битве почти половина фениев была сражена на юго-западном берегу; а до захода солнца дожило не больше трети из них».

ПРИМЕЧАНИЯ

«Великое бедствие фениев» — одна из старинных гэльских поэм, записанных в 1784 году доктором Янгом, который отправился в горную Шотландию с целью разыскать первоисточники сочинений, опубликованных Джеймсом Макферсоном под названием «Творения Оссиана».

Известно, что вызванная этой публикацией «оссиановская полемика» была исключительно плодотворной: она сделала всеобщим интерес к подлинной гэльской (и шире — кельтской) традиции, принесла множество открытий, хотя в конце концов доказала, что автором «Творений Оссиана» был сам Макферсон.

Благодаря Макферсону, повестям о Финне и его фениях было суждено второе рождение. «Великое бедствие фениев» было использовано Макферсоном в сочинении «Битва при Лоре», вошедшем в первый том «Творений Оссиана» (1765). Это установлено доктором Янгом, опубликовавшим гэльский текст первоисточника с параллельным английским подстрочником. По этому изданию и выполнен наш перевод:

Young M. Ancient Gaelic poems respecting the Race of the Fians, collected in the Highlands of Scotland in the Year 1784 // The Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin, 1787. Vol. 1.

Фении (собираательно: Фианна) — дружина воинов-охотников III века н. э., жившая в Ирландии вольным сообществом и предводительствуемая Финном Мак Кумалом (Финном, сыном Кумала), называемого также «королем фениев». Сообщество, или дружина фениев, Фианна была своеобразным рыцарским орденом со своим уставом и регламентированной внутренней жизнью. Она состояла на службе у верховного короля и основной задачей имела оборону Ирландии от вторжения чужеземцев, которые в традиции представлены, как правило, скандинавами (хотя в III веке н. э. те еще не вторгались в Ирландию). Основными занятиями фениев были охота и война. Они жили независимой жизнью на природе от Бельтана (1 мая) до Самайна (1 ноября), тогда как в остальное время занимали дома ирландцев [67, р. 326].

История Фианны изобилует не только воинскими подвигами, но и общением с Иным Миром, обитатели которого выступают часто главными противниками фениев. Да и сами фении, особенно их «король» Финн, не вполне «от мира сего» и обладают сверхъестественными способностями. Достаточно сказать, что матерями многих из них считаются феи-сиды, как, например, мать Финна и мать Ойсина.

Фении признавались элитой гэлов, так как любой фений должен был иметь невероятную для обычного человека физическую и духовную подготовку [46, с. 71—72].

Письменные и устные предания, называемые Циклом Финна или Циклом Ойсина, сына Финна, перешли вместе с гэлами из Ирландии в Шотландию. «Существуют свидетельства, что уже в XI веке рассказы о

Фианне составляли неотъемлемую часть устной фольклорной прозаической традиции, в Шотландии же и в Ирландии они были распространены в крестьянской среде вплоть до наших дней» [46, с. 75].

Патрик — самый почитаемый гэльским народом святой, креститель (V в. н. э.) и покровитель Ирландии. «Он был родом из богатой семьи в Галлии; семнадцати лет он попал к разбойникам и был продан рабом в Ирландию. Ужасную жизнь испытал он, стужу и голод, спал на голой земле в пещере; среди диких людей ему казалось, что он и сам одичал, стал последним человеком. Только золотые сны спасали его: ему чудилось, он переносится в другой, светлый Божий мир; какой-то голос внушал ему: „До сих пор ты плакал о себе; плачь теперь о других, и ты увидишь солнце вечной жизни“» [4, с. 237].

Бежав из Ирландии, Патрик возвращается в нее уже апостолом; он наносит поражение друидам верховного короля Лозгайре, сына Ниалла, — «первым зажигает священный огонь и побеждает их в магических состязаниях, демонстрируя свою высшую власть над миром света и тьмы, огня и воды» [46, с. 89]. Как сказано в одном старинном манускрипте: «Когда беспорочность веры была признана людьми Ирландии, и когда Евангелие Христа было проповедано им всем, и когда Лозгайре со своими друидами был поражен великими чудесами и дивами, творимыми Патриком в присутствии мужей Ирландии, тогда они уверовали и стали исполнять волю Патрика...» [79, р. 72].

Встреча св. Патрика с Ойсином, сыном Финна, произошла, согласно преданию, после возвращения последнего из Страны Вечной Юности, где он пробыл по земному счету триста лет, и поэтому из своего времени (III в. н. э.) попал во времена св. Патрика [28, с. 29—44]. «Святой Патрик задавал ему всякого рода вопросы о прежних временах фениев Эрина. Ойсин рассказывал ему о своем отце, Финне Мак Кумале, о себе самом, своем сыне Оскаре, Голле Мак Морна, Конане Маоле, Диармайде и обо

всех героях Фианны; о том, как они сражались, пировали и охотились, как они попали под друидические чары и как освободились от них» [60, р. 334]. Из рассказов Ойсина Патрику и сложилась, в основном, та традиция, которая называется Циклом Ойсина или Циклом Финна.

Следует добавить, что, по некоторым данным, св. Патрик родился не в Галлии, а в Шотландии, около Глазго, и поэтому он считается общегэльским святым.

...был досуг для застолья... — Св. Патрик был звездой первой величины в блистательной плеяде «странных кельтских святых», странных настолько, что, например, «св. Иероним называет ирландцев раскольниками, папы часто буллами увещевали английских королей истребить «этих нечестивых», и епископы их не получали из Рима инвеституры до времен вторжения англичан» [39, с. 34]. Не говоря уже о пылом сопротивлении, которое оказывали Риму кельтские «люди церкви» по частным вопросам вроде способа выстригания волос у монахов, — изумление, а порой и ужас вызывали само происхождение и деятельность некоторых кельтских святых. Действительно, св. Колумба (Колумкилле) был поэтом и другом поэтов, а св. Бригита, судя по всему, была вовсе языческой богиней [45, с. 12—15].

Вместе с тем именно кельтским святым Запад обязан своим крещением и становлением монастырской жизни [25, с. 115—120]. «Многое, что было в ходу у старинных друидов, осталось и у этих проповедников. Они гадали по звездам, чертили таинственные рисунки, искали ответы в игре чисел. Чудной вид имели они: с длинными развевающимися волосами, опираясь на длинные посохи, с кожаным мешком и мехом для вина на спине, по двое или в священном числе двенадцати они проходили страну; они были татуированы, как волшебники, веки были окрашены красной краской, на лице нарисованы были затейливые фигуры; они носили с собою восковые дощечки и показы-

вали на них в виде тайны искусство письма. Но у этих странных проповедников было много мужества, самоотвержения и горячей веры. Их обычаи и приемы помогали сблизиться с окружавшими их полудикими людьми и проникнуть к сердцам их» [4, с. 237—238].

Среди кельтских святых были поразительные аскеты, доходившие в борьбе с плотью до изуверства, как св. Моласса: приходившей к нему монахине он втыкал в ладонь иголку, чтобы проверить, идет ли у нее после поста кровь [66, р. 149]. Но и в аскетизме кельтские святые были эксцентричны, чему есть объяснение как в свойствах Кельтской Души, так и в «друидическом наследии» кельтской церкви (это было главное обвинение в ее адрес).

Ойсин, сын Финна. — Европейскую славу и свое «второе рождение» этот гэльский воин и бард III века н. э. получил благодаря выходу в свет «Творений Оссиана», сочиненных Джеймсом Макферсоном.

Однако и до Макферсона и после него эти сказания жили в сознании кельтов независимо от внешнего мира, в том числе и мира литературного; хотя творчество Макферсона не осталось незамеченным даже в гэльской «глубинке».

Есть множество свидетельств тому, как мало за последнюю тысячу лет изменилось восприятие кельтами собственных преданий. Вот пример из Ирландии: «Даже в наши дни проф. Деларжи рассказывает об искреннем ужасе, охватившем народного сказителя из графства Керри, когда кто-то из слушателей усомнился в правдивости его рассказа о возвращении Ойсина из Страны Вечной Юности и предположил, что Ойсина вообще не было на свете» [46, с. 21]. Биография Ойсина, если ее можно так назвать, изложена в сохранившихся текстах сказаний фенианского цикла. Несколько из них переведено на русский язык [28; 14].

«Матерью Ойсина была Садб, дочь Бодба Красного, сына Дагда. Богиня-соперница превратила ее в оленуху, и поэтому ее сына называли

Ойсин, то есть „оленинок“» [62, р. 90]. Другая фея-сида, сыгравшая не менее важную роль в жизни Ойсина, была королевной из Страны Вечной Юности, которая увела его с собой туда, откуда ему было суждено вернуться в Ирландию только через триста лет.

Еще в XIX веке ирландцы показывали могилу Ойсина в живописной долине близ городка Кушендалл в графстве Антрим, на севере Ирландии.

...неунывающий старец... — К моменту встречи со св. Патриком Ойсин из полного сил и здоровья юноши превратился в слепого дряхлого старика. Это произошло в тот самый миг, когда он неосторожно соскользнул с чудесного коня, данного ему королевной из Страны Вечной Юности, и коснулся ногой почвы Ирландии [28, с. 34].

Таким стариком, оплакивающим свою участь и живущим воспоминаниями в чуждом мире, Ойсин представлен и в сочинениях Дж. Макферсона, названных им «Творениями Оссиана» [29].

...внук Кумала... — Кумал, дед Ойсина, также был предводителем фениев, как и Финн. Некоторые версии его смерти связаны с женщинами. Согласно одной версии, «Кумал заметил на небольшом островке прекрасную женщину, которая одиноко стояла на берегу и приветливо смотрела в его сторону. Воспылав к ней любовью, он бросился в воду и быстро очутился на островке, но едва приблизился к девушке, как Арка Дуб (королевский рыбак — С. Ш.), прятавшийся в густой высокой траве, выскочил и нанес ему роковой удар» [46, с. 386]. Впрочем, более распространена версия, по которой Кумал был убит Голлом Мак Морна (см. примечание ниже).

...краснолицый герой... — В ирландском сказании «Болезнь Кухулина» говорится: «Ведь все красное красиво...» [14, с. 648]. Особое пристрастие кельтов к красному цвету бросается в глаза при чтении «Плача Кухулина над Фердиадом», где победитель обращается к поверженному

врагу так: «...о краснолицый сын Дамана!.. Мила мне алость твоя благо-родная... твой пурпурный лик прекрасный!» [14, с. 629—630]. К самому Кухулину обращены такие слова его возлюбленной: «Привет тебе, Кухулин, алый, как кровь!» [14, с. 646]. Пристрастие кельтов к красному цвету отмечено еще античными авторами, например, Марциалом: «Рим больше темную ткань, а Галлия красную носит» (*Эпиграммы. Книга XIV. Подарки*, 129). Красный, как уже было отмечено, — один из цветов, при-сущих облику и одеянию жителей Иного Мира (см. примечание к «Пос-леднему из пиктов» в наст. изд.).

Алмайн — знаменитый холм в Лейнстере, королевстве на востоке Ирландии, бывший главной резиденцией Финна и его фениев; ныне это холм Аллен в графстве Килдар. Алмайн был сидом, то есть чудесным холмом.

Лохланн (Лохлин) — гэльское название Скандинавии; «страна озер». Дж. Макферсон писал, что скандинавы, постоянные вторжения которых начиная с VIII века стали главным несчастьем Британии и Ирландии, «были несравненно более дики и жестоки, чем британцы» [29, с. 254].

...прекрасный подарок беременным женщинам. — Макферсон в примечаниях к своей «Битве при Лоре» писал: «Освященные пояса до последнего времени сохранялись во многих семействах на севере Шот-ландии. Ими опоясывали рожениц: считалось, что они облегчают муки и ускоряют роды. На них были вытиснены некие тайные знаки, и обряд опоясывания ими женской талии сопровождался словами и телодвиже-ниями, которые свидетельствуют, что обычай этот унаследован от друидов» [29, с. 83].

...будет наслаждаться вечной юностью. — Эти слова девушки заставляют вспомнить излюбленное название кельтского языческого рая, Страны Юности, в которой побывал Ойсин; а облик девушки,

в платье с вытканым деревом и с яблоками в руке, напоминает о посланниках из этой Чудесной Страны, которые иногда приносят с собой оттуда яблоки или яблоневые ветви [28].

Инисфайл — одно из традиционных и поэтических названий Ирландии: «Остров Фала». Фал, или Лиа Фаль, — это камень, стоявший на вершине холма Тары, столицы верховных королей Ирландии. По преданию, этот камень был одним из чудесных предметов, принесенных в Ирландию Племенем Богини Дану. «Этот камень был „Камнем Знания“, ибо, когда к нему прикасался будущий король, он издавал пронзительный крик» [46, с. 249]. Он олицетворял брак всякого верховного короля с Властью и Землей Ирландии; Фал имел форму пениса. Вот по этому самому камню Ирландия и называлась Островом (Инис) или Долиной Фала.

У Фала поразительная судьба. Переправившись в Шотландию, скотты взяли его с собой, ибо, согласно пророчеству, «род скоттов будет править там, где находится этот камень». Какое-то время камень (его называли Камнем Судьбы) пребывал в Шотландии в графстве Аргайл, пока король Кеннет Мак Альпин в IX веке не перенес его в Сcone — священную столицу шотландских королей, где они несколько веков подряд возводились на трон. Фал и в Шотландии был камнем «посвящения в короли». Английский король Эдуард I в конце XIII века, дабы уничтожить шотландскую независимость, велел перенести камень из Сcone в Вестминстерское аббатство, где его разместили у алтаря перед ракой с мошами св. Эдуарда [55, р. 467—468]. Его вдедали в сидалище специального трона — Кресла Коронации, — и с тех пор он остается в Вестминстере. Когда в 1603 году на трон Британии взошел король шотландской династии Яков I, шотландцы воспряли духом, подумав, что пророчество продолжает исполняться. Прошло три с половиной века, и рождественским утром 1950 года несколько шотландских националистов выкрали камень из Вестминстерского аббатства и за-

брали его обратно в Шотландию. Камень, однако, разыскали и спустя четыре месяца вернули в Вестминстер.

Лиа Фаль, он же Камень Судьбы из Сконе, весит 152 кг; это прямоугольной формы песчаник бледно-желтого цвета. Прикрепленная в древние времена к камню металлическая пластина с упомянутым выше пророчеством гласила:

*Если только судьбы возрастут без изъяна,
И пророческий голос не будет всуе, —
Обретется где этот священный камень,
Там будет править и раса скоттов.*

[97, р. 558].

См. также примечание к сказанию «Как Макбет стал королем» в наст. изд.

Голл — Голл Мак Морна, один из самых видных фениев, некогда убил в схватке отца Финна — Кумала. Это стало причиной жесточайшей вражды двух кланов. Впоследствии, когда Финн занял место своего отца и стал предводителем фениев, Голл подчинился ему, однако отношения их никогда не были дружескими. Клан Голла и клан Финна еще раз столкнулись в битве при Гавре (284 г. н.э.), которая действительно может быть названа «великим бедствием фениев»: именно в ней практически вся Фианна была истреблена. Это, однако, случилось гораздо позже описываемых в нашем тексте событий [78, р. 313—314].

Диармайд. — Из перечисленных фениев особое внимание, кроме Голла, заслуживает Диармайд. Его судьбе посвящено самое обширное сказание фенианского цикла — «Преследование Диармайда и Грайне» [14]. Диармайда — воспитанника и соратника Финна — подвергла изощренному насилию жена Финна по имени Грайне, ненавидевшая своего супруга. Она наложила на Диармайда «опасные и губительные оковы любви» и, поставив его в безвыходное положение, вынудила

бежать вместе с ней от Финна. Это произошло так, что даже Ойсин сказал Диармаиду: «Ты не виноват в оковах, которые наложены на тебя» [14, с. 723]. Долго скитались Диармайд и Грайне, преследуемые фениями, пока не состоялось их примирение с Финном. Однако в результате исполнения зарок, полученных Диармайдом еще в детстве, он гибнет на охоте. Умирая, Диармайд пророчески говорит: «Великие беды обрушатся на фениев, и эти беды истребят их самих и не пощадят их потомков» [14, с. 782]. Добавим, что Грайне, дочь короля Кормака, — вероятно, и есть та королевна, которую Финн послал навстречу королю Лохланна в настоящем сказании.

ГАРРИ И ЖЕНЩИНЫ

от по какому случаю фении были близки к голодной смерти. Они жили за счет оленей, на которых охотились, а охота из-за колдовства не удавалась им. Они были так голодны, что держали свои животы на семи дубовых заколках. Но их женщины становились все жирнее и жирнее, пока мужчины умирали от голода. Каждый день они ходили на холм и ничего не добывали на охоте. Финн не знал: что такое добывают женщины, что помогает им толстеть, — это не могла быть та малость, что способны были дать им мужчины. Однажды Финн оставил одного фения по имени Гарри в доме, чтобы последить за женщинами и выяснить, что они добывают.

Когда фении ушли, Гарри увидел, как женщины умываются и идут на берег собирать раковины. Каждая из них

вернулась оттуда с подолом раковин; и когда они приготовили моллюсков и съели их, то зарыли ракушки, из страха, что фении их заметят.

Увидев это, Гарри пошел в дом, улегся и заснул. Обычно он ужасно храпел, когда спал. Женщины услышали храп в доме, посмотрели и увидели его, спящего на полу. Они поняли, что их предали; им ничего не оставалось, кроме как убить Гарри, потому что, расскажи он другим фениям, что женщины ходят на берег за раковинами, мужчины опустошили бы берег в два дня, и женщинам ничего бы не осталось.

Женщины вошли в дом. У Гарри были длинные волосы; они сделали из них девять кос и наложили девять заколок, по заколке на каждую косу, пригвоздив их к полу. А затем все они вышли и подняли крик вокруг дома. Гарри вскочил и оставил свои волосы и кожу пригвожденными к полу; он вышел лысый и окровавленный, без волос и кожи на голове. Он не знал, что ему сделать с женщинами, и бегал за ними, пока не загнал всех в дом. Когда они оказались внутри, он запер дверь и предал дом над их головами огню.

Он знал, что его непременно ждет смерть, когда другие фении придут домой и найдут сгоревших женщин; и он подумал, что лучше ему бежать. Тогда случилось, что начал падать снег, и Гарри стал пятиться задом от дома, покуда не достиг берега; там он нашел пещерку и схоронился в ней.

Когда фении пришли домой с холма, они нашли перед собой только голые руины и сгоревших женщин. Они увидели следы ног, ведущие к дому, но ни одного, ведущего от дома. Финн поклялся острием своего меча, Мак а'Луина, что никогда не успокоится, пока не обезглавит человека, кото-

рый сделал это. Он велел фениям идти по следам и посмотреть, откуда они ведут. Они шли по следам, пока не обнаружили Гарри в пещерке на берегу; тогда они привели его к Финну.

Бедный Гарри рассказал Финну, что с ним приключилось и обо всем, что он сделал. «Ладно, — сказал Финн, — ты сделал с ними только то, что они заслужили. Если бы я не поклялся острием своего меча, что не успокоюсь, пока не обезглавлю Мак а'Луйном человека, который это сделал, я не предал бы тебя смерти; но теперь ты должен умереть».

«Тогда, — сказал Гарри, — ты должен дать мне ту смерть, которую я выберу». «Это ты можешь иметь», — сказал Финн.

«Вот какую смерть я выбираю, — сказал Гарри, — пусть мне отрубят голову на твоём бедре Мак а'Луйном, который будет держать мой сын Аод».

У Гарри был сын по имени Аод; не было из фениев никого более доблестного, чем он.

Когда Финн услышал, что Гарри хочет быть обезглавленным на его бедре, он испугался, что потеряет свою ногу, потому что меч его не мог сделать незавершенный удар: он должен был разрубить то, что было перед ним, иначе потерял бы свою волшебную силу и стал бы не лучше любого другого меча. Но приходилось держать свое слово. Поэтому он взял семь дубовых балок, семь старых шкур и семь слоев твердого торфа; голову Гарри положили на его бедро, а поверх нее семь балок, семь шкур и семь слоев торфа. Привели Аода, сына Гарри, дали ему меч Мак а'Луйн и велели «разрубить это». Аод не знал, что было снизу, он взмахнул мечом и перерубил семь

балок, семь шкур и семь слоев твердого торфа и отрубил голову своему отцу; и меч остановился, коснувшись Финнова бедра.

Когда Аод увидел, как упала голова его отца, он поднял меч, повернулся к Финну и спросил: «На ком мне выместить смерть моего отца?»

«Иди, — сказал Финн, — и вымести ее на высоком приливе, что находит на берег».

Аод пошел, взял весло, вошел в лодку и не пускал высокий прилив в течение трех приливов после этого. Затем он утомился, положил под руку весло и заснул; а прилив нахлынул и утопил его, пока он спал.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Гарри и женщины» — текст, записанный известным фольклористом Джоном Лорном Кэмпбеллом в 1950 году от гэльского сказителя, уроженца острова Южный Уист, Энгуса МакЛеллана. Сказители, подобные ему, были на протяжении веков главными хранителями Традиции. Многие из того, что они хранили в памяти, было некогда записано средневековыми монахами; многое так и осталось в устном предании. Во всяком случае, сказитель всегда был источником не менее ценным и достоверным, чем старинные рукописи; эта ценность становилась абсолютной в том случае, когда предание веками оставалось устным. Все свои рассказы сказители-знатоки старины перенимали от предшественников — членов семьи, соседей, заходящих странников, нищих или бродяг, — «и некоторые истории можно было проследить от рассказчика к рассказчику на несколько поколений назад, порой до начала XVIII века» [46, с. 15]. Так обстояло дело и с Энгусом МакЛелланом — исполнителем

старинных повестей с острова Южный Уист, которому к 1950 году было 90 лет.

Устная традиция, посвященная Фианне, неисчерпаема. «Гарри и женщины» — один из характерных ее фрагментов.

Перевод текста выполнен по изданию: *Stories from South Uist / Told by A. MacLellan; Transl. by J. L. Campbell. London, 1961.*

...охота из-за колдовства не удавалась им. — Противниками фениев часто выступали разные создания из Иного Мира, а также ведуны и ведьмы, магия которых не раз ставила фениев почти в безвыходное положение; об этом, например, рассказывает древняя ирландская поэма «Финн и призраки» [28].

...держали свои животы на семи дубовых заколках. — Точный смысл этой фразы непонятен. Возможно, он заключается в том, что фении были гигантами, и поэтому, когда их животы от голода опали, складки кожи потребовалось «зашпиливать», чтобы они не распозлались.

У Гарри были длинные волосы... — Правила приема в Фианну между прочим гласили: «Ни один человек не мог быть принят в воинство фениев до тех пор, пока не заплетал он своих волос в тугие косы...» [46, с. 72].

Мак а'Луин — «Сын Копья»; оружие в кельтской традиции, как правило, одушевленное, обладает индивидуальностью и характером, собственным именем, а также магическими свойствами. Такое оружие, будь то меч, копье или нож, обычно имеет иномирное происхождение: в ирландской традиции знамениты, например, Копье Луга и Меч Нуаду, принесенные богами из Племени Богини Дану с неких чудесных «Островов на севере земли» [45, с. 33]. В гэльских сказаниях Ирландии и Шотландии особое место занимают сюжеты, связанные с чудесными

мечами, — такими, как меч Финна, Мак а'Луйн. Как правило, эти мечи выкованы кузнецами Иного Мира и закалены в человеческой крови: отсюда их чудесные свойства [84, р. 446]. В бриттской традиции Уэльса, Корнуолла и Бретани (традиции, которой питались рыцарские романы) наиболее известен меч короля Артура по имени Калибурн (или Эскалибур), изготовленный на Авалоне — острове феи Морганы [5, с. 99].

СКАЛА КУЗНЕЦА НА ОСТРОВЕ СКАЖ

Рассказывали, что внутри этой Скалы спят фении и что, если кто-нибудь войдет туда и трижды подует в Деревянного Свистуна, который лежит рядом с Финном, они поднимутся живыми и здоровыми, какими были прежде.

Кузнец, который жил на острове, слышал этот рассказ и решил попытаться войти в Скалу. Он дошел до места, где она была, и тогда ему пришла хорошая мысль насчет ключа к входному отверстию. Он возвратился в кузницу и сделал ключ, который подходил к скважине. Затем он вернулся к Скале, и как только повернул ключ в скважине, дверь открылась.

Он увидел перед собой обширное, просторное место и непомерно больших людей, лежавших на полу. Один человек, громадней, чем остальные, лежал посредине, а рядом с ним — большой полый деревянный жезл. Кузнец подумал, что это

Деревянный Свистун. Но он был такой большой, что кузнец испугался, что не сможет его поднять, не то что свистнуть в него. Постоял он немного, рассматривая его, но под конец понял, что слишком далеко зашел и любой ценой должен попытаться. Он взялся за Деревянного Свистуна и с трудом поднес его ко рту. Он дунул в него что было силы, и звук оказался таким громким, будто Скала со всем, что было на ней, рухнула ему на голову. Громадные неповоротливые люди, что лежали на полу, содрогнулись от макушек до подошв.

Он дунул в Деревянного Свистуна в другой раз, и одним рывком привстали они на локтях. Их пальцы были как лозы лесного винограда, а руки — как ветви железного дуба. Своей величиной и устрашающей наружностью они ввергли его в такой ужас, что отбросил он Деревянного Свистуна и помчался прочь. Тогда они закричали ему вослед: «Худо, что ты нашел нас; еще хуже, что ты нас оставил!»

Но он не оглядывался, пока не выбрался наружу и не запер дверь. Затем он вытащил ключ из скважины и забросил его в озеро, что было рядом со Скалой и что зовется по сей день Озером Скалы Кузнеца.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эта короткая, но многозначительная история записана в 1889—1890 годах в северошотландском графстве Аргайл со слов гэльского сказителя Александра Камерона, который, как это обычно бывало, слышал ее в детстве от стариков.

История эта — еще одно свидетельство живучести фенианской традиции в сознании гэлов-скоттов; к тому же она демонстрирует

типично кельтский подход к проблеме соотношения прошлого и настоящего, тамошнего и здешнего, жизни и смерти. Для кельтов все это — не антиномии, а параллельные миры, между которыми нет непроходимых границ. Ничто не проходит, все остается. И ничто не умирает, все изменяется. «Может быть, именно этим и объясняется особое отношение к смерти у ирландцев, понимающих, что Иной Мир не отделен от мира этого и граница между ними лежит лишь в зоне восприятия» [35, с. 138]. Особенно «живы» в этом смысле великие герои и короли гэльского прошлого, в том числе «король фениев» Финн Мак Кумал.

Перевод текста выполнен по изданию: *Waifs and Strays of Celtic Tradition. Argylleshire Series. № 3. Folk and Hero tales. Collected, edited, translated and annotated by the Rev. J. MacDougall. London, 1891.*

Остров Скай — крупный остров у западного побережья горной Шотландии (графство Росс и Кромарти). Исторически он входил во владения крупнейшего гэльского клана — клана МакДональдов. У авторов XVII—XVIII веков, писавших о Шотландии и Островах, Скай часто предстает островом духовидцев и ясновидящих [51; 84].

...внутри этой Скалы спят фении... — Рассказ о фениях во главе с Финном, спящих в скале или пещере, как и аналогичный рассказ о короле Артуре с рыцарями Круглого Стола, можно было услышать вплоть до последнего времени в самых разных уголках кельтской Британии; на севере страны рассказывали чаще всего о Финне, а на юге, соответственно, — об Артуре. Конкретных мест, где тот либо другой «спит», можно насчитать, наверно, не один десяток. Сюжет рассказа везде был примерно одинаков: несвоевременный пришелец, случайно или намеренно попавший в такое место, будит исполинов не до конца и, в страхе ретируясь, оставляет их спать дальше, пока не придет их настоящее время. Время это мыслилось кельтами как пора избавления

кельтской расы от многовекового господства чужеземцев. В одной южношотландской сказке, к примеру, читаем следующее: «Говорят, что король Артур и его рыцари по-прежнему спят под Эйлдонскими Холмами, ожидая призыва к пробуждению, который однажды прозвучит из уст обещанного героя, — он подует в рог, и тогда рыцари снова выедут на победную битву против сил тирании» («Канонби Дик в Эйлдонских Холмах» [80, р. 117]). Приводя ирландское сказание о «Геройде Ярле» (графе Геральде Фицджеральде), выдержанное в той же кельтской традиции, известный фольклорист XIX века Патрик Кеннеди замечает: «Подобные легенды принадлежат расе, которая была вынуждена уступить дорогу народу менее впечатлительному» [68, р. 171].

...непомерно больших людей... — Согласно гэльской традиции, сохранявшейся в разных уголках горной Шотландии, «все эти Финны или Фингалы, Оссианы и Оскары были громадного роста великанами, окруженными карликами и пони, ведьмами и волшебниками» [84, I, р. 549]. Ирландское предание об Оссиане (Ойсине) в Стране Вечной Юности рассказывает, что он, оказавшись на родине спустя триста лет после своего исчезновения, застаёт малорослое и слабосильное поколение, которое не идет ни в какое сравнение с фениями — его современниками [28, с. 29—44]. Традиция считать Финна и фениев гигантами достаточно древняя: Дж. Китинг, автор «Истории Ирландии», оспаривал в XVII веке мнение своего предшественника, Гектора Бозция, который «утверждал, что Финн был великаном и имел рост в пятнадцать локтей» [67, II, р. 331]. См. также сказание «Макмиллан Арфист» в наст. изд.

Скала Кузнеца. — Скала Кузнеца была не единственным местом на острове Скай, которое местная традиция связывала с Финном и фениями.

В «Описании Западных Островов Шотландии», составленном в конце XVII века, об острове Скай, в частности, говорится, что там «на

морском побережье, противолежащем Скеринессу, находятся три камня, каждый из которых имеет в высоту три фута. У местных жителей есть предание, что на эти камни ставился большой котел, в котором варилось мясо для Финна Мак Кумала. Этот человек-великан, говорят, был военачальником дружины, которая пришла из Испании в Ирландию, а оттуда на эти острова». «У местных жителей, — говорит далее автор, — есть много историй об этом военачальнике и его войске, но он не хочет досаждать ими читателю» [51, р. 206].

СМЕРТЬ ДУФФА, КОРОЛЯ ШОТЛАНДИИ

После смерти короля Индульфа королевство получил ДUFF, сын Малькольма. В начале своего правления он сделал Кулена, сына короля Индульфа, правителем Кумберленда и отправил его на Эбуды, бывшие тогда в усобице и беспорядке, чтобы обуздать частые разбои, совершаемые там. Ибо молодые воины из знати, собравшие вокруг себя великое множество приспешников, сделали простых людей своими данниками, обложив денежною пеней каждую семью сверх обычной четвертины. И все же Кулен поступил с этими воинами не более сурово, чем с самими правителями острова, которые должны были обуздать подобные насилия. Он приказал на будущее, чтобы те, чьим небрежением случатся эти бесчинства, делали народу возмещение, а также платили пеню королю. Это повеление поразило таким ужасом этих праздных

никчемных молодцев, что многие из них переправились в Ирландию и зарабатывали там себе на жизнь поденной работой. Насколько это было приемлемо для народа, настолько же было оскорбительно для знатных союзников тех, кто был изгнан, и для многих родом помладше, что свыклись с таким праздным образом жизни.

Эти люди на всех своих встречах и сборищах, вначале таясь, а затем и в присутствии множества таких, кто их одобрял, начали откровенно поносить своего короля. Утверждалось, что он презрел знать и был соvrашен и обольщен советом дурных священников; что он унизил людей благородного происхождения и принудил их к рабским трудам; что он продвинул самых подонков из народа к высшим почестям; в общем, он сделал так, чтобы всякая вещь перевернулась вверх дном.

Они прибавляли далее, что если дела пойдут таким чередом, то либо знать должна перебраться в другие страны, либо, иначе, должна взять себе нового короля, который сможет править народом по тем древним законам, которыми королевство достигло сей вершины величия, начавшись со столь малого.

Посреди этих смут король был охвачен новым и необычным недугом, у коего не было очевидной причины. Когда все средства были испробованы всуе, неведомо от кого распространилась молва, что он был околдован. Подозрение возникло то ли от каких-то признаков его недуга, то ли оттого, что тело его истощилось и иссохло из-за постоянного потения. И силы его столь много были подорваны, что врачи, присланные из ближних мест и издалека, не знали, что предпринять ему на пользу. Когда не обнаружилось обычных причин недуга, они разом возложили вину на счет тайной причины.

И покуда все были заняты болезнью короля, пришли наконец вести, что у Форреса, крепости в Мюррэе, творились против него ночные сборища и заговоры. Сообщение было принято за истину, ибо ничто ему не противоречило. Посему к Дональду, правителю замка, которому король очень доверял даже в своих важнейших делах, было послано несколько верных посланцев, чтобы он отыскал истину в этом деле. Из признания, сделанного одной блудницей, чья мать была замечена в колдовстве, тот раскрыл целый заговор. Ибо юная девушка выболтала несколькими днями раньше некие слова касательно болезни и смерти короля. Будучи схвачена и приведена к пытке, она при самом первом взгляде на пытку тотчас рассказала, что замышлялось против жизни короля. После этого было послано несколько воинов, разыскавших мать девушки и нескольких других кумушек, когда те плавили изображение короля, сделанное из воска, на медленном огне. Замысел их был таков: как постепенно растопится воск, так же король, исходя потом, капля за каплей сойдет на нет; и когда воска больше не останется, тогда дыхание покинет его и он тотчас умрет.

Когда изображение из воска было разбито, а ведьмы наказаны, в тот же месяц, как говорят некоторые, король освободился от своего недуга.

Эти вещи я передаю так, как слышал о них от наших прадедов; что думать об этом роде колдовства — я представляю суждению читателя, предупреждая его только, что этого рассказа не было найдено среди наших старинных хроник.

Между тем страх перед королем улегся, поскольку надеялись, что он вскоре умрет; много разбоев и убийств совершилось повсюду. Дуфф, к которому вернулась его сила, стал преследо-

вать разбойников по Мюррэю, Россу и Каитнессу и уничтожил многих из них в нескольких стычках, когда представился случай; но главаря разбойников он привел в Форрес, чтобы покарать их в этой крепости как можно более торжественно.

Тут Дональд, правитель крепости и замка, стал ходатайствовать перед королем о прощении некоторых из его родителей, что были в шайке. Однако получив отказ, он впал в сильнейшее негодование, как если бы был тяжко оскорблен. Разум его целиком был занят мыслями о мести, ибо он полагал, что услуги его, оказанные королю, столь велики, что тот не должен отказывать, о чем бы он его ни попросил. И сверх того, жена Дональда, находя, что кое-кто из ее родни также подлежал общему наказанию, еще больше воспламенила без того негодующее сердце мужа хитрыми и злобными излияниями, побуждая его к тому же домогаться смерти короля. Она утверждала, что, поелику он правитель замка, жизнь и смерть короля находятся в его власти и, имея эту власть, он мог бы не только кончить дело, но и скрыть его, когда оно будет совершено. И вот когда король, усталый и изнуренный делами, спал крепче обыкновенного, а свита его, напоенная Дональдом, также легла в глубоком сне, — он послал внутрь убийц, о которых не знала ни одна душа.

И после того как они убили короля, они так ловко вынесли его черным ходом, что не обронили даже капли крови. Так он и был зарыт в двух милях от аббатства Кинлосс, в укромном месте под маленьким мостом. Поверх него положили зеленый дерн так, чтобы не было никакого признака, что там разрывали землю.

Это кажется мне более правдивым рассказом, чем то, что пишут другие: будто, отведя течение реки, тело его бросили в

яму на дне, а когда воду вернули в ее русло, тогда его могила, какой она была, сокрылась.

Кроме того, исполнители этого кровавого деяния были убраны Дональдом с дороги, потому что существует мнение, воспринятое от наших предков, которое все еще бытует среди простонародья, что «кровь будет истекать из мертвого тела много дней после того, как человек был убит, прямо, как если бы его убили только что, — если убийца будет налицо».

Днем позже, когда распространился слух, что короля погубили и что все его ложе было забрызгано кровью, — Дональд, как бы пораженный ужасностью деяния, вбегает в спальню короля и, как бы обезумев от гнева и жажды мести, убивает охранников, назначенных в свиту короля. После этого он учинил повсюду усердное дознание: не мог ли кто обнаружить мертвое тело? Остальные, будучи поражены ужасным злодейством, а также страшась за собственные жизни, возвратились каждый в свой дом.

Так этот добрый король ужасно бесчеловечно и подло был убит во цвете своих лет, после того, как правил он четыре года и шесть месяцев. А сословия, как только смогли, собрались, чтобы избрать нового короля.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Смерть Дуффа, короля Шотландии» — это извлечение из «Истории Шотландии», написанной на латинском языке Георгом Бухананом (1506—1582). Те же события, с небольшими разночтениями, содержатся в «Хрониках» Холиншеда, его современника. И Буханан и Холиншед опирались на труды своих предшественников (например, Фордуна и Боэция).

Полагают, что Шекспир в своем «Макбете» использовал, наряду с историей Макбета, историю Дuffа, как они были изложены у Холиншеда [88, р. 12].

«Смерть Дuffа», как и два последующих текста, которые мы приводим в данной книге, будучи взяты из достоверных старинных источников, относятся к тому раннему периоду шотландской истории, который может быть назван всецело кельтским: Шотландией правили короли кельтской династии, и вся эта страна, и на севере и на юге, говорила на кельтском языке [55, II, р. 696].

Поэтому события эпохи Дuffа, Макбета и Малькольма, а также страсти, двигавшие тогда людьми, должны быть интересны тому, кто хочет понять Кельтскую Душу.

Перевод текста выполнен по изданию: *The History of Scotland, from the earliest accounts of that nation, to the reign of King James VI / Transl. from the Latin of G. Buchanan. Glasgow, 1799. Vol. 1—2.*

Дuff, король Шотландии, — Дuff, сын Малькольма I, шотландский король из рода Кеннета Мак Альпина (см. примечания к тексту «Последний из пиктов»), правивший в 962—967 или, по другим источникам, в 973—978 годах. Георг Буханан пишет, что это был «добрый правитель и суровый судия» [96, II, р. 465]. Источники сообщают, что сначала Кулен, сын Индульфа, который в нашем тексте выступает наместником Дuffа, был его соперником, и они встретились в битве при Друмкрубе, где Кулен был разбит, после чего они с Дuffом стали править вместе [86, I, р. 367—368]. Однако, как заметил Р. Л. Стивенсон, «герои и короли Шотландии родились под несчастливой звездой» [41, с. 49].

Индульф, сын Константина, — король Шотландии, непосредственный предшественник Дuffа, погибший в борьбе с норманнами-данами,

его главными противниками. Обращает на себя внимание его саксонское имя; хотя гэльский источник называет его Иллубом.

Малькольм I, отец Дуффа, сын Дональда, — король Шотландии, правивший в 942—954 годах. Наследовал ему, согласно древней шотландской традиции, не его сын Дуфф, а сын его предшественника Константина, Индульф (см. выше).

Кулен, сын Индульфа, — наместник, соправитель, а затем наследник Дуффа; он характеризуется некоторыми источниками как «порочный и изнеженный правитель» [96, II, р. 466]. Это, правда, не очень согласуется с тем фактом, что он оспаривал власть у Дуффа в сражении, и с тем, что впоследствии погиб, сражаясь с бриттами. Буханан пишет, что погиб он от руки бриттского князя Радара, дочь которого обесчестил.

Кумберленд — графство на северо-западе Англии, граничащее с Шотландией. После вторжения в Британию англо-саксов и создания здесь ими своих королевств, Кумберленд оставался отчасти бриттской территорией, однако в 945 году, незадолго до описываемых событий, англо-саксонский король Эадмунд передал его весь Малькольму, королю скоттов и отцу Дуффа, на условии, что Малькольм будет его союзником «как на море, так и на суше».

Сделать кого-либо наместником Кумберленда значило для шотландских королей объявить этого человека наследником (ср. значение английского титула «принц Уэльский»). «Управление Кумберлендом, — пишет Буханан, — всегда рассматривалось как первый подступ к королевской власти над Шотландией» [96, I, р. 231]. Если наследник трона определялся уже при жизни короля, такой человек получал титул «властителя Кумберленда».

Эбуды (Aebudae) — античное название Гебридских островов у северо-западного побережья Шотландии (см. «Братья-странники» в наст. издании и примечания).

Форрес — старинная королевская крепость в графстве Мюррей (Морэй), часто посещавшаяся шотландскими королями, когда они выезжали на охоту; среди этих королей были Дункан и Макбет (см. в наст. изд.). Традиция, которой следовал Шекспир, считает одну пустошь недалеко от Форреса местом встречи Макбета с тремя ведьмами, предсказавшими его судьбу. В самом деле, рядом с замком существует известный Камень Ведьм, отмечающий место самых ранних сожжений тех, кого признали ведьмами.

Мюррей (Морэй) — графство на северо-востоке Шотландии, расположенное на берегу одноименного залива. Главным городом графства был Элгин. До середины IX века эта территория была занята пиктами; затем, когда король Кеннет Мак Альпин соединил пиктские земли с землями скоттов, прежняя Пиктавия получила название Моравии, или Мюррея.

В этом графстве сосредоточены некоторые важнейшие памятники ранней шотландской истории: замок Форрес, кафедральный собор Элгина, Кинлосское аббатство.

...и нескольких других кумушек... — Это одно из самых первых явлений ведьм в собственно шотландской истории. Однако шотландские ведьмы (witches или weirds, как они названы в рассказе о Макбете) — наследницы и прямые продолжательницы дела древних кельтских друидесс. «Мы знаем из других источников, что ведьмы изобиловали в Галлии периода поздней Римской империи. К ним время от времени обращались за советом люди высокого ранга, и они были равноправны с друидами (в текстах, относящихся к III веку н. э., они названы «друидессами»). Эти ведьмы продолжали умножаться и преуспевать в более позднее время и были источником беспокойства не для одной семьи» [103, р. 94].

В своде древнеирландских законов «Сенхус Мор» упоминаются женщины, «обильные чудесами»; полоумные женщины, бродящие с

фэйри; женщины-оборотни; женщины-лунатики [54]. И это помимо вполне почитаемых в древнеирландском обществе женщин-друидов, женщин-поэтов, женщин-пророчиц и женщин-провидиц!

Любопытное описание ведьмы встречается в сказании «Разрушение Дома Да Дерга»: «Длинными, словно ткацкий навой, были ее голени. Серый волнистый плащ был на той женщине, волосы ее спускались до колен, а губы свисали на одну половину лица. Вошла она, прислонилась ко входу и бросила на короля и его воинов дурной взгляд. И тогда сам король сказал ей: „Что скажешь о нас, женщина, коли ты и вправду провидица?“» [45, с. 111].

Следует заметить, что уродство (как и зло) — вовсе не атрибут ведьмы, смысл имени которой — «ведающая и умеющая».

...и он *тотчас умрет*. — По словам Вальтера Скотта, «подобное злоумышление было наказано смертью в Эдинбурге королем Иаковом III в 1479 году» [47].

Росс (полное название — Росс и Кромарти) — графство, занимавшее в Шотландии обширную территорию, от Северного моря на востоке до Атлантики на западе. Изначально эта земля, как и Морэй, была заселена пиктами. В Средние века территория Росса распределялась между различными кланами — МакЛеодами, МакДональдами, Мунро, Россами и МакКензи. Графством в целом управлял властитель из клана МакДональдов, который считался также «Господином Островов». Его резиденцией был замок Дингуолл в Россе (см. также «Уйсден Мор и Желтая Безрогая Коза» в наст. изд.).

Каитнесс (Катанес) — графство на крайнем северо-востоке Шотландии, отделенное от Оркнейских островов проливом Пентланд Фирт. Древнейшими обитателями этих мест были, вероятно, пикты, от которых сохранились остатки жилищ. В VIII—IX веках н. э. сюда пришли норманны, о чем свидетельствует здешняя топонимика, а также могиль-

ники. Кельты-гэлы, по-видимому, здесь никогда не доминировали. Обилие и основательность старинных укреплений в графстве Каитнесс говорят о том, что эти края знали длительные периоды непокоя. По одной версии, название графства происходит от имени легендарного Клана Кошки (Cat, Cattis), который некогда высадился и обосновался здесь. По преданию, одна знатная дама из этого клана всегда выезжала в сопровождении кошек [95, р. XVI—XVII, 15].

Аббатство Кинлосс — старинное аббатство в графстве Морэй, недалеко от Форреса. Это аббатство цистерцианских монахов было местом захоронения многих шотландских королей.

...избрать нового короля. — Новым королем был избран Кулен, наместник и соправитель убитого Дuffа. Он отыскал и сурово покарал убийц короля, прежде всего Дональда и его жену. К этому его особенно побуждали мрачные знамения, случившиеся в Шотландии непосредственно после преступления. «На протяжении шести месяцев подряд, после того как было совершено это ужасное убийство, ни в одной части королевства днем не появлялось солнце, а ночью луна, но небо оставалось все время покрыто непрерывными облаками, и порой поднимались такие неистовые ветры, со сверканиями и бурями, что народ был в великом страхе от предстоящей гибели. Чудовищные зрелища были также виданы в тот год в Шотландском королевстве: лошади в Лотиане, необычной красоты и резвости, пожирали свое собственное мясо и никоим образом не желали прикасаться к любой другой пище. В Ангусе благородная женщина выкинула ребенка без глаз, носа, руки и ноги. Был также один бойцовский ястреб, которого удавила сова» [91, р. 163]. Все эти знамения «заставили общество жаждать отмщения смерти доброго короля» [96, I, р. 204].

КАК МАКБЕТ СТАЛ КОРОЛЕМ

лучилось это, когда Макбет и Банко держали путь в сторону Форреса, где тогда находился король; они ехали без всякого сопровождения, сами по себе, шутя и веселясь, проезжая через леса и поля, — когда внезапно повстречались им посреди пустоши три женщины в странном и диком одеянии, походившие на создания мира более древнего, чем этот. И когда друзья пристально разглядывали их, весьма изумляясь их виду, первая из них заговорила и сказала: «Всяко здравствовать Макбету, тану Глammиса», ибо позднее он вошел в это достоинство и должность благодаря смерти своего отца Синелла. Вторая из них сказала: «Здравствовать Макбету, тану Каудера». Но третья сказала: «Всяко здравствовать Макбету, что впоследствии будет королем Шотландии».

Тогда Банко сказал: «Что за женщины вы, выдающие так мало благосклонности ко мне, тогда как моему приятелю, сверх высоких должностей, назначаете еще и королевство, не назначая мне вперед вовсе ничего?»

«Да, — сказала первая из них, — мы обещаем тебе большее благо, чем ему, ибо он и в самом деле будет царствовать, хотя и плохо кончит; и не оставит он никаких потомков после себя, что унаследовали бы его место; ты же, напротив, не будешь царствовать вовсе; однако от тебя родятся те, что будут править шотландским королевством, — долгой и непрерывной чередой поколений». С этим вышеназванные женщины немедленно исчезли у них из вида.

Поначалу Макбет и Банко посчитали это лишь некой пустой игрой воображения, — настолько, что Банко звал Макбета в шутку королем Шотландии, а Макбет в ответ, также забавляясь, звал его отцом множества королей. Но впоследствии общее мнение было таково, что эти женщины были сестрами-вирдами, то есть богинями судьбы, либо же некими нимфами или фэйри, наделенными даром пророчества благодаря их познаниям в некромантии, потому что все произошло так, как они говорили.

Вскоре после этого тан Каудера был осужден при Форресе за измену королю; его земли, богатства и должности были отданы Макбету по щедрости короля к нему. Той же ночью за ужином Банко, подшучивая над ним, сказал: «Теперь, Макбет, ты получил то, что предсказали первые две сестры, тебе остается только завладеть тем, что напроорочила третья».

Обдумывая потом все это про себя, Макбет уже тогда начал размышлять, как он мог бы достичь королевской власти;

но еще он говорил себе, что должен выждать время, покуда его приведет к ней божественное провидение, как это произошло с его предыдущим возвышением.

Но вскоре после этого случилось, что король Дункан, имевший двух сыновей от своей жены, что была дочерью Сиварда, графа Нортумберленда, сделал старшего из них, по имени Малькольм, кумберлендским принцем, тем самым назначив его королевским наследником после своей кончины. Макбет был тяжело удручен, ибо видел в этом досадное препятствие своим надеждам. По древним законам королевства порядок был таков: если тот, кто должен наследовать, не мог по возрасту взять эту ношу на себя, то следовало признать ближайшего к нему по крови. Макбет стал советоваться, как ему захватить королевскую власть силой, сделав ее своей добычей, ибо благодаря Дункану он присвоил себе титулы и звания всякого рода, и мог со временем выступить с притязаниями на корону.

Слова трех сестер-вирд, о которых мы говорили раньше, тоже весьма вдохновляли его, но особенно сильно побуждала добиваться этого его жена, ибо была она очень честолюбива и горела неугасимым желанием носить имя королевы. Поэтому, сообщив свои намерения верным друзьям, главным среди которых был Банко, и уповая на обещанную ими помощь, он в конце концов убил короля при Инвернесе, на шестом году его царствования. Затем, окружив себя теми, кого он посвятил в свое предприятие, он велел провозгласить себя королем и тотчас отправился в Сконе, где с общего согласия принял бразды правления, как того требовал обычай.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Как Макбет стал королем» — это извлечение из холиншедовых «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» (1577), непосредственного источника трагедии Шекспира «Макбет». Холинshed, как и Буханан, приводит оба рассказа, сюжет или мотивы которых были использованы Шекспиром, — рассказ о Дуффе и рассказ о Макбете. Сравнительный анализ шекспировского «Макбета» и первоисточника не входит в нашу задачу; для нас важно то, что история Макбета, как она представлена в традиции, — это «кусочек» жизни древнего шотландского общества, и в действующих лицах этой истории «действовала» интересующая нас Кельтская Душа.

Кельтская традиция у Шекспира — благодатная тема для заинтересованного исследователя. Она дает о себе знать, как источник мотивов, персонажей и перипетий, — самым различным образом. В одном только «Макбете», помимо персонажей и места действия, мы видим исконно кельтские мотивы: встреча с сестрами-вирами, шагающий лес, «власть имеющая» Женщина... И сам Макбет у Шекспира — еще плоть от плоти Кельт.

Перевод текста выполнен по изданию: *Shakespeare's tragedy of Macbeth / Ed., with notes by W. J. Rolfe. New York; Cincinnati; Chicago, 1905.* Наш источник находится в приложении к тексту трагедии.

Макбет — сын Доады, дочери короля Малькольма II, и Финлега, тана (наместника) графства Росс; Макбет, по крови и сану, занимал место едва ли не ближайшее к королевскому трону. Историк Буханан пишет о нем так: «Этот Макбет был острого ума и весьма возвышенного духа; и если ему сопутствовала умеренность, он бывал достойным властителем, хотя никогда не бывал превосходным; но в наказании

обидчиков он проявлял такую суровость безо всякого законного удержу, которая очень скоро должна была выродиться в жестокость» [96, I, p. 228].

Банко. — Согласно источникам, он был наместником Лохабера — округа на северо-западе Шотландии, графство Инвернесс.

Форрес. — См. примечание к «Смерти Дuffа, короля Шотландии».

...где тогда находился король... — Королем Шотландии в это время (1034—1040 гг.) был Дункан I; как пишет Буханан, это был чрезвычайно учтивый и снисходительный правитель. Макбет всегда питал неприязнь к своему бездеятельному и вялому кузену; они были двоюродными братьями, внуками короля Малькольма II; оба по «материнскому праву» могли претендовать на престол. Макбет, однако, по силе характера и некоторым другим предпосылкам (см. примечания ниже) превосходил Дункана. «Превосходство Макбета и слабость Дункана проявились, когда несчастный король искупил прегрешения своих предков, будучи убит самым святотатственным образом» [55, I, p. 408].

...посреди пустоши... — Неподалеку от Форреса существует знаменитая вересковая пустошь. «Во всей Шотландии не найдется более мрачного верескового пустыря. Нет ни деревца, ни кустика... все вокруг черно или буро, исполнено торфа и болотной воды, голых камней и дрока. Безотрадность этого места в грозовую погоду или когда сумеречные туманы тащатся по нехоженой пустоши, оседая на затонах, должно быть, неописуема» [91, p. 196]. На таких пустошах, как считали в Шотландии, и предпочитали собираться ведьмы.

...три женщины в странном и диком одеянии... — Эти женщины, именуемые ниже «сестрами-вирдами» (weirds, вешуны), были, судя по всему, не ведьмами в обычном смысле этого слова, но именно «фэйри», как предполагает сам Холинshed, то есть — иномирными существами,

созданиями «мира более древнего, чем этот». В свое время А. А. Смирнов, комментируя древнеирландское сказание «Смерть Кухулина», отметил, что «кельтские ведьмы» из этого сказания, которые являются явно нечеловеческими персонажами, — прототипы тех, что Шекспир вывел в своем «Макбете» [14, с. 831]. Речь, конечно, не о том, что шекспировский рассказ как-то зависим от ирландской саги. Просто и Кухулин и Макбет имели дело с существами одного и того же рода.

Это фэйри, которые, по словам Вальтера Скотта, «в Шотландии и северных краях пляшут вокруг витязя при свете лунном или сбивают с пути поселянина, застигнутого ночью; фэйри — существо высшее, дух стихийный, весьма обширное чародейственное могущество которого может, по произволу, делать добро и зло» [48, с. 236].

...своего отца Синелла. — Другие источники называют отца Макбета Финлегом, а его вотчиной — не Гламмис, а Росс. Это более основательная версия; в этой версии, далее, вторая ведьма предрекает Макбету быть таном графства Морэй, а не таном Каудера, — что опять-таки основательней, потому что из Морэя была его жена, леди Груох, и он получил это графство в результате женитьбы на ней (см. примечание ниже). Таким образом, как пишет Дж. Чэлмерс, знаток древней шотландской традиции, «Макбет был по рождению таном Росса, через женитьбу на леди Груох — таном Морэя и через свои преступления — королем скоттов» [55, I, р. 407].

Тан — приблизительное значение этого слова — «наместник». Англо-саксонскому «тан» соответствовало гэльское «маормор» и норманнское «ярл».

Тан был весьма значительной персоной и обладал некоторыми особыми привилегиями: например, судить его мог только сам король. Из числа королевских танов, с их властью над своими округами, позднее выдвинулись средневековые графы (earls).

Гламис — замок в центральном графстве Шотландии, Ангусе; этот замок бывал резиденцией шотландских королей.

Каудер — замок, расположенный в графстве Наирн, примыкающем к Морэю. Существует предание, что некий мудрец посоветовал тану Каудера нагрузить золотой казною осла и построить на эти деньги замок вокруг того куста боярышника, у которого пущенное животное остановится. Совету последовали; ствол боярышника все еще виден в основании замка [91, р. 192].

...немедленно исчезли у них из вида. — Источники иногда называют встречу Макбета с вирдами его «видением». Например, Буханан пишет: «Однажды ночью ему было видение... ему показалось, что он видит трех женщин, ростом более величественных, чем обычно бывают смертные...» [96, I, р. 231].

Нортумберленд (Нортумбрия) — графство на северо-востоке Англии, граничащее с Шотландией, а некогда одно из самых значительных королевств, образованных англо-саксами, когда они в V—VI веках заселяли кельтскую Британию. Из-за своего пограничного положения Нортумбрия постоянно была поприщем сражений между англо-саксами и скоттами, а после завоевания Англии норманнами — между норманнами и скоттами. Впрочем, война между соседями не была непрерывной и перемежалась периодами мира и междинастических брачных связей.

Малькольм, сын Дункана, — будущий король Малькольм III Канмор. После убийства его отца он скрывается в Англии; затем возвращается оттуда с войском. Макбет и его приемный сын Лулах гибнут от руки Малькольма в сражениях (подробнее см. «Король Малькольм и святые Гексама» в наст. изд.).

...ближайшего к нему по крови. — Здесь уместно сообщить некоторые сведения о праве наследования в древней Шотландии.

С 860 по 1153 год, то есть от короля Кеннета Мак Альпина до смерти короля Давида I, трон наследовался соответственно древнему кельтскому праву, где брат короля в качестве наследника предпочитался его сыну. С 1153 года вводится наследование от отца к сыну, по принципу первородства, хотя в дальнейшем знаменитый король Роберт Брюс пытался вернуть исходный принцип, согласно которому брат ближе к общему «стволу» предков, нежели сын [56, р. 178—179]. Таким образом, король Дункан, назначив наследником своего сына Малькольма, нарушил древний порядок наследования, когда этот порядок еще господствовал, и Макбет как бы имел законный повод для недовольства; будучи двоюродным братом короля Дункана (сыном сестры матери-королевы), он действительно мог претендовать на престол. «Если Макбет в самом деле был, как нас уверяют Боэций, Буханан и Лесли, сыном Доады, дочери Малькольма II, он вполне мог поспорить с Дунканом за корону»; и «его титул был более предпочтительным для царствования, чем право Дунканова сына, — в соответствии с шотландской конституцией от ранней эпохи монархии» [55, I, р. 405, 408]. Нужно добавить, что в древней Шотландии признавалось наследование по женской линии; это у кельтов считается пиктским установлением; во всяком случае, еще в XIX веке у гэлов была в ходу поговорка: «Никого не назову братом, кроме сына моей матери» [51, р. 25].

...его жена... — Женою Макбета была Леди Груох, первым мужем которой был Гилкомгайн, наместник в Морзе, — человек, который по своей влиятельности был следующим после членов королевской семьи. «Леди Груох, обладая огромною силой характера, постоянно носила в себе самые что ни на есть мучительные обиды, глодавшие ее сердце: дед ее был свергнут с престола и убит, брат зарезан, а муж был сожжен в своем замке с пятьюдесятью своими друзьями; сама она была беженкой с Лулахом, ее малолетним сыном. Таковы были обиды,

которые внушали Леди Гроух мысли о мщении и которые переполняли ее с головы до пят ужаснейшей жестокостью. Посреди своих несчастий она вышла за Макбета, наместника в Росссе, который был тогда во цвете лет и обладал еще большей властью, чем ее первый муж, ибо после своей свадьбы с этой оскорбленной женщиной он стал наместником в Морэе, на время несовершеннолетия Лулаха» [55, I, p. 405]. Леди Макбет, таким образом, была внучкой свергнутого короля Кеннета IV, который погиб в 1003 году, сражаясь против Малькольма II — деда царствующего короля Дункана; вот почему последний стал объектом ее мщения. С другой стороны, Макбет, кроме собственных причин и амбиций, имел еще нужду отомстить за несчастья своей жены и своего приемного сына Лулаха [91, p. 13]. Такова традиционная подоплека образа Леди Макбет.

...убил короля при Инвернесе... — Согласно ранней традиции, король Дункан погиб, сражаясь против Макбета, а не был предательски убит им в постели, как описал Шекспир; Шекспир, как известно, соединил в своей трагедии мотивы двух источников — рассказа о Макбете и рассказа о Дuffe (см. «Смерть Дuffa, короля Шотландии»).

Инвернесе — город в одноименном графстве на северо-востоке Шотландии, на берегу залива Морэй Фирт. Где конкретно произошло роковое сражение, — в этом источники расходятся. Некоторые из них называют город Элгин.

Сконе — старинный город у реки Тай в графстве Пертшир. В самые отдаленные времена этот город был столицей королевства пиктов, пока король скоттов Кеннет Мак Альпин не соединил два народа и не сделал Сконе местом коронации шотландских монархов, перенеся сюда знаменитый Камень Судьбы, Лиа Фаль (см. примечание к «Великому бедствию фениев»). До XV века Сконе оставался священной столицей королевства. Здесь сохранилось старинное здание аббатства и

Холм, составленный из земли, которую приносили с собой сословия, выбиравшие короля, так как изначально королевская власть в Шотландии не была наследственной. Посвящение в короли происходило тогда, когда избранник садился в знаменитое деревянное Кресло Коронации, стоявшее в аббатстве Сcone.

...принял бразды правления... — Буханан в своей «Истории Шотландии» пишет о Макбете так: «В начале своего правления он проявил себя как хороший и справедливый правитель, но затем он выродился в жестокого тирана» [96, II, р. 468]. Однако другие и притом более ранние источники указывают на правление Макбета как на «период необычного мира и процветания в этой растревоженной стране» [91, р. 14]. Макбет был королем с 1040 по 1056 год, когда он был убит в сражении Малькольмом Канмором, сыном Дункана, который стал следующим королем (см. «Король Малькольм и святые Гексама»).

Важно, что Макбет был похоронен на острове Айона, который был местом успокоения законных королей Шотландии, но не узурпаторов.

КОРОЛЬ МАЛЬКОЛЬМ И СВЯТЫЕ ГЕКСАМД

Когда Малькольм, король скоттов, опустошал жестокой резней Нортумбрию, он сохранял в то же время мир с Гексамской обителью, ради славы святых, что почили в ней. Но когда, по одному случаю, его посланцы попали рядом с землями этой обители к разбойникам и возвратились к королю ограбленные и израненные, они возложили вину за эту жестокость на неповинных людей. И король был взбешен и разъярен этим обвинением и поклялся, что за такую неблагодарность он полностью уничтожит само это место и людей.

Итак, по приказу короля пришло туда жестокое воинство, охочее до грабежа, проворное в резне, алчущее злодейства, безжалостное к мольбе и ненасытное в жадности.

И гнев короля не утаился от людей Гексама. Но что им было делать? Не было у них ни сил, чтобы сопротивляться, ни

крепости, чтобы укрыться, ни поддержки в союзе с какими-нибудь вассалами; одна и единственная надежда была у всех на многократно испытанную доблесть святых. К обители, стало быть, собрались юноши и девушки, старики и дети, женщины и младенцы, чтобы либо избавиться божественной силою, либо наверняка быть убитыми перед мошами святых.

Уже прибыл туда король с сильным войском; уже занял он область, прилегающую к реке Тайн, и насытил бы свою жестокость, однако ночь наступила и помешала ему переправиться.

Но священник, который был при обители, послал некоторых из духовенства с мошами святых к королю — чтобы очиститься от обвинения, выдвинутого против них, и вымолить мир для неповинных людей.

Король был в гневе; он призвал своих галлоузйских вассалов, более жестоких, чем прочие, и сказал, чтобы посланцы слышали: «Как только рассветет, переправьтесь через реку и нападите на них; пусть глаз ваш не щадит и не жалеет ни звания, ни пола, ни возраста. Что не сможет меч, пусть уничтожит огонь; ничего чтоб от них не осталось».

Сказав так, он гневно велел посланцам возвратиться. И когда они возвратились и сообщили, что услышали, поднялось жалостное смятение: великий крик, плач и причитание.

Итак, уже рассвет покончил с тенями ночи, наступив раньше чем обычно, и отнял последнюю надежду на спасение, которую они питали; и вдруг — смотрите! — с запада поднялся туман и заполнил собой все русло реки, от ее истока до устья. И, постепенно накапливаясь, он за короткое время стал таким плотным и густым, что случись кому вытянуть свою правую руку, ее поглотила бы мгла, и она сделалась бы невидимой.

Галлоуэйцы, стало быть, вошли в туман и, пройдя какими-то пустырями, переправились через реку на западе; вышли на дорогу, что ведет в Кумбрию, а к вечеру обнаружили себя на границе своей собственной области.

Король ждал галлоуэйцев, которых послал, и отхода тумана, который возненавидел; и он был в сомнении, что ему делать. Когда же туман поднялся и открыл то, что скрывал, — река разлилась внезапным половодьем и на три дня воспрепятствовала предпрятию короля.

Тогда король собрал свою знать и сказал: «Что нам делать? Давайте уйдем отсюда, ибо эти святые пребывают дома».

ПРИМЕЧАНИЯ

«Король Малькольм и святые Гексама» — это рассказ англосаксонского хрониста Айлреда Риеволкского (?—1166), взятый из его труда «Святые Гексама».

Этот рассказ продолжает два предшествующих текста, посвященных кельтским королям Шотландии. Важно отметить следующее. В эпоху, последовавшую за смертью Малькольма Канмора, в XII—XIII веках, южная часть Шотландии постепенно становится англо-саксонской; здесь складывается шотландский диалект английского языка и вырастает «смешанная» культура, субстрат которой, однако, еще много веков остается кельтским. Вот почему шотландская традиция и на юге Шотландии обладает запасом, который принадлежит «фонду» *Anima Celtica*.

Перевод текста выполнен по изданию: *Anderson A. O. Scottish Annals from English Chronicles A. D. 500 to 1286. London: David Nutt, 1908.*

Король Малькольм — Малькольм III, сын Дункана, по прозвищу Канмор, т. е. Большоголовый; выдающийся шотландский король кельтской династии, сменивший Макбета и правивший с 1058 по 1093 год. «Малькольм Канмор, поскольку он ничего не изменил в обычаях своих предков, оставил своим детям кельтскую церковь, кельтское правление и кельтский быт, за которые кельтский народ громко ратовал после его ухода и длительно боролся все последующее время» [55, II, р. 696]. При Малькольме, как и прежде, язык всей Шотландии — и горной, и равнинной, и придворной, и народной — все еще кельтский, гэльский [56, р. 155]. Впрочем, именно при этом короле англо-саксы, после вторжения в Англию Вильгельма Завоевателя (1066 г.), потянулись в южную, равнинную Шотландию, неся сюда свой язык и нравы. Малькольм милостиво принимал беженцев, потому что из англо-саксов была родом его обожаемая и почитаемая жена, Маргарет, которая, как пишут источники, имела на него решающее влияние: «он страшился обидеть ее и прислушивался к ее внушениям. Что бы она ни любила и чего бы ни отвращалась, — так поступал и он» [61, р. 13]. Именно Маргарет «смягчала свирепость его натуры» [61, р. 11—12].

Малькольм взял свое королевство с бою, покончив с Макбетом, а затем и с его приемным сыном Лулахом (1056 и 1058 гг.). «Он поддерживал свой трон с тем же духом, с каким завоевал его. Хотя он был правителем нецивилизованной нации, был лишен поддержки со стороны и противостоял таким противникам, как Вильгельм Завоеватель и Вильям Руфус, все же в течение 27 лет он продолжал это неравное противостояние, иногда успешно и никогда — бесславно» [61, р. 25]. Главным противником Малькольма выступал новый могущественный правитель Англии — Вильгельм Завоеватель. Милостиво приняв в Шотландии английских беженцев, Малькольм, как пишут хроники, в 1070 году «начал опустошать землю короля Вильяма огнем

и мечом»; Нортумбрия — ближайшая к Шотландии английская земля — была жертвой нескольких опустошительных вторжений Малькольма. Впоследствии он погиб от руки ярла Нортумбрии, убитый предательски и вероломно (1093 г.).

Нортумбрия — см. примечания к тексту «Как Макбет стал королем».

Гексам — старинный город в Нортумберленде (древняя Нортумбрия) на реке Тайн (Тупе), знаменитый своим монастырем и церковью Св. Андрея, памятником древнеанглийского зодчества, основанными около 673 года Уилфридом, архиепископом Йорка.

...король был взбешен и разъярен... — Англо-саксонские хроники вообще неблагоприятны к скоттам, говоря, что те «более жестокие, чем звери» [53, р. 102]. К скоттам весьма отрицательно относились и такие бриттские хронисты, как Ненний и Гальфрид, для которых скотты — враждебные бриттам чужеземцы, пришлецы, «мятежный» и «дикий» народ. У Гальфрида, например, в его стихотворной «Жизни Мерлина» говорится в виде пророчества о том, что

Множество раз через Кумбр переправятся скоттов отряды,

Всех, кто противится им, истребят, пощадя не зная...

[5; р. 150—151].

Много внимания в хрониках уделено лично королю Малькольму; как уже было сказано, традиция приписывает благотворное, умягчающее влияние на «свирепого» Малькольма его саксонке-жене.

Мы, со своей стороны, видим у короля резко очерченный кельтский характер, — тот самый, о котором античные авторы писали, что он «гневливый» и «вспыльчивый». У Полибия сказано, что кельты «не в большинстве случаев только, но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком» (*Всеобщая история, Книга II, 35, 3*). У Цезаря — что «вспыльчивость и необдуманность — это прирожденная черта их

национального характера» (*Записки о Галльской войне*, VII, 42). У Тита Ливия — что кельты — «это такое племя, коему природой даны высокий рост и великая пылкость...» (*История Рима от основания Города*. V, 44, 4). «Оно не умеет обуздывать свой гнев» (*там же*, V, 37, 4).

Все античные авторы отмечают также «вечное непостоянство» кельтов, для чего у этих авторов, как позднее — у авторов средневековых, были все основания. Если вернуться к персоне короля Малькольма, то следует сказать, что незадолго до вторжения в Нортумбрию он заключил с правителем этой земли, ярлом Тостигом, столь дружеский договор, что в народе их обоих даже называли побратимами. Однако по какой-то причине между ними вспыхнула вражда, и тогда Малькольм вторгся в Нортумбрию и опустошил страну [61, p. 5].

...своих галлоуэйских вассалов, более жестоких, чем прочие... — Галлоуэй, графство на юго-западе Шотландии, в древности «имело своих собственных правителей и свои собственные законы. Оно признавало, однако, вассальную зависимость от Шотландии. Зависимость эта сводилась только к тому, чтобы поставлять суверену грубых недисциплинированных солдат, которые прибавляли его войскам более ужасности, нежели силы» [61, p. 106].

Галлоуэйцы в шотландском войске имели с древних времен опасную привилегию зачина битвы. Поднимая свой боевой клич: «Альбаних! Альбаних! Альбаних!», они устремлялись в сражение. «Альбаних» — «шотландцы» — самоназвание скоттов-гэлов вплоть до XX века [55, II, p. 461, 623].

Кумбрия — см. Кумберленд (примечание к «Смерти Дuffа, короля Шотландии»). Король Малькольм был женат на Маргарет — сестре короля Кумбрии, Эдгара.

МАСТЕР МИКАЭЛЬ СКОТТ И ВЕДЬМА

был у Мастера Микаэля один крестьянин, жена которого была самой замечательной ведьмой своего времени. Столь необычайны были ее способности, что народ в округе начал поговаривать, будто в некоторых проделках она превосходила Мастера. Микаэль не мог стерпеть таких пересудов, ведь у подобных личностей сильная ревность между собой; и вот однажды он отправился со своими собаками якобы на охоту, а на самом деле намереваясь ее проучить.

Он нашел женщину в поле одну, когда та пропалывала лен, и дружелюбно попросил ее показать что-нибудь из ее всесильного искусства.

Она рассердилась и стала отрицать, что имеет какое-либо сверхъестественное умение. Он стал нажимать на нее; она же резко потребовала оставить ее в покое, или будет у него причина раскаиваться.

Затем она вырвала жезл из его руки и нанесла ему этим жезлом три резких удара. Мгновенно он превратился в зайца.

«Шу, Микаэль! Беги или умирай!» — закричала она, смеясь, и натравила на него его собственных собак.

Его совсем загнали, и ему пришлось плыть по реке и укрыться в сточной канаве своего замка, где он снова возвратил себе человеческий облик. В ярости от того, что его перемудрили, Микаэль задумал свое мщение.

Он послал своего человека в Фаулдшоп, где жила ведьма, чтобы взять взаймы хлеба для своих собак. Если бы она дала хлеба, слуге следовало поблагодарить и уйти; а если бы отказала, то он должен был прикрепить над притолокой ее двери полосу, исписанную красными буквами.

Слуга застал женщину из Фаулдшопа когда она пекла хлеб, — Микаэль уверял его, что так и случится. Она приняла его немилостиво и отказалась дать хлеба, утверждая, что ей не хватает для прокорма собственных жнецов. Слуга поместил полосу поверх притолоки и возвратился к Мастеру.

Чары сразу же начали действовать. Сбросив одежду, женщина стала плясать вокруг очага, напевая:

Мастер Скотт прислал за хлебом мальчика:

Он от ведьмы не получит ни шиша!

В полдень жнецы тщетно высматривали хозяйку, несущую им обед. Хозяин послал к ней на помощь девушку-служанку, но та не смогла вернуться. Наконец, подозревая, что жена его одержима каким-нибудь из своих припадков, он отослал жнецов домой. Один за другим они заходили в хозяйский дом, и как только кто-то из них проходил под притолокой, его охватывало безумие.

Хозяин бросил собирать колосья пшеницы, и, когда добрался до дома, услышал грохот и заглянул в окно. Там были все его люди: они плясали голышом вокруг очага и распевали с самым что ни на есть дичайшим неистовством:

Мастер Скотт прислал за хлебом малыша:

Он от ведьмы не получит ни шиша!

Его жену, полумертвую, волочили по кругу. Она была в силах только время от времени произносить какой-нибудь слог из песенки вроде повизгиванья, но была, казалось, настроена продолжать веселье дальше.

Хозяин вскочил на лошадь, помчался к Мастеру и спросил, зачем тот сделал всех его людей безумными. Микаэль велел ему снять полосу с притолоки и сжечь ее; как только это было сделано, люди пришли в себя.

Хозяйка, однако, за ночь умерла, оставив Микаэля несравненным и единственным искусником в волшебстве и чародействе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Один из традиционных рассказов о «шотландском Мерлине», могущественном чародее по имени Микаэль (Майкл) Скотт. Рассказ этот в настоящем виде приводится в сочинении Джеймса Хогга «The Queen's Wake» (1813).

Вальтер Скотт, знаток шотландской старины, отмечал: «Летописи XIII столетия ознаменованы были именами трех великих шотландских волхвов, пред коими Нострадамус и Мерлин должны преклонить колена. Мы говорим о Томасе Эрсильдуне, Микаэле Скотте и Лорде Соулисе. Далеко промчавшаяся слава второго из них перелетела Альпы

и засвидетельствована Данте, который в Аду отвел ему место между Бонатто, астрологом Гвидо де Монте Фелтро и Асденте, волшебником Пармским» [47, с. 547].

«Он был известен из конца в конец Шотландии, — пишет Винифред Петри, — а в свое время добирался до Испании и Италии, где по сей день рассказывают истории о его волшебной силе» [80, р. 83]. Фигуры, подобные Микаэлю Скотту, органично вырастают из кельтской традиции и кельтской народной Души. Нет ничего удивительного в том, что «шотландская литература изобилует примерами сверхъестественного и шотландское суеверие вошло в поговорку» [64, р. 5].

В данном рассказе хорошо обрисована настоящая шотландская ведьма, соперница Мастера, фигура, с которой мы еще встретимся на страницах этой книги.

Перевод текста выполнен по изданию: *A Forgotten Heritage. Original folk tales of Lowland Scotland* / Ed. by H. Aitken. Edinburgh; London, 1973.

Мастер Микаэль Скотт. — Даты его рождения и смерти называли разные; наиболее приемлемыми считались 1190—1291 либо же 1175—1235 годы. В ученом мире тогдашней Европы Мастер прославился переводами из Аристотеля с арабского и еврейского языков, трактатами по астрологии, математическими и алхимическими трудами. Вездесущий, он побывал архиепископом города Кашела в Ирландии, собеседником Фридриха Барбароссы при его дворе в Сицилии, послом в Париже (куда он перелетел через Ла-Манш на демонической лошади). Итальянцы утверждали, что он уроженец Салерно, а испанцы указывали на Толедо. Однако нет никаких оснований сомневаться, что Микаэль Скотт — шотландец, о чем свидетельствует и его имя. Вероятным местом его рождения традиция называет Бальверм в графстве Файф [92, р. 469—470; 97, р. 561].

Репутация Скотта как великого чародея и мага сложилась уже в XIII веке. Во всяком случае, Данте отметил его в Песни XX Ада:

*А следующий, этот художником,
Звался Микеле Скотто и большим
В волшебных плутнях почитался докой.*

(Ад, Песнь XX, 115—117. Пер. М. Лозинского).

В Шотландии же Микаэль Скотт вплоть до нашего времени был таким же поистине национальным Мастером, каким в древней Ирландии был друид Мог Рут, а в Уэльсе и Бретани — Мерлин. Достаточно сказать, что на юге Шотландии делом рук Микаэля или его учеников считаются многие принадлежности ландшафта: например, Эйлдонские Холмы в их настоящем виде или каменная запруда на реке Твид у Келсо [80, р. 84—85].

Ведьма. — Что касается ведьм или ведуний, главное состоит в следующем: «В Средние века и позднее в странах, населенных когда-то кельтами, появлялось множество женщин — хранительниц источников и прорицательниц, продолжавших зафиксированные древними авторами и подтвержденные археологическими данными традиции исцеления и пророчества» [43, с. 161]. С этой точки зрения «охота на так называемых ведьм, распространившаяся в полосу, начиная примерно с 1480 и приблизительно до 1650 года, была преднамеренным преследованием оставшихся в Европе язычников» [43, с. 358], а точнее — язычниц (см. также «Дело Алисон Пирсон» и «Дело Бесси Данлоп» в наст. изд.).

Мгновенно он превратился в зайца. — «В этом контексте следует упомянуть, что в древней Британии существовал запрет охотиться на зайцев (нарушивший его мог стать трусом), который изначально отменяли лишь раз в году, в канун Майского дня, подобно тому как охотиться на короля разрешалось лишь в день св. Стефана» [7, с. 195].

«Шу!» — восклицание, которое употребляли, когда хотели испугать птицу или животное.

...продолжать веселье дальше. — «Танец смерти», описанный в этой истории, был одним из видов порчи, наводимой обычно на животных, например, на овец, которые вдруг пускались в пляс и плясали, покуда не падали замертво [52, р. 53]. Вместе с тем такой групповой танец во главе с ведьмой напоминает о том, что «все тотемические сообщества в древней Европе находились под властью Великой богини, повелительницы неистовства» [7, с. 232 —233].

Полагали, между прочим, «что когда шотландские ведьмы впадали в транс, то души покидали их тела, принимая облик воронов» [6, с. 327].

...оставив Микаэля несравненным и единственным искусником... — Прожив долгую жизнь (по одной из версий — сто лет), Микаэль Скотт оставил о себе память в многочисленных рассказах, посвященных его чудесам и чудесным плутням. Один из таких рассказов описывает визит Микаэля Скотта ко двору французского короля в качестве посла от короля Шотландии. Скотт прилетел в Париж через Ла-Манш верхом на демонической лошади, и, когда от ее топота едва не разрушился Париж, король заверил Мастера, что французские пираты больше не станут досажать шотландцам [80, р. 87—89].

Местом захоронения Микаэля Скотта традиция чаще всего называет Мелрозское аббатство в графстве Бервикшир, на юге Шотландии. В тех же краях прославился другой любимец шотландской традиции — Томас Лермонт из Эрсильдуна по прозвищу Рифмач.

ТОМАС РИЧМАН

такой же день я шел себе один Охотничьим Берегом; в то веселое майское утро я горько жаловался в своей душе. Я слышал сойку и дрозда; дрозд горевал в своей песне; жаворонок пел как колокольчик; так что весь лес вокруг меня звенел.

Одиноким в тоске, какой я лежал под сенью пригожего дерева, увидел я блистательную госпожу, что ехала верхом по обширному лугу.

Если б я просидел и до Судного Дня, щебетал бы и плел своим языком, не описал бы я, конечно, эту блистательную госпожу.

Под ней был серый в яблоках скакун; такого я никогда не видывал. Как солнце в летний день, сияла эта прекрасная госпожа. Седло под ней было из кости, — зрелище это ласкало взор, — оно было часто усыпано самоцветами и все разубрано

«жабым камнем». Великое множество камней Востока усеивало волосы вокруг ее головы. Она скакала по тому обширному лугу, — то затрубит в рог, а то запоет...

Она держала на привязи трех борзых, а семь гончих бежали у ее ног. На шее у нее висел охотничий рог, а за поясом было множество стрел.

Томас лежал под сенью пригожего дерева и смотрел на это зрелище. Он сказал: «То Мария, Владычица величайшая, которая родила Младенца, что умер ради меня. Если я не поговорю с этой сиятельной госпожой, думаю, сердце мое разорвется натрое. Изю всех моих сил я сейчас побегу, чтобы встретить ее у Эйлдонского Древа».

Томас проворно поднялся и побежал вон за ту высокую гору; и, как говорит предание, он встретил ее у Эйлдонского Древа.

Он опустился на колени под этим древом зеленого леса и сказал: «Милая госпожа, сжался надо мной, Владычица Неба, как ты поистине можешь!»

Тогда эта госпожа, кроткая в мыслях, сказала: «Томас, оставь такие слова! Я не Владычица Неба, ибо никогда не забиралась я так высоко. Но из другой я страны, хоть и облачена роскошно. Я скачу вслед за дичью, по моему хотенью бегут мои гончие».

«Хоть ты облачена роскошно и скачешь здесь по своей прихоти, — из любви, госпожа, когда ты премудра, не позволишь ли ты мне с тобою возлечь?»

Она сказала: «Ты человек, чтобы быть безрассудным. Я прошу тебя, Томас, оставь меня, ибо говорю тебе совершенно точно, что грех уничтожит всю мою красоту».

«Милая госпожа, сжался сейчас надо мной, и я навсегда с тобою останусь; вот мое слово, ручаюсь тебе, — где б ни была ты, в Небесах или в Аду!»

«Бренный человек, ты обезобразишь меня, заполучив то, что хочешь; и будь уверен, ты разлучишься с весной за всю мою красоту, которую ты окрадешь».

Затем сиятельная госпожа опустилась наземь под сень того дерева, и, как доподлинно повествует предание, семь раз он с нею возлег.

Она сказала: «Человек, тебе нравится твоя забава: какая женщина в спальне выдержит с тобою? Ты портишь меня весь этот долгий день; я прошу тебя, Томас, оставь меня!»

Томас встал с места и поглядел на прекрасную госпожу: все волосы на голове ее стояли дыбом, ее серые глаза, казалось, вылезли. Пропало все роскошное одеяние, что он прежде видел на ней. Одна голень ее стала черной, живот — серым, и все ее тело — как свинец.

Сказал тогда Томас: «Увы! Клянусь, это жалкое зрелище! Что ж ты так повредила в облике, что прежде сиял как солнце?»

Она сказала: «Попрощайся, Томас, с солнцем и луной, как и с листвою, что растет на дереве. В этот час ты со мною уйдешь и не увидишь вовсе белого света».

Он преклонил колена, к Марии кроткой вознес свою жалобу: «Госпожа, если не сжалишься Ты надо мной, вся радость жизни покинет меня!»

«Увы! — он сказал, — и горе мне; уверен, деянья мои причинят мне скорбь. Мою душу, Иисус, поручаю Тебе, куда бы ни попали мои кости!»

Она повела его в глубь у Эйлдонской Березы, в сокрытые недра поля, где было темно как в полночь и вода была ему по колено. На протяжении трех дней он слышал только струенье воды. Он сказал: «Под конец мне уж полное горе — я почти умираю от голода!»

Она привела его в прекрасный сад, где росло великое множество плодов: груши, яблоки, финики, пурпурные сливы, — все они были спелые... Он попытался сорвать плод рукой, как человек, что из-за голода близок к обмороку. Она сказала: «Оставь его на месте, иначе Лукавый заполучит тебя! Если ты сорвешь его, скажу воистину, душа твоя пойдет в адский огонь, она никогда не выйдет оттуда вплоть до Судного Дня, но пребудет там в страдании навеки. Томас, воистину обещаю тебе, иди положи голову на мое колено, и ты увидишь прекраснейшее зрелище, что когда-либо видел человек из твоей страны».

Он немедленно сделал, как она ему велела, положил свою голову к ней на колено, — очень он рад был ей угодить, — и тогда госпожа сказала ему:

«Видишь теперь вон там прекрасную дорогу, что лежит поверх той высокой горы? Это путь на небеса навеки, когда грешные души перетерпели свое страдание. Видишь теперь там другую дорогу, что лежит низко под тем подъемом? Это путь, скажу воистину, к радости Рая. Видишь еще там третью дорогу, что лежит ниже той зеленой долины? Это путь с уязвлением и досадой, где грешные души терпят свое страдание. Но видишь теперь там четвертую дорогу, что лежит через ту глубокую лошину? Это путь, скажу воистину, в сожигающий пламень Ада.

Видишь еще там прекрасный замок, что стоит на том высоком холме? У башни в крепости превосходный есть колокол; нет на белом свете подобного ему.

Поистине, Томас, этот замок мой и королей этой страны. Но лучше мне быть повешенной и утопленной, чем королю уведать, что ты возлежал со мной. Когда ты попадешь в тот блистательный замок, прошу тебя, будь учтивым человеком, и кто бы о чем с тобой ни заговорил, смотри, не отвечай никому, кроме меня. Служат господину моему при всяком блюде тридцать прекрасных и вольных рыцарей. Должна признаться: высоко сидя, я услышала твою речь за морем».

Томас застыл как камень, глядя на блистательную госпожу, — она стала вновь прекрасной, и здоровой, и столь же роскошной на своем скакуне. Ее борзые наладились оленьей крови, ее гончие спаривались, честное слово. Она затрубила в рог с силой и духом и направила путь свой к замку.

Она вошла прямо в зал; Томас проследовал бок о бок с ней. Затем к ней на поклон вышли с учтивостью женщины, прекрасные и благородные. Они вынесли арфу и скрипку, геттерн, а также псалтерион; явились и лютня, и рибиб, и менестрельство всякого рода.

Самое дивное, о чем думал Томас, стоя посреди зала, — что внутрь внесли пятьдесят оленей, которые были мощны, высоки и громадны.

Гончие лежали, лакая кровь. Пришли повара с разделочным ножом; они разделали туши как бешеные. Пир с мясом был изобилен.

Рыцари танцевали трое на трое; были там пир, и игра, и веселье; милые женщины, прекрасные и вольные, сидели и пели на пышном ковре.

Забывшись, Томас прожил в этих утехах дольше, чем я говорю вам.

Однажды, такая была мне милость, моя любезная госпожа сказала мне: «Готовься, Томас, ты должен уйти, ибо не можешь ты долее здесь находиться; соберись покрепче с духом и силами, я доставлю тебя к Эйлдонскому Дереву».

Сказал тогда Томас с тяжелым сердцем: «Любезная госпожа, куда оставь меня, ибо пробыв я здесь, наверно, всего лишь три дня».

«Поистине, Томас, говорю тебе, ты пробыв здесь семь лет и долее; но дольше оставаться не можешь, почему — я скажу тебе о причине. Завтра утром скверный Обманщик из Ада будет искать себе добычу посреди своего народа; ты человек заметный и знатный, — я вполне уверена, он выберет тебя. За все золото, какое только есть отселе до края мира, ты никогда не предашь меня. Итак, Томас, пойдем со мной».

Она вновь привела его к Эйлдонскому Дереву, под сень ветвей зеленого леса. Весело быть на Охотничьем Берегу, где глупые распевают и днем и ночью!

«Вдалеке, вон на той серой горе, Томас, сокол строит гнездо; сокол, однако, — добыча орла, отчего он не может быть в покое на месте... Прощай, Томас, я иду своей дорогой, дольше не могу оставаться с тобой».

«Дай мне что-нибудь на память, сиятельная госпожа, чтобы я мог сказать, что говорил с тобой!»

«Куда б ты ни шел, Томас, — играть на арфе или повествовать, — у тебя поистине будет, из чего выбрать». Он же сказал: «Вовсе не держу арфы, ибо язык — это вождь менестрелей».

«Если будешь читать нараспев или повествовать, ты никогда не должен, Томас, лгать; где бы ты ни был — на воде или на суше, — прошу, не говори обо мне ничего дурного. Прощай же, Томас, и без обмана; долее не могу оставаться с тобой».

«Милая госпожа, помедли немного и Расскажи мне о чем-нибудь дивном!»

«Слушай, Томас, что я тебе скажу. Когда корни дерева умирают, листья опадают и съеживаются и плода не родится — ни белого, ни красного. Так падет и род Баллиолей, это будет как с корнистым деревом, — с Куйминами и Барлеями всеми, с Русселями и Фрэзелями вольными. Все они увянут и сморщатся; неудивительно, раз иссохнет корень. И великое бедствие произойдет вслед за этим там, где радость и счастье обыкновенно были...»

Тогда Томас стал скорбен, из его серых глаз побежали слезы: «Милая госпожа, еще мне скажи — навсегда ль разлучаемся мы и навеки?»

«Нет, но будучи в Эрсильдуне, держи свой путь на Охотничий Берег; там непременно, тебе ручаюсь, я встречу тебя, Томас, если смогу...»

Она затрубила в рог на своем скакуне и покинула Томаса у Эйлдонского Дерева; она направилась к Долине Шлемов, и так расстались она и он.

ПРИМЕЧАНИЯ

Старинная шотландская баллада, точное время возникновения которой неизвестно. Один из ее вариантов (более краткий) был опубликован в 1802 году Вальтером Скоттом в изданном им собрании баллад «*Minstrelsy of the Scottish Border*». В этом варианте баллада известна русскому читателю по переводу С. Маршака [1, с. 332—334].

Однако существует и менее известный — пространный — вариант баллады, который значительно отличается от краткого варианта. Относясь к любому избранному нами тексту прежде всего как к первоисточнику, мы отказались от мысли перевести балладу стихами, и предлагаем читателю подстрочный прозаический перевод.

Шотландский издатель текста допускает, что это — «послание» самого Томаса из Эрсильдуна (Томаса Рифмача). В самом деле, повествование в балладе ведется то от первого, то от третьего лица; пусть эти внезапные переходы не удивляют читателя.

Перевод выполнен по изданию: *The Wisdom of the Scots / A choice and a comment by M. McLaren. London: Michael Joseph, 1961*. Текст поэмы написан на архаичном шотландском диалекте.

Томас Рифмач — Томас Лермонт из Эрсильдуна (ныне Эрлстоун), города в графстве Бервикшир, на юго-востоке Шотландии; поэт-прорицатель, живший во второй половине XIII века. Двести лет назад местные жители еще указывали на разрушенную башню, которую считали жилищем и резиденцией Томаса Рифмача. К югу от башни протекает река Твид, одна из самых главных рек Шотландии. На противоположном ее берегу — Мелрозское аббатство, где, по преданию, похоронен Микаэль Скотт, а дальше к югу — знаменитые Эйлдонские Холмы, под которыми покоится король Артур со своими рыцарями.

Томас прославился при короле Александре III, современником которого он был и смерть которого предсказал накануне, когда ее ничто не предвещало. Свои пророчества он выражал в кратких и емких стихах, в которых говорилось не только о наступающих, но и о весьма отдаленных событиях. Известно также, что он был автором одной из версий «Тристана и Изольды» (опубликована В. Скоттом в 1804 г. с рукописи конца XIII — начала XIV в.).

Традиция, которая сложилась, вероятно, уже при жизни Томаса, гласила, что он был в юности увлечен Королевой фэйри в Чудесную Страну, где и приобрел пророческое Знание, сделавшее его столь знаменитым. «Он встретил королеву Эльфландии и последовал за ней, плененный ее волшебным поцелуем» [63, р. 419]. Это излюбленный в кельтской традиции мотив, который главенствует в таких ирландских сказаниях, как «Приключение Конлы Красного» и «Ойсин в Тир На Н-Ог» [28].

Охотничий Берег — берег реки Твид, протекающей южнее Эр-сильдуна (Эрлстоуна).

...в то веселое майское утро... — Скорее всего, это утро 1 мая — дня, который в кельтском календаре начинает собою лето и называется Бельтаном (по имени древнего солнечного божества Бела, или Беленуса). С этим днем в обрядности кельтских народов связано наступление празднеств «эротической вольности», высвобождение любовной энергии из зимнего плена. Знаменательно, что Эйлонское Дерево (см. ниже), под которым происходит встреча Томаса с Королевой фэйри, было березой. «Так называемые „шалашы любви“ принято было устраивать под березой или в березовой роще, венки из березовых ветвей дарили в знак любви, а в Уэльсе знаменитый майский шест был обыкновенно сделан из ствола березы» [46, с. 328]. С обрядностью мая связана та прямота, если не наглость, с которой Томас обращается к

Королеве, прося дозволения с нею «возлечь». В средневековой лирике Уэльса много таких, например, стихов:

*Было это радостью, а не грехом,
Когда май строил дома из листьев,
И никто не входил в те дома под деревьями,
Кроме двух влюбленных...*

[46, с. 328].

...«*жабьим камнем*». — «Жабий камень» добывали, сунув жабу в муравейник, чтобы муравьи объели ее до костей. Этот талисман предохранял от пожара и обеспечивал победу в бою.

Эйлдонское Дерево — береза, которая росла на возвышенном месте за рекою Твид, — там, где начинались Эйлдонские холмы. Под сенью этого Дерева, согласно традиции, Томас обретал свои пророчества. Одно из таких пророчеств, дошедшее до нас, относилось к самому Эйлдонскому Дереву и гласило, что в этом месте через реку Твид будет переброшен мост; так впоследствии и произошло [57, р. 217].

...я не *Владычица Неба*... — Томас Рифмач «принял Царицу за Деву Марию, и эту ошибку можно понять, потому что (как призналась колдунья Марион Грант из Абердина, подруга Андро Мэна) колдуньи обращались к ней (Царице — С. Ш.) „Наша Госпожа“, и она являлась в облике элегантной дамы во всем белом» [7, с. 255—256].

Но из другой я страны... — Роберт Грейвс в своей книге «Белая богиня» пишет так: «Царица Волшебной страны в „Томасе Рифмоплете“ — это средневековая преемница докельтской Белой богини, которая увозила священного Царя по завершении его семилетнего правления на остров Блаженных, где он становился героем-прорицателем... Она — Смерть, но своих жертв, соблазнившихся ее любовными чарами, одаряет поэтическим бессмертием» [7, с. 253]. Известно, что та же Царица являлась позднее и другим своим избранникам, которые

рассказывали об этом на «процессах ведьм», проходивших в Шотландии в XVI—XVII веках. «Так, в 1597 году в Абердине Андро Мэн сознался в близости с тогдашней Царицей Эльфама, которая «владела всеми премудростями» и приехала на ежегодный праздник Урожая в Бинхиле и Бинлохте верхом на белой лошади. Она очень приятна в обхождении и может стать, когда пожелает, и старой, и молодой. Она делает Царем кого захочет и ложится с тем, с кем захочет» [7, с. 255]. Андро Мэн также говорил, что при встречах с ним эта Царица нередко поминала Томаса Рифмача [57, р. 220].

Существует рациональное объяснение образа Королевы фэйри, которое заключается в том, что она в Средние века «была реальной женщиной, служительницей языческого культа» [1, с. 426].

...и навсегда с тобою останусь... — В кельтских сказаниях герой сам произносит слова, которыми он отдает себя во власть роковой Красоте, явившейся «по его душу» из Иного Мира. Например, в ирландском сказании «Смерть Муйрхертах, сына Эрк» король встретил на своем охотничьем холме «одинокую девушку, прекрасно сложенную, с чудесным лицом и сверкающей кожей... и показалось ему, что он никогда не встречал из женщин равной ей по красоте и изысканности; и все его тело и его существо наполнились любовью к ней... „Пойдешь ты со мною, девушка?“ — спросил Муйрхертах. „Пойду, — ответила она, — при условии, что мне будет хорошая награда“. — „Я дам тебе власть надо мной, девушка“, — сказал Муйрхертах». И так, говорит сказание, «он заложил себя» [28, с. 180].

...не отвечай никому, кроме меня. — В другой версии баллады Королева говорит Томасу: «... если ты скажешь хоть слово в Эльфландии, ты никогда не воротишься в свою страну» [80, р. 40].

...высоко сидя, я услышала твою речь за морем. — Королева признается, что пришла за Томасом сама; так обычно поступают все

Женщины кельтской традиции. Она явилась, услышав, как Томас «горько жаловался в своей душе»; пришла утром первого майского дня, Бельтана, когда у кельтов строились «шалашы любви»; и, отдавшись Томасу в ответ на его мольбу, она сделала его «своим» и увела с собою на семь лет. «Мужчины, целиком подпавшие под власть любви женщины из таинственного Иного Мира, навеки потеряны для мира людей» [46, с. 353]. В ирландском сказании «Приключение Конлы Красного» королевич Конла, услышав призывную песнь девушки из Иного Мира, прыгнул прочь от своих дорогих и любимых родичей в ее хрустальную лодку, и «с той поры посеячас их не видели» [28, с. 18].

Есть наиболее глубокое и верное, на наш взгляд, объяснение образа любой кельтской Королевы. Этим объяснением мы обязаны, в основном, двум мыслителям XX века — Юнгу и Грейвсу. А выразить его можно так: «Она — образец всех образцов красоты, ответ на все желания, сулящая блаженство цель земных и внеземных поисков каждого героя. Она — мать, сестра, возлюбленная, невеста. Все, что в этом мире манит нас, что обещает наслаждение, — все это знаки ее существования, если не в реальном мире — в его городах и лесах, — то в глубинах сна» [24, с. 113—114].

Они вынесли арфу... — Гэльская арфа была излюбленным традиционным инструментом шотландцев вплоть до XVIII века. Историк Георг Буханан пишет, что особенной страстью арфистов было украшать свои арфы серебром и драгоценностями. До нас дошло множество изображений древних арф на камне, однако «живьем» сохранились только две арфы: одна из них, XVI века, принадлежала королеве Марии Стюарт [93, p. 118].

Арфа занимала высокое положение и в других кельтских землях. Например, известно, что в Уэльсе король, избрав себе главного барда, дарил ему арфу, а королева — кольцо [2, с. 76]. Арфа и арфист

в кельтской традиции имели также магическое измерение и соотносились с Иным Миром (см. примечание к «Макмиллану Арфисту» в наст. изд.).

геттерн... рибиб... псалтерион — все это струнные щипковые музыкальные инструменты; геттерн и рибиб похожи на лютню, а псалтерион был трапециевидной формы и его держали вертикально на коленях.

...и менестрельство всякого рода. — Епископ Томас Перси пишет: «Менестрели были в Средние века разрядом людей, которые кормились благодаря поэтическому и музыкальному ремеслу и пели с арфою стихи, сочиненные ими самими либо другими. Они, по-видимому, также сопровождали свои песни мимикой и действием... Менестрели кажутся подлинными наследниками древних бардов, которые под различными именами с отдаленнейших дней вызывали восхищение и почтение у народа в Галлии, Британии, Ирландии и на Севере — поистине, почти у всех первых насельников Европы, будь они Кельтской или Германской расы» [82, р. 17—18].

Впрочем, в отношении к поэтам и поэзии кельты и германцы сильно разнятся между собой: «В английской деревне не относятся к поэту с таким необъяснимым благоговением, как в отдаленных уголках Уэльса, Ирландии и Шотландии» [7, с. 36].

В Средние века менестрели были желанными гостями на праздниках при дворе шотландского короля; в их числе были и арфисты, пришедшие из горной Шотландии. «В таких случаях бродячие менестрели собирались в изрядных количествах и всегда охотно приглашались в королевские залы» [59, р. 242].

...Томас прожил в этих утехах... — «Некоторые знатоки древностей, — писал в XIX веке Патрик Кеннеди, — склонны полагать, что истории о смертных, обитавших вместе с феями в их чудесных дворцах, основываются на памяти о ласковом приеме и благоволении, которые

оказывали в старину жрицы-друидессы избранным поклонникам кельтских божеств» [68, р. 143].

...ты пробыл здесь семь лет и более... — В ирландском сказании «Ойсин в Тир На Н-Ог» Королева Юности спрашивает Ойсина, который захотел возвратиться домой: «Сколько минуло, ты думаешь, с тех пор, как ты пришел сюда?» — «Около трех лет», — сказал Ойсин. «Три сотни лет, — сказала она, — с тех пор, как ты пришел в это королевство со мной» [28, с. 33]. Тот же «парадокс времени» встречается и в других сказаниях, повествующих о путешествии в кельтский Иной Мир. Если Ойсин, коснувшись ногою почвы Ирландии, превращается в дряхлого слепого старика, то один из спутников Брана в сказании «Плавание Брана, сына Фебала», спрыгнувший по возвращении с Острова Женщин на ирландский берег, вовсе превращается в горстку праха [14].

...он не может быть в покое на месте... — Шотландский издатель текста Морэй МакЛарен замечает по этому поводу: «Тот, кто посвятил себя Истине Красоты, должен платить. Он никогда не может оставаться в покое. Он должен быть подобен соколу, чье гнездо — не на дереве, прочно укоренившемся в земле, а на вольном воздухе неба, где он летает» [99, р. 27].

...ты никогда не должен... лгать... — Одним из прозвищ Томаса Рифмача было «Правдивый Томас». Сама эта баллада есть «рассказ о видении Красоты в образе сверхъестественной женщины с великим обаянием. Отдаваясь ей и служению ей, он (Томас) исполняется силой воображения и силою выразить воображаемое — истину, какой он ее видит. Вера в ценность и плодотворность такой самоотдачи Истине Красоты — одна из могучих составляющих мудрости скоттов» [99, р. 27].

У «правдивости» Томаса был и более прикладной аспект: это правдивость его пророчеств.

Некогда один из графов Куйминов назвал Правдивого Томаса «Томасом Лжецом». Томас сложил стих, в котором предсказал Куймину, что тот однажды упадет с лошади, сломает себе шею и собаки будут глотать его кости. Это предсказание в точности исполнилось [57, р. 221].

...род Баллиолей... — знатнейший шотландский род, который, как и род Куйминов (см. ниже), пришел в Шотландию в XI—XII веках из Нортумбрии; Баллиолы и Куймины по происхождению — не кельты, а англо-норманны. Самый известный из Баллиолей — король Шотландии Джон Баллиоль, который вел кровопролитную войну со своим соперником, знаменитым Робертом Брюсом, в конце XIII — начале XIV века. Этот Баллиоль и его сторонники, среди которых видное место занимали Куймины, потерпели жестокое поражение. Имения, принадлежавшие этой партии, были конфискованы, сам Джон умер на чужбине, а его род заглох. «Так сгинули Баллиолы, высоко чтимые по рождению их и связям, по обширным их владениям и далеко идущим вольностям» [55, II, р. 567—568].

...с Куйминами... — Куймины, или Комины, — это могущественный род, «который рано приобрел главенствующее влияние в шотландском Пограничье. В гражданских войнах между Брюсом и Баллиолем все эти влиятельные родовые вожди связали себя с несчастливой партией. Они были лишены имений и изгнаны, и на их руинах воздвигся грозный дом Дугласов» [75, I, р. III].

...Барлеями всеми, с Руссеями и Фрэзеями вольными. — Перечисляются видные шотландские бароны, судьба которых впоследствии была подобна судьбе Баллиолей и Куйминов.

...и так расстались она и он. — Традиция говорит, что по истечении семи лет пребывания в Чудесной Стране Томас возвратился в Эрсильдун, чтобы поражать соотечественников своим пророческим даром. Его любимым местом, где он получал свои «наития», оставалось

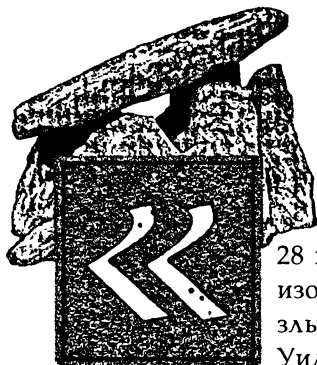

Эйлдонское Дерево. Прошло время. Однажды, когда он пировал с друзьями в своем доме, к ним вбежал человек, всем своим видом показывающий страх и изумление. Он сообщил, что из соседнего леса вышли олень с оленихой и неторопливо шествуют по улице города. Томас немедленно поднялся; он сказал друзьям, что достаточно долго пробыл с ними; вышел, последовал за животными в лес, и больше его никогда не видели. Говорили, что его призвала к себе Королева фэйри, — согласно уговору, что был между ними, когда он посетил ее Страну в первый раз [57, p. 213].

Томас умер или исчез, по некоторым данным, около 1300 года. Пророчества его, однако, продолжали исполняться на протяжении последующих пяти веков; эти пророчества, выраженные в стихах, касались судеб отдельных знатных семейств, городов и весей, а также Шотландии в целом. Собранные в одну книгу, они были выпущены в Эдинбурге в 1615 году Андро Хартом, и многие события шотландской истории, большие и малые, с тех пор рассматривались сквозь призму этих стихотворных пророчеств.

Роберт Чэмберс в XIX веке писал: «Я уверен, что имя Томаса Рифмача так же хорошо известно по сей день среди простого народа шотландских гор и даже на отдаленнейшем из Западных Островов, как оно известно в Бервикшире» [57, p. 220].

ДЕЛО АЛИСОН ПИРСОН

28 мая 1586 года, Байрехилл. Алисон Пирсон изобличена в ведьмовстве и в сообщении со злыми духами в образе некоего господина Уильяма Симпсона, ее кузена, который, утверждала она, был солидный ученый и доктор медицины, излечивший ее от недугов, когда ей было двенадцать лет от роду. Потеряв власть над собой и имея с ним близость на протяжении разных лет, она занималась чародейством и обольщала простой народ хитростями своего ведьмовства все эти прошедшие годы.

Также, все эти годы она наведывалась и обращалась к добрым соседям и королеве Эльфландии, как признает сама; имела друзей при этом дворе, которые были ей кровными родичами и имели короткое знакомство с королевой Эльфландии, которая могла ей оказывать помощь.

Но она была временами здорова, а временами больна; иной раз — с ними, а иной раз — вдали от них. И могла находиться в своей постели в здравии и рассудке и не ведать, где она окажется наутро.

В эти семь лет она не видела королевы и эти семь лет с ней обходились дурно при дворе Эльфландии; однако она имела там добрых друзей. Это *добрые соседи* излечили ее, по воле Божьей. И она ходила к Св. Андрею все эти годы лечить людьми.

Также, изобличается в названных ведьмовских деяниях тем, что признает, что названный Уильям Симпсон, сын ее дяди, родившийся в Стирлинге и бывший королевским кузнецом, — когда ему было около восьми лет от роду, был увезен неким египтянином в Египет (при том что египтянин этот был гигантом), где он пробыл двенадцать лет, а потом возвратился домой.

Также, была она на болотах Грэндж Мур с некоторыми другими людьми и, будучи нездорова, прилегла на землю. И когда она находилась одна, пришел к ней человек, одетый в зеленое, который сказал ей: «Будь верна, и я сделаю тебе благо». Она же, будучи напугана, закричала, но никто к ней не пришел. Тогда она сказала, что если он пришел во имя Божье и ради блага ее души, то это хорошо. Он же ушел прочь.

В другой раз он явился ей как похотливый мужчина, и много мужчин и женщин с ним. При виде его она осенила себя крестом и помолилась и оставалась с ними; и смотрела, как они веселятся с волянками, доброй пищей и вином. И они забрали ее с собой.

А когда она рассказывала что-нибудь из этого, то была жестоко мучима ими. И когда она пошла с ними в первый раз,

то получила от одного из них жестокий удар, который забрал у нее всю ее силу и оставил на ее боку некий злосчастный след.

Также, она видела, как *добрые соседи* готовят в котлах на огне свои мази и как они собирают травы перед восходом солнца.

А порой они приходили к ней весьма страшными, что заставляло ее кричать, и угрожали, что станут обходиться с ней хуже чем прежде. И под конец они забрали у нее силу из ее здорового бока, отчего она слегла на много недель. Иногда они приходили и сидели с ней и обещали ей всё, чего она ни пожелает, если будет верна; но если она станет рассказывать о них, — они убьют ее.

С ними — господин Уильям Симпсон, который излечил ее и рассказал ей обо всем. Это молодой человек, который не более чем на шесть лет старше ее самой. Он явился к ней перед тем, как состоялся суд. Он рассказывал ей, что *они* забрали его, и велел ей креститься, дабы не забрали ее, ибо десятая их часть каждый год опалается в аду.

Также, указанный господин Уильям рассказал ей, какие травы годятся для лечения каждой болезни и как использовать их. Особливо он сказал, что епископ Св. Андрея страдает запойными недугами, такими как чесотка, лихорадка, жар, истечение и другие; и велел ей приготовить мазь и намазать ею некоторые части его тела; дал указание сделать горячий отвар, который она сделала и отдала ему».

ПРИМЕЧАНИЯ

Это текст обвинительного заключения, сохранившийся от одного из бесчисленных судебных процессов над ведьмами, проходивших в

Шотландии с конца XVI по начало XVIII века (последняя женщина, казненная за ведьмовство в Шотландии, была сожжена в 1722 г.). Вальтер Скотт в свое время писал: «Нигде не было подозреваемо столько знатных дам в прямом сообщении с дьяволом, или в непосредственном сношении, или через подчиненных колдуний и колдунов. Леди Букклейг, Графиня Атоль, Графиня Гунтлей, Леди Кер, Графиня Лотиан, Графиня Ангус — если верить преданию — были записные служительницы ада» [47, с. 549].

Алисон, как и многие другие, была сожжена заживо за предполагаемое сообщение с «двором Эльфландии» — с тем самым «двором», где прожил семь лет Томас Рифмач. Центральной фигурой этого «двора» являлась, судя по текстам обвинительных заключений, все та же Королева — возлюбленная Томаса.

Одна из самых любопытных и вместе с тем правдоподобных точек зрения на этих «эльфов» или «добрых соседей», с которыми входили в сообщение многие поколения людей в кельтском мире, заключается в следующем: фэйри — это раса аборигенов, предшествующая кельтам, а быть может, и пиктам; раса, ушедшая от пришельцев в укромные жилища под холмами и в другие малодоступные места. «Завоеванная раса, изгнанная либо угнетаемая, могла в то же время вдохновить своих завоевателей на мифические представления о своих силах и способностях... Волшебство само по себе может быть, следовательно, объяснено как представления кельтов о добрых и злых силах, присущих исконным обитателям Шотландии» [51, р. 35—36].

Перевод текста выполнен по изданию: *Minstrelsy of the Scottish Border: consisting of historical and romantic ballads, collected in the Southern counties of Scotland: In 3 Vol. Edinburgh, 1812. Vol. 2.* Составителем этого собрания был Вальтер Скотт. Текст «дела Алисон Пирсон» приводится в

его статье: *Introduction to the Tale of Tamlane. On the Fairies of popular superstition* [75, p. 149—153].

Алисон Пирсон — была молодой матерью двух детей, которые, как сообщает В. Скотт, в течение процесса над ней тоже побывали под пыткой!

В народной памяти сохранилось воспоминание или предание о том, как Алисон Пирсон в канун Самайна (Хеллоуина) проезжала на лошади через Бредалбан в графстве Пертшир в обществе Королевы фэйри [75, p. 149].

У ирландца Йейтса мы находим ответ на вопрос: отчего у фэйри властвует Королева, а не Король, или отчего почти все преследуемые за ведьмовство в Средние века были женщинами: «...ибо женщины куда способнее к той мудрости, которую древние народы считали, а многие „дикие“ племена и поныне считают единственной истинной мудростью на свете» [16, с. 94].

И она ходила к Св. Андрею... — «Св. Андрей» здесь: старинный город St. Andrews с кафедральным собором, расположенный в графстве Файф на востоке Шотландии, на побережье Северного моря. В VIII веке н. э. один пиктский король основал здесь церковь во имя святого Андрея — покровителя пиктов, а впоследствии и всей Шотландии. Сюда перенесли и некоторые реликвии, связанные с именем апостола. В XII веке на месте церкви строится большой кафедральный собор; какое-то время архиепископ Св. Андрея главенствует среди шотландских епископов, а город с собором является церковной столицей Шотландии. Здешний университет, основанный в 1411 году, является старейшим шотландским университетом.

...лечить людей. — Здесь, как и в других историях такого же рода (см. «Дело Бесси Данлоп», «Чудесное лекарство»), способность

лечить людей является главным даром, который «добрые соседи» дарят своим избранникам.

Однако общепринятым в тогдашней Европе воззрением было, что «при посредстве предавшихся ему женщин-ведьм дьявол действует на пагубу людей. Он научает ведьму, как наводить болезни и бесплодие на людей и скот, как губить тело и душу христиан, истреблять их имущество, вызывать грозы и ветры, портить посевы, производить неурожай и т. д.» [21, с. 4]. Не очень понятно, отчего на шотландских процессах ведьм судьями не было принимаемо во внимание, что предполагаемые «демоны» и «предавшиеся им» ведьмы во многих случаях действовали совершенно противоположным образом.

Стирлинг — старинный город в одноименном графстве центральной Шотландии, расположенный на берегу реки Форт. Здесь, в окрестностях Стирлинга, шотландцы трижды наносили поражение англичанам, и в 1314 году отвоевали свою независимость. Впоследствии отсюда, из замка Стирлинг, короли из рода Стюартов управляли Шотландией.

...был увезен неким египтянином в Египет... — вероятно, был похищен цыганами, которых считали выходцами из Египта и с которыми связывали ворожбу и волхование. «Цыгане появились на Британских островах в XVI веке. В 1540 году король Иаков V дал их вожаку титул „владыки Малого Египта“, даровав ему соответствующие привилегии. Однако уже через несколько лет цыгане впали в немилость и были изгнаны из Англии, а позже — в 1609 году — из Шотландии» [1, с. 434].

Добрые соседи, добрый народец — одно из устойчивых наименований расы чудесных существ, распространенное в кельтском мире. Они прозваны так оттого, что, входя в общение с людьми, способны оказывать им различные дружеские услуги. «Доброта» этой расы весьма относительна и зависит частью от их своенравия (ибо эти

существа амбивалентны), а частью от поведения самих людей. Обычай именовать этих соседей «добрыми» происходит еще и от того, что «фэйри, как говорят, чрезвычайно чувствительны к тому, как их именуют в народе», и могут обижаться, не без последствий для обидчика. Они, в частности, не любят имя «фэйри» и считают его неуважительным. В Шотландии им приписывали стишок, в котором говорится:

*Назовешь меня фэйри, —
Я причиню тебе большие неприятности;
Назовешь меня добрым соседом, —
Тогда добрым соседом и буду*

[57, р. 323—324].

Вообще, шотландцам, которые, по мнению У. Б. Йейтса, «утратили доброе расположение своих духов и фэйри», свойствен довольно мрачный и опасливый взгляд на этих «соседей»; шотландцы «прокляли фэйри с амвона»; и поэтому, «если вас интересуют истории об их (фэйри) добрых и забавных проделках, вам нужно ехать в Ирландию; за историями страшными добро пожаловать к шотландцам» [16, с. 86—89].

На острове Мэн, расположенном между Британией и Ирландией, фэйри называли еще в XIX веке «добрым народцем»; говорили, что «они живут в пустошах, в лесах и на горах и избегают больших городов из-за бесчинств, что творятся там. Благословенны все дома, которые они посещают, ибо порока они бегут» [75, р. 154].

С другой стороны, «многое свидетельствует за то, что это падшие ангелы, — писал У. Б. Йейтс, знаток кельтской традиции. — Взять для примера натуру этих созданий, их своенравие, повадку по добру обходиться с добрыми, по худу — с худыми, их наделенность всеми прекрасами, кроме одной, — совести, постоянства» [15, с. 8].

...были ей кровными родичами... — В оригинале: «были ее собственной крови». Здесь, возможно, содержится указание на то, что фэйри, «добрых соседей», понимали в Шотландии (и в остальном кельтском мире) как народ мертвых; Алисон, в таком случае, повстречала в Эльфландии своих умерших родичей. Кельтский праздник Самайн в ночь с 31 октября на 1 ноября, когда происходило наиболее интенсивное общение с обитателями Иного Мира, известен также как Хеллоуин и праздник поминовения усопших. Более того: сами чудесные холмы («сиды»), в которых обитают фэйри, изначально были, вероятно, погребальными холмами: «в Старой Европе их сооружение было связано с культом мертвых, но в кельтских землях они в конце концов стали восприниматься как холмы фей» [6, с. 264]. Само слово «сид» (sith) значит не что иное, как «мир, покой». Поэтому «сиды», в сущности, — «покойники». Все это неудивительно, ибо в представлении какого-нибудь неолитического или даже палеолитического человека главное разделение на «мы» и «они», «этот мир» и «тот» было разделением на живых и умерших, точнее, «изменившихся»; «они» стали феями и эльфами, а их «Тот свет» — чудесным Иным Миром.

...одетый в зеленое... — В кельтской традиции зеленый цвет, наряду с красным, постоянно присутствует в описаниях обитателей Иного Мира. Например, «в британском фольклоре зеленый цвет ассоциируется с зелеными одеждами фей; если предположить, что феи — уцелевшие представители древних племен, изгнанные в горы и леса, то зеленый цвет их одежд можно объяснить как защитный — в Средние века зеленое носили лесники и преступники», — пишет Р. Грейвс [7, с. 58—59]. В ирландских сказаниях зеленым цветом чаще всего «отмечались» выходцы с Чудесных Островов [44, с. 458]. В Уэльсе и Корнуолле «маленький народец» носил опять-таки зеленые одежды [75, p. 154].

...как они веселятся с волынками... — Волынки, а также свирели и дудки, которые были непременными атрибутами всех приметных событий в жизни средневековых шотландцев, «участвовали» также в сборищах и пирушках «добрых соседей», которые питали к музыке особую слабость. Это было замечено во всех кельтских землях — и в Ирландии, и в Шотландии, и на Островах, и в Уэльсе с Корнуоллом, и в Бретани. Веселье считалось непременным и обязательным спутником жизни «у них». У. Б. Йейтс сообщал: «Едва ли найдется в Ирландии деревня, будь то на равнине или в холмах, где вам не расскажут подобной же истории. В двух-трех милях от озера Харт живет одна старушка, в молодости фэйри похитили ее саму. Через семь лет по какой-то неведомой нам причине они доставили ее обратно домой, вот только пальцев у нее на ногах не осталось. Она так много плясала там, под землей, что стерла их напрочь» [16, с. 63].

Что касается самой волынки и ее известной всем популярности у гэлов Шотландии, то приведем сообщение из газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1829 год: «Каждый год Верхне-Шотландское общество дает большой концерт на волынках; горные жители являются в национальных своих костюмах и напевают попеременно то любовную песню, то военный гимн, то какой-нибудь романс. Награда, смотря по вкусу состязателя, состоит или в волынке, или в коротком шотландском мече» [50, с. 735].

...некий злосчастный след. — Инквизиторы прилагали максимум усилий, дабы обнаружить на теле всякой обвиняемой «метку» или «печать» дьявола [21, с. 45—46]. Роберт Грейвс по этому поводу пишет следующее: «В Шотландии метку дьявола ставили на среднем пальце, и, хотя сведений о точном расположении метки нет, она находилась, судя по всему, у самого основания пальца: Маргарет Маклевин из Бута жаловалась, что дьявол едва не оставил ее без пальца. Нижний сустав

среднего пальца — Uga, вереск, растение, вполне подходящее для инициации шотландских колдуний, которые, согласно Шекспиру, собирались на открытых всем ветрам вересковых пустошах. У двух нортгемптонских колдуний — Элинор Шоу и Мэри Филлипс, приговоренных к смертной казни в 1705 году, — были проколоты кончики пальцев; к сожалению, нам неизвестно, каких именно. Скорее всего, палец с буквой Saille, ивой, посвященной матери колдуний Гекате, на кончике» [7, с. 121]. Следует иметь в виду, что те, с кем общались все эти женщины, не были, скорее всего, дьяволом и его присными; фэйри, а также представители древнего языческого культа могли демонизироваться в представлении самих женщин, общавшихся с ними.

...епископ Св. Андрея... — Этого епископа звали Адамсон, и его действительно обвиняли в сообщении с ведьмами, особенно с Алисон Пирсон. В одной стихотворной сатире того времени этот епископ находится в «компании» с Алисон, с королевой Эльфландии и с Уильямом Симпсоном [75, р. 149—150].

ДЕЛО БЕССИ ДАНЛОП

Бесси Данлоп, супруга Андро Джека из Линна, обвинялась в занятиях колдовством, ведьмовством и заклинаниями, с призыванием сатанинских духов; в том, что пребывала в близости с ними, когда находила это нужным; в том, что чародействовала и обольщала народ дьявольским искусством названного выше колдовства, а как — будет обозначено ниже; она занималась этим на протяжении разных лет в прошлом, особенно же вот когда и вот каким образом.

Во-первых, когда названную Бесси Данлоп спросили, благодаря какому искусству и знанию могла она сообщать различным людям о вещах, которые они потеряли или были украдены, а также помогать больным людям, — она ответила и заявила, что сама она не владела никаким таким искусством или наукой, чтобы делать это; но в разное время, когда к ней

приходили те или иные люди, она обращалась к некоему Тому Рейду, который, как он сам утверждал, погиб при Пинки; и он все рассказывал ей, когда бы она ни спрашивала.

Далее, ей задали вопрос, что за человек был этот Том Рейд? Она заявила, что он был почтенный, весьма пожилой человек с седой бородой; носил серое платье старинного покроя с ломбардскими рукавами, серые брюки и белые чулки, доходившие выше колен; на голове у него была закрывавшая затылок и открывавшая лоб черная шапочка, складки которой были прошиты шелковыми шнурками; в руке же у него был белый посох.

Далее, ее спросили, как и в какого рода месте названный Том Рейд явился к ней? Она ответила: когда она бродила между собственным домом и монастырским двором, выгоняя свою скотину на пастбище, тяжело и горестно самой себе жалуясь, сильно плача по своей корове, которая пала, по своему мужу и детям, что лежали больные в моровой язве, а она только что встала после родов. Названный Том встретил ее на дороге и приветствовал ее: «Добрый день, Бесси»; а она сказала: «Помоги тебе Бог, добрый человек». — «Санкта Мария, — сказал он, — Бесси, почему ты так сильно жалуешься и горько плачешь по земным вещам?» Она отвечала: «Увы! Разве нет у меня важной причины сильно жаловаться? Ведь скотина наша пала, и мой муж при смерти, и дитя мое не выживет, и сама я вот-вот свалюсь; не довольно ли у меня причин быть с тяжелым сердцем?» Но Том сказал: «Ты гневилась Бога и просила того, чего не должна просить, и поэтому советую тебе покаяться перед Ним: ибо говорю тебе, твой младенец умрет, и больная корова тоже, до того, как придешь ты домой; две твоих овцы

тоже падут; но муж твой поправится и будет таким же здоровым и крепким, каким был всегда». И тогда мне стало немного веселее от того, что он мне сказал, что супруг мой поправится. Затем Том Рейд ушел от меня прочь сквозь монастырский двор, и я подумала, что он пролез в одно узкое отверстие в стене, куда ни один пожилой человек не мог бы пролезть; и поэтому я немного испугалась».

Это был первый раз, когда встретились Том и Бесси.

В следующий раз он явился к ней, когда она бродила между своим домом и зарослями боярышника. Тогда он пробыл с ней довольно долго и спросил у нее, доверится ли она ему. Она сказала, что доверилась бы всякому, кто делает ей добро. И Том пообещал ей того и другого скота, и лошадей, и коров, и всякого добра, если она откажется от христианского мира и от веры, которую приняла у крестильной купели. На это она отвечала, что, если ее будут волочь за лошадиным хвостом, она никогда не сделает этого; но пообещала быть преданной и доверяться ему во всем, в чем она может. И дальше он держался с ней несколько сердито, потому что она не соглашалась на то, о чем он говорил.

В другой раз он явился к ней около двенадцати часов дня в ее собственном доме, когда там сидели трое портных и ее супруг; он взял ее за передник и повел с собой к двери; она последовала за ним и поднялась к пивоварне, где он запретил ей говорить или пугаться, что бы она ни услышала и ни увидела. И когда они прошли немного вперед, она увидела двенадцать человек (восемь женщин и четверо мужчин): все женщины были укутаны в пледы, и на них было очень приятно смотреть, а мужчины были одеты как благородные; и с ними был Том.

На вопрос, знала ли она кого-нибудь из них, отвечала: никого, кроме Тома. На вопрос, что они сказали ей, отвечала: они велели ей сесть и сказали: «Добро пожаловать, Бесси, пойдешь ли ты с нами?» Но она не ответила, потому что Том запретил ей. И далее заявила, что не знала, о чем они беседовали между собой, а видела только, как шевелились их губы; и вскоре после этого все они рассеялись прочь, и вслед им промчался ужасный и отвратительный порыв ветра; она же лежала без сил, поукада Том не вернулся от них обратно.

Далее, ее спросили, спрашивала ли она у Тома, что это были за люди? Отвечала, что это были добрые существа, жившие при дворе Эльфама, и они приходили сюда, желая, чтобы она пошла с ними; и того же самого хотел от нее и Том. Она же ответила, что «она не видит пользы идти с ними на такие прогулки, пока не знает, ради чего!» Том сказал: «Ты не видишь меня, достойного и телом, и одеянием, и всем тем добром, что нравится в человеке?» и пообещал, что ее он сделает гораздо лучше, такой, какой она никогда не была. Она отвечала, что живет со своим мужем и детьми и не может оставить их. И тогда Том весьма рассердился на нее и сказал: если она так полагает, то получит меньше добра от него.

На вопрос, допытывалась ли она чего-нибудь у Тома ради помощи себе самой или кому другому, отвечала, что, когда те или иные люди приходили к ней просить помощи для своей скотины, коровы или овцы, либо для своего ребенка, который был унесен дурным порывом ветра или которым овладели эльфы, она шла и спрашивала у Тома, чем можно помочь им? И Том срывал некую траву и давал ей из своих рук; он велел ей

смешивать эту траву с некоторой другой, открывать глотку скотине и класть туда; и скотина выздоравливала.

Далее, Том давал ей из своих рук нечто, похожее на красную свеклу, и велел ей либо кипятить и делать из нее мазь, либо, напротив, сушить и делать из нее порошок, и давать это больным людям; и они поправлялись. На вопрос, как она узнавала, что человек выздоровеет, заявила, что, как только она натирала мазью больного — мужчину, женщину или ребенка — и мазь впитывалась, больной должен был поправиться; но если мазь выходила с испариной, он умирал.

Ее спросили: она никогда не задавала Тому вопрос, ради чего он приходит к ней, а не к кому-либо другому? Отвечала: ей вспомнилось, что, когда она лежала, беременная одним из своих младенцев, вошла к ней одна могучая женщина и села рядом с ней на скамейку; она попросила у Бесси пить, и та подала ей; она также сообщила Бесси, что этот ее ребенок умрет, а муж ее поправится от своей болезни. Названная Бесси заявила, что хорошо помнит об этом, а Том говорил, что это была Королева Эльфама, его повелительница, которая приказала ему опекать ее и делать ей добро.

На вопрос: говорила она когда-нибудь с ним у озера, на берегу? — отвечала, что никогда; лишь однажды, когда они с мужем ехали полем к Бейту, чтобы привезти домой муки, и она пошла к озеру Ресталриг, чтобы выкупать своего жеребца; как вдруг мимо промчалась компания всадников, издававших такой грохот, будто небо упало на землю, и, неудержимые, они вверглись прямо в озеро с ужасающим шумом. Но Том говорил, что это были добрые существа, которые поскакали в сердце земли.

Ее спросили: когда она говорила с Томом последний раз? Заявила, что это было наутро после Дня Очищения, когда она последний раз говорила с ним, и он сообщил ей, что надвигается злое ненастье.

П р и г о в о р. Признать виновной и сжечь.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Дело Бесси Данлоп», как и «Дело Алисон Пирсон», — это текст обвинительного заключения, извлеченный из протоколов заседаний Верховного Суда Шотландии. Процесс над Бесси состоялся несколькими годами раньше, в 1576 году, и территориально два этих «дела» тоже разграничены: Бесси жила на западе Шотландии, Алисон — на востоке. Между тем рассказы двух женщин удивительно похожи. Вряд ли это можно объяснить тем, что они говорили под «диктовку» своих мучителей. Вальтер Скотт считал, что эти женщины были просто «не в своем уме». Это мнение продиктовано искренним состраданием, но не может никого удовлетворить. В таком случае, «не в своем уме» были бесчисленные поколения людей в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, Бретани, и не только в кельтских землях; хотя именно кельтов можно назвать природными «духовидцами» [15, с. 11].

Думается, женщины, подобные Алисон и Бесси, в основном говорили чистую правду. Инквизиторы могли насильно «привносить» в рассказы обвиняемых все то, что свидетельствовало о дьявольщине в связи с «добрыми соседями». Более того: обвиняемые сами могли воспринимать фэйри подобным образом, — особенно в Шотландии, и притом Шотландии южной.

Тот же Вальтер Скотт писал, что в его время некоторые гэльские духовидцы еще «хвалились своей близостью с эльфами как невинной и полезной связью» [75, р. 159].

Восприятие фэйри сквозь призму демонологии скорее присуще англо-саксонской (германской) ментальности, нежели кельтской, и скорее протестантской ментальности, нежели католической. Во всяком случае, «охота на ведьм» в Шотландии развернулась вовсю через три года после утверждения здесь Реформатской церкви (1563).

Перевод выполнен по изданию: *Scotland before 1700 from contemporary documents* / Ed. by P. N. Brown. Edinburgh: David Douglas, 1893.

Ввиду большого объема текста, мы опустили его менее существенную часть, посвященную перечислению тех, кого «пользовала» Бесси.

Андро Джек из Линна — муж Бесси, который был мелким землевладельцем или даже батраком в Линне, старинном поместье близ города Далри в Айршире — графстве на западе Шотландии. Неподалеку от этого поместья была замечательная пещера, прежде известная под названием «Дом эльфов»: ее считали обиталищем фэйри [88, р. 217].

...который... погиб при Пинки... — Речь идет о битве 1547 года, которая состоялась между англичанами и шотландцами в округе Мидлоттиан, южная Шотландия. В этой битве шотландцы, несмотря на свое двойное превосходство, потерпели сокрушительное поражение; их пало на поле боя больше десяти тысяч. Среди них был и Том Рейд, который через тридцать лет явился Бесси.

...плача по своей короле... — В связи с этим вспоминается одна гэльская пословица, которая гласит: «Где есть корова, там будет женщина, а где будет женщина, будет и вред» [57, р. 272].

...зарослями боярышника. — Боярышник был традиционным местом встреч как для любовников, так и для эльфов [88, р. 210]. Можно

добавить, что «по древней кельтской традиции боярышник являлся деревом божества зимы и тьмы... Древние кельты считали растение деревом принудительного целомудрия и требовали от молодежи любовного воздержания до полного боярышника, то есть до мая месяца... В мае цветущий боярышник становился символом любви и любовных обрядовых празднеств» [23, с. 38].

...если ее будут волочь за лошадиным хвостом... — Бесси имеет в виду, что, если ее ожидает такая расплата, она не желает принимать предложение Тома. Ведьм зачастую доставляли к месту казни именно таким образом [21].

...женщины были укутаны в пледы... — Горную Шотландию называли «страною гленов (долин), холмов и пледов» [57, р. 279].

М. Мартин в самом конце XVII века писал: «Старинная одежда, носимая женщинами, которую до сих пор еще носят некоторые из простонародья, называлась *аризад*: это белый плед, на котором несколько полосок, черных, синих и красных. Он был длиною от шеи до пят и скреплялся на груди пряжкой из серебра или меди, соответственно достоинству человека. В плед заворачивались целиком и подпоясывали его под грудью» [51, р. 247]. Вот свидетельство, относящееся к началу XX века: «Женщины, подобно мужчинам, носят клетчатый кильт вроде короткой шерстяной юбки, не доходящей до колен, чулки и сандалии; в непогоду закутываются, как в старину, в плед; голову покрывают маленькой шапочкой с белым или черным пером» [3, с. 5].

...жившие при дворе Эльфамы... — Эльфам: то же, что Эльфландия или фэйри-ленд. Чтобы показать, насколько вся эта история находится в русле кельтской традиции, перескажем кратко содержание «видения», бывшего с валлийским поэтом Эллисом Винном, которое он описал в своей поэме (1703). Поэт засыпает на холме «и видит толпу

людей, которых принимает было за цыган или ведьм, однако, присмотревшись, замечает их красоту, узнает среди них усопших родичей и понимает, что перед ним феи. Они танцуют на холме свой танец, а потом подхватывают поэта и несут его над морем и островами, пока наконец не прилетают к прекрасному замку. В этом замке они пытаются заставить поэта сложить хулительную песнь на его собственного короля. Спасает поэта лишь вмешательство ангела, который открывает ему, что это были «дети Аннувна» [46, с. 207].

«Аннуvn» — валлийский эквивалент шотландского «Эльфам». Видение это, можно заметить, имеет много общего с историей, случившейся с Томасом Рифмачом. Во всяком случае, на «процессах ведьм» в Шотландии судьи имели дело с такими «преступлениями», которые весьма характерны для кельтских земель и кельтских народов.

...он умирал. — Далее следует опущенная нами часть текста, в которой указаны лица, обращавшиеся к Бесси за помощью, — те, кого она излечила и кому вернула украденные вещи. Среди ее клиентов были как простые, так и «благородные» люди. Далее в этом тексте содержится подтверждение того, что Том Рейд, наставник Бесси, действительно был тем, за кого себя выдавал, то есть Томом Рейдом, погибшим при Пинки в своей прежней жизни; затем следует рассказ о том, как Бесси по указанию Тома расстроила одну помолвку, грозившую обернуться для помолвленной дочери Уильяма Блэра «постыдной смертью»; затем Бесси передает предсказание Тома по поводу возврата в Британию «старой веры» (т. е. католичества), хоть и в новом облике, — предсказание это сбылось позднее, когда здесь утвердилась англиканская церковь, сохранившая преемственность от католицизма. Этот эпизод стоит привести целиком: «На вопрос: что она думает о новом законе, — она ответила, что говорила об этом с Томом, и Том сказал, что этот новый закон нехорош и что старая вера возвратится снова, однако

не такой, какой была прежде» [88, р. 214]. Наконец, в опущенной нами части текста Бесси рассказывает, что иногда встречала Тома Рейда среди народа в городах Далри и Эдинбурге, но он запретил ей обращаться к нему первой.

...одна могучая женщина... — Бесси подразумевает крепость сложения своей посетительницы, но главное — впечатление *силы*, исходившей от Королевы Эльфама.

Бейт — город в том же графстве Айршир, на западе Шотландии, где жила Бесси Данлоп.

День Очищения — 2 февраля, когда Западная Церковь праздновала Очищение Святой Девы Марии, иначе Candlemas.

ЧУДЕСНОЕ ЛЕКАРСТВО

дин человек обвинялся в том, что призывал и заклинал злых духов, а был он, как видел всякий, человеком очень простым и неграмотным; и прежде он был очень беден, однако заработал кое-какие средства, достаточные, чтобы содержать себя, свою жену и малых детей разного возраста, — с помощью своих лекарств, сделанных из белого порошка, чему были изрядные доказательства. И когда судья спросил его, как он раздобыл порошок, он рассказал историю такого содержания.

Однажды вечером, на исходе дня, когда он шел домой после своих трудов, будучи очень печален и полон тяжелых мыслей, не зная, как раздобыть еды и питья для своей жены и детей, встретил он прекрасную женщину в нарядных одеждах, которая спросила его, почему он так печален, и он сказал ей,

что это из-за его бедности. На это она сказала, что, если он последует ее совету, она поможет ему приобрести то, что послужит его благосостоянию. На это он ответил, что согласен всем сердцем, лишь бы это не было незаконным путем. Она сказала ему, что произойдет это не каким-нибудь подобным путем, а через деланье добра и исцеленье больных людей. И, строго предупредив его, чтобы он встречал ее там следующей ночью в то же время, она удалилась от него, а он пошел домой.

Следующей ночью в назначенное время он должным образом дождался ее; и она, согласно обещанию, пришла и сказала ему: это хорошо, что он пришел; так и следовало поступить, иначе он лишился бы того благодеяния, что она намеревалась сделать ему. Итак, она велела ему следовать за ней и не бояться. Затем она привела его к небольшому холму, постучала три раза, и холм открылся; они вошли внутрь и пришли в прекрасную залу, где была королева, восседавшая в чрезвычайном великолепии, и множество людей вокруг нее. И придворная, которая привела его, представила его королеве, и та сказала ему «добро пожаловать» и велела придворной дать ему немного белого порошка и научить, как его использовать. Женщина так и сделала и вручила ему небольшую деревянную коробочку, полную белого порошка; она велела ему давать по две или три крупы всем недужным, и это излечит их. Итак, она вывела его из холма, и они расстались.

И когда судья спросил его, было ли место внутри холма, которое он называл залой, светлым или же темным, — он ответил: не различишь, как это бывает с нами в сумерках. И на

вопрос, как он доставал порошок в дальнейшем, он сказал: когда ему было нужно, он шел к тому холму, стучал три раза, говоря каждый раз «я иду, я иду», на что холм открывался. И когда он входил, вышеназванная женщина сопровождала его к королеве, и так он умножал данный ему порошок.

Это была простая и ясная история, которую он рассказал перед судьей и заседателями. Доказательств не было, но в том, что лекарства он дал очень многим, судьи с ним согласились. И, помнится, судья сказал, когда все свидетели были заслушаны, что если он и заслуживает наказания, то его следовало бы изгнать отсюда в Чудесный Холм, и что все это представляется наваждением либо плутовством.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Чудесное лекарство» не является текстом обвинительного заключения, как «Дело Алисон Пирсон» и «Дело Бесси Данлоп», а является рассказом человека, имевшего к делу близкое отношение, — свидетеля или слушателя. Рассказ этот содержится в книге Вебстера «Displaying of supposed Witchcraft» и относится к одному из судебных процессов XVII века, в котором обвиняемому — мужчине — удалось избежать смертного приговора.

Текст интересен, впрочем, не только этим, а прежде всего отсутствием насильственной увязки существа дела с демонологией. Дело представляется простым и ясным; в нем фигурирует известная нам Королева фэйри, Повелительница Иного Мира; а главное — фэйри показаны как «раса холмов» (сидов), как это всегда было в восприятии кельтов с незапамятных времен: в архаичных ирландских сказаниях говорится, что древние кельтские боги ушли в холмы от

людей (например, в сказании «Воспитание в Домах Двух Чаш» [45, с. 87—101]).

Согласно традиции, боги языческой Ирландии, не подкрепляемые больше молитвами и приношениями, «умалились в народном воображении, пока в них не осталось росту всего несколько пядей» [15, с. 8]. Тот же Йейтс, однако, пишет, ссылаясь на мнение одной своей респондентки, Старухи из Майо, что «это у нас в глазах есть нечто такое, отчего они кажутся нам то большими, то маленькими» [15, с. 45].

Перевод текста выполнен по изданию: *Minstrelsy of the Scottish Border: consisting of historical and romantic ballads, collected in the Southern counties of Scotland: In 3 Vol. Edinburgh, 1812. Vol. 2.*

...в том, что призывал и заклинал злых духов... — Мы видим, что это стандартное обвинение в данном случае не было принято даже судьями.

...как это бывает с нами в сумерках. — Здесь уместно вспомнить, что У. Б. Йейтс свою книгу, посвященную ирландским фэйри, назвал «Кельтские сумерки», и в этой книге фэйри именуются «дети сумерек».

РАССКАЗ ТОМАСА ПЕННАНТА

Вера в духов все еще существует, чему я имел замечательное подтверждение во время пребывания моего в округе Бредалбан. Бедный духовидец, работавший в своем огороде, вообразил, будто он внезапно был поднят в воздух и перенесен на соседнее пшеничное поле; будто он нашел себя окруженным толпой мужчин и женщин, о многих из которых он знал, что они несколько лет как умерли; они, показалось ему, скользили по верх негнувшихся колосьев пшеницы и роились вместе подобно пчелам, собирающимся к улью; будто говорили они на неизвестном языке и глухими голосами; будто они весьма грубо толкали его туда-сюда, но, когда он произнес имя Божье, все исчезли, кроме одной женщины-фэйри, которая, схватив его за плечо, заставила обещать ей свидание в этот самый час семь дней спустя; будто потом он обнаружил, что все его

волосы завязаны двойными узлами, и он почти что потерял дар речи; будто он сдержал свой уговор с фэйри и увидел вскоре, как она плывет к нему по воздуху; он заговорил с ней; она же сказала ему, что очень сильно спешила, чтобы вовремя встретиться с ним, но велела ему уходить, да не случилось бы ему вреда. И таким дело оставалось, когда я покидал страну.

Но невероятно какой переполох эти сонные видения сделали в соседях: друзья и родичи усопших, которых старый мечтатель называл по именам, пребывали в страшной тревоге от того, что те находятся в мире ином в таком дурном обществе. Почти угасшая вера в старые досужие сказки начала снова обретать почву, и у доброго наместника будет много утомительных бесед и увещеваний, прежде чем он сможет искоренить вздорные идеи, которые воскресила эта праздная история.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Рассказ Томаса Пеннанта», как мы озаглавили этот текст, — извлечение из записок британского путешественника XVIII века Томаса Пеннанта, вошедших в его книгу «Путешествие по Шотландии в 1769 году».

Несмотря на сравнительно позднее происхождение, этот рассказ может служить интересным источником по истории взаимоотношений шотландцев со своими «добрыми соседями». Скепсис и ирония рассказчика, передающего слова шотландского фермера, не мешают поверить в достоверность описанного «приключения». Еще и в начале XIX века многие авторы отмечали, что «в каждой части горной Шотландии наименее просвещенные люди по-прежнему верят в

фэйри... Часто встречаются в этой стране небольшие зеленые холмы, внутри которых те, как полагают, имеют свои жилища. Некоторые старики претендуют на то, что слышали шум от их котлов и сковородок, а другие — самую восхитительную музыку» (Scotland and Scotsmen... Vol. 2. P. 433 — 434).

Перевод текста выполнен по изданию: *Pennant T. A Tour in Scotland, MDCCCLIX. 3rd ed. / Print. by W. Eyres. Warrington, 1774. P. 96—97.*

Бредалбан — крупный округ в прежнем графстве Пертшир (центральная Шотландия), богатый лесными угодьями.

...когда он произнес имя Божье, все исчезли... — С того времени, как кельты-гэлы приняли христианство (для Ирландии, откуда вышли скотты, это V век н. э.), фэйри, или «сиды», в соответствии с ортодоксальной церковной традицией были причислены к демонам. В народном христианстве, однако, вплоть до XX века продолжало существовать неоднозначное отношение к фэйри. Прежде всего, по-разному отвечали на вопрос: кто такие фэйри? Патрик Кеннеди, имея в виду Ирландию, писал: «Всеобщее верование крестьянства состоит в том, что существующие фэйри — это те ангелы, которые, открыто не присоединившись к Сатане в его восстании, не противостали ему. Их будущая участь будет определена в Судный День» [68, р. 142]. Примерно то же писал и Йейтс в своих «Кельтских сумерках», где говорится о «бескровной стране фэйри — стране счастливой, как гласит предание, однако же обреченной растаять, едва лишь трубы возгласят Страшный Суд, подобием яркого, но призрачного миража» [16, с. 59]. В Ирландии фэйри почти никогда не приравнивали к бесам и склонны были считать, что «они такие же люди, как мы, только красивее» [16, с. 36].

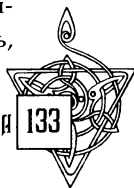
...в таком дурном обществе. — М. Мартин, автор «Описания Западных Островов Шотландии» (1697), отмечал, что его знакомые

порой «слышали по ночам голоса, певшие в воздухе гэльские песни... Один из них походил на голос женщины, которая умерла незадолго до того, и песня сообщала о том, как она живет в другом мире» [51, р. 348]. Текст песни, правда, Мартин не приводит. Можно сказать, что в Шотландии, как и в Ирландии, «этот мир и мир, в который мы попадем после смерти, расположены совсем неподалеку друг от друга» [16, с. 81]. Кроме того, в кельтской традиции, от самых ее истоков, фэйри («сиды») и усопшие («переменившиеся») не вполне ясно различались. Поэтому неудивительно, что в Ином Мире те и другие соседствуют. Что касается выражения «дурное общество», то его следует объяснить тем, что шотландцы, по мнению того же У. Б. Йейтса, утратили расположение своих фэйри, когда под влиянием англосаксов и реформатов сами стали относиться к ним плохо [16, с. 86—89]. Впрочем, далеко не всегда и не везде в Шотландии было так, что видно хотя бы из некоторых историй, собранных в данной книге.

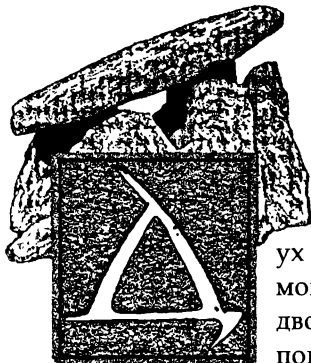
...когда я покидал страну. — Хотя нам неизвестно, чем закончилась эта история, мы знаем, что самым привлекательным сюжетом кельтской литературы всегда был «сюжет о богинях, которые приходят в поисках смертных и уводят в свое вечное блаженство тех, кому они подарили свою любовь» [27, с. 212]. Мы также знаем, что, по общему правилу, «Лианан Ши, то есть любовь фэйри, привязывается к какому-нибудь избранному смертному, который с тех пор потерян для человеческих чувств и становится тем, кого в языческие времена называли бы нимфолептом» [68, р. 81]. Историй такого рода особенно много в древней ирландской литературе; самые замечательные из них, пожалуй, «Приключение Конлы Красного» и «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк» [28].

Греческое слово «нимфолепт» можно перевести как «истощенный, или вылущенный, нимфой». У. Б. Йейтс рассказывает быть,

случившуюся уже в XIX веке с одним ирландским поэтом: когда тот был молод, «он встретил женщину, и она назвала себя Мэйв. Женщина сказала ему, что она „среди них“ королева, и спросила, чего бы он от нее хотел — денег или радости. Он выбрал радость, и она дарила ему сколько-то времени свою любовь, а потом исчезла, и он весь остаток жизни своей прожил в тоске и печали»; информатор Йейтса часто слышал в исполнении того поэта, уже старика, сложенный им по этому поводу плач, но помнил только, что звучали стихи «очень жалостно» и что поэт называл ее «красотой, которой больше нет» [16, с. 49—50]. Интересно, что та женщина назвалась именем легендарной королевы Мэйв (Мейб, Медб), о которой, в частности, рассказывает поэма «Смерть Фраоха» (см. наст. изд.).

ПАЯЧ ЖЭРҮ МАКЛЕОВ

ух мой не склонен к сладостной неге сна; взор мой исполнен слез, не оживлен весельем при дворе, где я привыкла внимать новой приятной повести.

Велика эта тяжесть, что нашла на меня и в жилах моих не оставила бодрости; часто и дробно падают мои слезы. Я потеряла ключ от моей сокровищницы; в общество тех, кто играет музыку, я не пойду.

Погребена под досками сила моя и крепость — сын превосходный МакLeodов с шелковыми знамёнами, кто не скупился на золото, кто был певучею темой рассказов между бродячими бардами и менестрелями Эрина. Может ли кто указать на земле человека — ровню тебе по сладости речи, по красоте кожи, по деятельной отваге, по чести и справедливости, по щедрости без недостачи и бессердечия?

Радость моя пропала; мертв мой МакЛеод — сильный и доблестный, пылкий и мудрый. Отзвывы тех, кто его знал, свидетельствуют, что в рассказе моем нет ни капли незнания: статным и прекрасным вполне был твой облик.

На третий день марта веселье мое покинуло меня навсегда; узреть тебя мертвым — это было стрелой, что пронзила меня, ты царственно благородный образ, ты отважного воина превосходный, наделенный изяществом сын.

Сын Руайрида могучего, горделивого, мудрого, вот что ты полагал достоинствами: обширное наследство, личная красота, сердечность, господство без несправедливости.

В тебе обретались и величие и веселость; правосудье верша, ты разрешал дела не с угрюмостью или гневом, но вежливо, опротно и обоснованно.

Под доски во гроб положили столп мудрости, мужа благосклонного и чтимого, привыкшего пировать и наделять дарами, в ком обреталась слава добрая без изъяна; под камнем могильным во прахе лежит богатство мое.

На подкованном славно, высокоголовом коне, в ножнах неся свой блестящий остроконечный клинок, плотно примкну-тый позади твоих выющихся локонов, желтых, как струны арфы, — ты скреплял дух людей притягательностью твоего вида.

Многие чужестранцы, многие гости и люди песен были готовы расстаться с богатством ради покровительства твоего и знакомства; такова поистине была твоя слава.

Ты бывал успокоением друзей, возвращаясь домой, когда люди допьяна напивались без раздора и ссоры; и любил ты иметь при себе рассказчиков редкостной и приятной повести.

Часто приходили друзья к твоей славной крепости, что была весела и приветлива, празднична и величава, без мятежа или дерзости; неимущему в ней не бывало отказано в должном.

Ты из рода Ольгара, великого в доблести на морях, Ольгара парусов остроконечных, иссиня-серых рогов для питья, мелодий органа, суровых в нужде героев.

Наполовину ты родом из племени Коллы — Коллы тяжких даней и блестящих серебряных кубков, из области Коннахта; многочисленны были белопарусные твои корабли.

Много питомцев рывает и много женщин бьет свои руки в день твоих похорон; нет причин веселиться друзьям твоим, видя, что ты запечатан под крышкою гроба. Скорбь моя, смерть ограбила нас.

Дочь Сира Шеймаса щедрого, супруга юная, чистая, отдала милому свою первую любовь; у нее было много причин быть радостной, когда смотрела она в лицо своему мужу.

Неукротима эта буря, что недавно грянула, разодрав наши паруса, разломав наш руль и наш добрый компас, нашу мачту и опору, — прекрасное дружество, что было с нами в твоём счастливом замке.

Много тоскуем мы по тому, чего алчем, по тому, что сокрыто внутри могилы; по сокровищу нашему и торжеству, о чем мы заботились, чем хвалились, о беспечальной отраде нашей. Что я сама получила — об этом буду я помнить долго.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Плач Мэри МакЛеод» — произведение известной гэльской женщины-поэта XVII века, наследницы древних бардических традиций,

уходящих своими корнями в эпоху до н. э. Еще Диодор Сицилийский писал про кельтов: «Есть среди них и поэты, слагатели песен, которых они называют «бардами». Исполняя песни в сопровождении инструмента, схожего с лирой, одних они воспевают, других порицают» [10, с. 99—100].

Данный текст, подстрочный прозаический перевод которого мы предлагаем, позволяет воссоздать характерный и традиционный образ «гэльского принца», а наряду с этим понять многое в Кельтской Душе, ценности и приоритеты которой здесь «прочитываются».

Можно предположить с большой долей уверенности, что перед нами — «плач» любящей женщины, а не дежурная песнь барда, хотя к моменту ее написания Мэри было около ста лет.

Процитируем старый русский журнал «Сын Отечества» за 1832 год: «Героический век Севера, имевший женщин-воинов, или амазонок, имел и женщин-поэтов, коих песнопения нередко дышали всем пылом души воинственной и прославляли подвиги героев-победителей; иногда же воспевали пророчественные таинства религии» [38, с. 337—338].

Перевод выполнен по изданию: *Gaelic songs of Mary MacLeod / Ed. by J. C. Watson // Scottish Gaelic texts. Edinburgh, 1965. Vol. 9.*

Мэри МакЛеод — полное ее имя Майри Нигеан Аластайр Руайд; фамильный бард клана МакЛеодов, владевших значительной частью территории горной Шотландии и Западных Островов, в частности, островом Гаррис, откуда была родом она сама. Даты ее рождения и смерти спорные; умерла она в самом начале XVIII века, прожив больше ста лет.

Клан МакЛеодов, к которому принадлежала Мэри, был могущественным и древним шотландским кланом: по мужской линии он восходил к кельтам-скоттам, а по женской — к норманнам. «Клановая система была базисом жизни горцев. Гэльское слово «клан» означает

«дети»; его члены признавали свое родство по общему предку, имя которого они носили; будучи даже бедными, все члены клана считали себя более знатными по рождению, чем любого южанина» [63, р. 446].

Положение главы клана было в Средние века тождественно положению короля области в древней Ирландии. Поэтому неудивительно, что у каждого мало-мальски значительного вождя Шотландии и Островов был свой «двор», при котором обязательно находилось место барду и менестрелю.

Женщина-бард — явление не исключительное, а вполне традиционное для кельтских земель: «в кельтском обществе женщинам всегда было отведено вполне почетное место, и в лучших фрагментах ирландских и валлийских циклов легенд, где привкус язычества наиболее аутентичен, обычным персонажем является поэтесса или друидесса» [27, с. 90].

Для женской поэзии у гэлов существовал приоритетный жанр под названием «коронах», то есть «плач с похвалой покойному». Такой «плач» читался нараспев во время похоронной процессии и сразу после похорон [84, II, р. 430—431].

Дж. Макферсон писал: «Не удостоиться погребального пения над могилой считалось в те времена самым большим несчастьем, какое может выпасть на долю человека, потому что в этом случае душе его не было доступа в воздушный чертог его праотцев» [29, с. 185]. Макферсон подразумевал времена более отдаленные, однако гэлы никогда не расставались с язычеством окончательно.

...привыкла внимать новой приятной повести. — Традиционные «повести» в исполнении поэтов и сказителей-знатоков старины составляли важнейший элемент жизни кельтской знати в Ирландии, Шотландии и Уэльсе. Искусство поэтов и сказителей, столь востребованное при всяком кельтском дворе, заключалось в заучивании наизусть сотен

повестей, «дабы исполнять их потом надлежащим образом перед королями и иными благородными людьми» [46, с. 16—17]. См. также примечание к «Макмиллану Арфисту» в наст. изд.

...сын превосходный МакЛеодов... — Сир Тормод (Норман) МакЛеод с острова Бернера, где он имел свою резиденцию; сын Руайрида (Родерика) Мора, тогдашнего главы клана МакЛеодов. И сын и отец играли важную роль не только в делах своего клана, но и в общебританских событиях: они активно участвовали в движении «якобитов» и способствовали реставрации в Англии королевской власти. За это, в частности, они и были пожалованы новым королем Карлом II в рыцари.

Эрин — Ирландия, «земля Эриу». Эриу была богиней из Племени Богини Дану; одно из своих древних имен Ирландия получила в ее честь [45, с. 54].

То, что Тормод МакЛеод был «певучею темой рассказов» в Ирландии, свидетельствует о постоянстве связей между землями гэльской «ойкумены».

...прекрасным вполне был твой облик. — «Плач Мэри МакЛеод» во многих местах перекликается с текстом «Смерти Фраоха» (см. наст. изд.), который по жанру также можно отнести к «плачу». Важно, что оба текста подчеркивают одни и те же добродетели и красоты в оплакиваемом «гэльском принце», будь то Фраох, будь то Сир Тормод.

Уже из более древней ирландской традиции хорошо известно, как много внимания уделялось у кельтов красоте королей и героев. Что касается королей, то любой физический изъян лишал их права на королевство [28, с. 228—234]. В ирландских сказаниях «хороший» король всегда описывается как красавец. При этом достоинства королей и героев древней Ирландии — в основном, те же, что находила Мэри МакЛеод в своем покровителе. Так, в сказании «Сватовство к Эмер» мы читаем, что женщины любили Кухулина «за превосходство ума его, за

сладость речи, за красоту лица, за прелесть взора его»; главным его даром был дар мудрости, и вообще «он был слишком прекрасен» [14, с. 587]. Пылкость же Кухулина была такова, что ее приходилось остужать в трех чанах ледяной воды. Щедрость и великодушие этого древнего героя также не умерялись ничем и послужили в конце концов к его гибели.

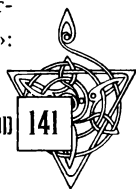
Можно сделать вывод, что у Мэри МакЛеод «гэльский принц» обладает устойчивым набором красот и добродетелей, и сам образ этого «принца» во многом — архетипически кельтский. Понятно, что доказать это можно не только сказаниями о Кухулине, не только ирландскими сказаниями в целом; но здесь мы ограничимся этим примером.

На третий день марта... — Тормод МакЛеод умер 3 марта 1705 года. Вскоре после этого Мэри написала свой «Плач».

Сын Руайрида могучего... — Тормод МакЛеод был сыном Руайрида (Родерика) Мора (см. примечание выше).

...под камнем... богатство мое. — На многих могилах в горной Шотландии ставили камни, украшенные резными изображениями, символизирующими нрав и обычай покойного. «Так, лев или меч с двух рукоятях обозначал доблесть, слон — мудрость, дракон — ярость и неумолимого врага; охотника достаточно характеризовали псы и олень. Эти фигуры, в сочетании с поэтическими сказаниями их бардов и знатоков старины, весьма много значили для поддержания памяти о них» [84, II, p. 427].

...не бывало отказано в должном. — Ко всем достоинствам Сира Тормода можно подобрать неограниченное количество параллелей из древней и не слишком древней кельтской традиции. Что касается самой известной и самой «обязательной» добродетели горных шотландцев — гостеприимства, — приведем парадоксальный пример, заимствованный у Дж. Макферсона из его примечаний к «Поэмам Оссиана»:

«Ни один народ в мире не простирал своего гостеприимства так далеко, как древние шотландцы. Многие века считалось позором для высокопоставленного человека держать всегда на запоре дверь своего дома, дабы, как выражаются барды, чужеземец не вошел и не увидел его скрюченную душу... Поныне сохраняется предание о такого рода гостеприимстве, которым отличался один из первых графов Аргайл. Этот вельможа, услышав, что некий именитый ирландец намерен посетить его в сопровождении многочисленной свиты друзей и вассалов, сжег Дунору, свой родовой замок, полагая, что он слишком мал для гостей, и принимал ирландцев в палатках, раскинутых на берегу. Сколь бы сумасбродным ни показалось такое поведение в наши дни, оно вызвало восхищение и рукоплескания в те гостеприимные времена, и благодаря ему граф стяжал немалую славу в песнопениях бардов» [29, с. 170—171]. Добавим, что с древнейших времен кельтских вельмож и королей больше занимало то, какое место они займут в песнопениях бардов, нежели то, какое они занимают в эмпирической действительности.

Ты из рода Ольгара... — Ольгар (или Ойлмер) был одним из легендарных предков и основателей клана МакЛеодов.

...из племени Коллы... — Три брата по имени Колла из королевства на западе Ирландии — Коннахта — в IV веке н. э. переселились со всем своим кланом на север страны, в королевство Ульстер, откуда, как известно, скотты заселяли Шотландию и Западные Острова. Один из братьев Колла — Колла Уайс — считался родоначальником известного шотландского клана МакДональдов, к которому принадлежала мать оплакиваемого Тормода МакЛеода.

Коннахт — см. примечания к «Смерти Фраоха» в наст. изд.

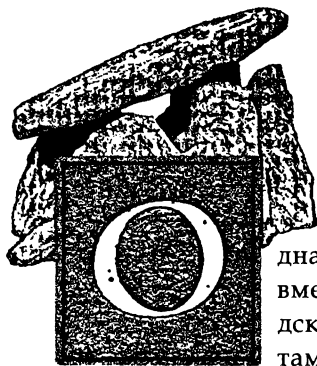
...много женщин бьет свои руки... — Распространенный у кельтов-гэлов жест скорби и отчаянья. Ср. в ирландском сказании «Смерть

Муйрхертах, сына Эрк»: Дуайбсех, жена погибшего короля, «ударила в свои ладони... и порыв запекшейся крови вырвался из сердца в ее груди» [28, с. 194].

Дочь Сира Шеймаса щедрого... — Катрин, дочь Шеймаса МакДональда с острова Скай, главы своего клана в то время. Катрин вышла замуж за Тормода МакЛеода в 1666 году. Округ Слит на острове Скай, откуда происходила Катрин, славился красотой своих женщин [57, р. 280].

ПРИНЦЕССА ТИИРА ИЗ УЛЬСТЕРА И ЕЕ ЛЮБОВНИКИ

днажды король Дании отправил своего сына вместе с шестью другими юношами к шотландскому двору. Они высадились в Каитнесе и там, приехав главным образом для развлечения, стали высматривать оленей и другую дичь и выспрашивать, где ее можно найти. Им сказали, что все зверье для охоты поредело с тех пор, как в этих краях стало больше людей, но в соседних частях страны, особенно в Россшире, его по-прежнему много, и, если они отправятся туда, будет им обильная ловитва. Они поехали и, покуда оставались там, жили в доме семьи МакКензи, около озера Лох Мари.

И вот однажды, преследуя по холмам оленя, юный королевич отделился от своих спутников, каждый из которых в целости добрался до дома. Когда дом уже виднелся, он, будучи усталым, сел на обочине дороги и заснул. Он пробудился от

звука голосов и увидел двух человек, один из которых был молод, а другой стар: они шли к нему по дороге, а между ними была молодая женщина. Он поднялся и, когда они подошли поближе, понял, что никогда не видел женщины более прекрасной.

Он встал перед ними и заговорил. Старик ответил: «Ты поступаешь дурно, задерживая нас на нашем пути». — «Мне кажется, — сказал королевич, — я не делаю ничего неприличного и не сказал дурного слова». Старик сделался сердит и, называя его грубыми именами, сказал, что он плохо воспитан. «Это не тот язык, к которому я привык, — ответил королевич, — в моих жилах течет кровь датских королей, и мне захотелось положить твою голову вровень с башмаками за дурные слова, которых я не заслужил».

Когда старик услышал это, он испугался и стал извиняться за горячность нрава, которую показал, однако добавил, что находится под клятвой защищать девушку от всякого посягательства, — «вот причина, почему она с нами, по церковному обету и по велению ее отца». И он сказал, что они прибыли на берег из монастыря на острове озера Лох Мари и собирались до сумерек вернуться. «Я очень хотел бы знать, кто эта девушка, которой ты удружаешь», — сказал королевич. «Имя девицы, — ответил старик, — принцесса Тайра из Ульстерского Дома в Ирландии; а теперь дай нам пройти». При расставании королевич сказал девушке: «Как была это наша первая встреча, так, я боюсь, и наша последняя, — прощай!» — «Я так не скажу», — ответила она.

Он пошел домой, но спустя несколько дней вернулся на прежнее место, надеясь увидеть то же общество, однако никто

не приехал в тот день с острова на берег. Когда он пошел в следующий раз, то прождал тщетно два дня, а в третий раз — три дня, и возвратился домой обычным путем, расстроенный своей неудачей. Тогда он решил добраться до острова, буде найдется способ переправиться туда. Ему сказали, что у человека на другом берегу озера есть лодка; он пошел к нему и нанял его, чтобы тот поехал с ним.

Высаживая его, человек указал ему дорогу к монастырю и поведал, что он придет к источнику, который не должен миновать, не испив из него воды; что источник славится своей целебностью в любой болезни, которой подвержен человек, и особенно целителен для тех, кто потерял свой рассудок. «А рядом с источником, — сказал человек, — есть дерево с дуплом на боку, и никто не проходит мимо, не положив туда что-нибудь более или менее ценное».

Юноша пошел берегом в небрежье о дереве и об источнике, дошел до монастыря и постучался в первую же дверь. На вопрос, что его привело и зачем он пришел, он ответил, что пришел повидать ирландскую принцессу. Ему сказали, что это невозможно. Тогда он спросил, нет ли там кого-нибудь, во власти которого выслушать его просьбу. Ему сказали, что это старейший по чину в монастыре. Тот же, когда пришел, ответил: «Нет! Ты не можешь видеть принцессу». Тогда юноша рассказал, кто он такой, и спросил: «Если я хочу ее себе в жены и она согласна, можешь ли ты помешать соединению?» — «Мы предоставим дело ее собственной воле», — ответил старик.

Она охотно пришла, и королевич провел тот день на острове. Прежде чем он ушел, она сказала: «У меня есть сомнение в этом деле». — «Что же это?» — спросил он. «То, что

я никогда не видела тебя прежде, кроме одного раза, равно как и ты не видел меня, а если любовь приходит быстро, она может так же быстро уйти». — «Ты знаешь это по себе?» — спросил он. «Нет», — ответила она.

Он велел ей посмотреть на вечернюю звезду, которая была видна на юго-западе, и сказал: «Искренне, как эта звезда светит на тот холм, я люблю тебя». — «Есть у меня другое сомнение», — ответила она. «У тебя их очень много», — сказал он.

Она опасалась, что Красный Эйхан Холмов, как его прозвали оттого, что он был среди холмов и днем и ночью, будет ему опасным противником, если повстречается на дороге.

Он возвратился с острова, высадился и, имея, как он думал, причину быть довольным, пошел радостный и с легким сердцем, насвистывая по дороге. Он не прошел далеко, когда близ его лица пролетела стрела; следующая вонзилась в его шапку. Он остановился, оглядываясь, и увидел большого человека, стоявшего рядом с валуном, что был впереди на обочине дороги. «Кто ты, раз уж ты собрался сделать из меня мишень?» — спросил королевич. «Ты никогда не слышал о Красном Эйхане Холмов? — ответил тот. — Если не слышал, теперь ты видишь его и испытаешь его искусство. Между нами есть один вопрос, который никогда не разрешить иначе, как единственным образом: либо ты убьешь меня, либо я убью тебя».

Они взялись за мечи — тот и другой; пролилась кровь. Затем королевич спросил, нет ли другого решения дела, кроме кровопролития. «Не говори попусту; либо ты убьешь меня, либо я убью тебя, другого пути нет!» — сказал тот и ударил

королевича мечом в бок, тяжело ранив его. Юноша упал, а враг его убежал.

Королевич держал руку на ране, но стоило ему шевельнуться, как лилась кровь из нее, и так он проводил ночь, пока язык не распух у него во рту. Среди мучений слышал он звук родника в овраге, ниже того места, где он лежал. Раненый попытался двинуться к воде, но не смог, хотя прилагал все усилия. Наконец он решил, что лучше истечь кровью до смерти, чем умереть от жажды, и, волочась вперед, он добрался до воды, но, прежде чем успел испить ее, лишился чувств и пролежал рядом с родником до следующего дня. Потом добрые люди, что пристали к берегу на лодке, услышали его стоны, признали его и взяли обратно на остров, где он пробыл, беспмятный, много недель, покада принцесса и его собственные люди, которых перевезли на остров, ухаживали за ним.

Когда он очнулся и узнал, что постоянная забота девушки и ее бдения помогли вернуть его к жизни, он выразил много благодарности. «Когда ты встанешь на ноги и выздоровеешь, — сказала она, — будет время благодарить меня». Он изо дня в день рассказывал ей, как увезет ее в Данию.

Потом однажды показался корабль, с которого послали к берегу лодку, чтобы забрать девушку, чей отец лежал при смерти. «Ты вернешься?» — спросил он. — И ты не забудешь меня среди твоего народа?» — «Я вернусь, — ответила она. — Ничто, кроме смерти, не помешает мне вернуться».

Она уехала, и много дней о ней ничего не было слышно. В нетерпении королевич день за днем посылал людей на вершины самых высоких холмов высматривать корабль. Нако-

нец они увидели три идущих корабля, и на мачте первого был королевский флаг Ирландии.

Однажды, незадолго перед тем как девушка покинула остров, королевич встретил на берегу старика, который преградил ему путь. Его люди велели наглецу держаться другой стороны дороги, но тот отказался отойти, и тогда королевич спросил, что у него за дело. «Не разговаривай так грубо, — сказал старик, — я пришел к тебе, нуждаясь в приюте, чтобы спросить: не возьмешь ли ты меня к себе на службу, покуда ты здесь?» — «Нынче вся моя ноша на других, — сказал королевич, — и старый человек с посохом в руке вроде тебя не многое может сделать, чтобы помочь мне. Есть у тебя дом?» — «Был до вчерашнего дня; сегодня у меня нет ничего. У меня были дом, жена, сын, земля, скот, а вчера всю мою скотину, кроме одной заплутавшей овцы, украли, и сын мой пошел на поиски, упал со скалы и разбился. Когда его мать услышала, что с ним случилось, она пошла туда и, видя своего сына мертвым, бросилась в море и утонула, а я остался один. Если ты возьмешь меня с собой, я сослужу тебе в холмах больше службы, чем может тот, кто моложе меня». Старик сказал, что его имя Дугалл МакКойних. Королевич позволил ему быть с ними, покуда они остаются на острове.

Когда корабли показались, королевич пошел на самый высокий из холмов, взяв с собой среди прочих старика, который по дороге сказал: «Постой, я расскажу тебе мой сон». — «Мне не до снов», — ответил королевич. «Разве ты не будешь слушать, если я видел один и тот же сон три ночи подряд; и он был о том, что она умерла». — «Мы жаждем получить радостные вести, а ты вместо этого несешь нам вести

скорби». Старик тогда сказал: «Я отправлюсь на корабль и подам знак: если все хорошо, — ты увидишь красный флаг, а если тебя ждет скорбь, — черный». Он отплыл, и, когда добрался, принцесса спросила его, все ли хорошо. Тот ответил утвердительно, и она сказала: «Королевич с нетерпением ждет вестей». Тогда старик убедил девушку — против ее воли и совета спутников — поднять флаг смерти, говоря, что радость видеть ее живой вознаградит любовника за обман.

Когда черный флаг увидели с берега, королевич сказал, что не может больше жить, взял свой меч и убил себя. Когда же принцесса достигла берега, встречавшие рассказали ей, как королевич, веря, что она мертва, покончил с собой. Она спросила, где он лежит, и сказала, что никакая видимая и невидимая сила не может помешать ей проститься с ним; она пойдет одна и не причинит себе вреда. Когда она пришла туда, где лежало тело королевича, то заметила, что кто-то следовал за ней, и, повернувшись, увидела, что этот наглец был старик.

«Скверный Дугалл, что за злой совет ты мне дал!» — «Я не Дугалл, — сказал тот. — Я — Красный Эйхан Холмов, а это моя месть!» — и он убил ее своим ножом. Потом он исчез, и с тех пор его не видели в стране и не слышали о нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это сказание — из коллекции известного собирателя устной гэльской традиции Джона Грегорсона Кэмпбелла с острова Тайри. Кэмпбеллы, стоит заметить, были членами древнего и знатного гэльского клана, владевшего землями в графстве Аргайлшир, западная Шотландия. В XIX—XX веках из этого клана вышло немало блестящих

ученых и знатоков старины: среди них Кэмпбелл с острова Айлей, Кэмпбелл с острова Тайри, Кэмпбелл — автор «Тысячеликого героя», и некоторые другие.

Данное сказание архаично не по языку (оно записано в конце XIX века), но по своей исторической основе: судя по всему, описываемые события относятся к раннему средневековью. Северная Шотландия была землей, где пересекались «сферы влияния» двух культур: с запада — ирландской, гэльской, а с востока — скандинавской, норманнской. История любви датского принца и ирландской принцессы на шотландской земле в чем-то символична. Символична и фигура Красного Эйхана Холмов — зловещего ревнителя «гэльского начала» в образовавшемся «треугольнике».

Перевод выполнен по изданию: *Waifs and Strays of Celtic tradition, Argyllshire series. N° V. Clan traditions and popular tales of the Western Highlands and Islands, collected from oral sources by the Rev. John Gregorson Campbell. London, 1895.*

...король Дании отравил своего сына... к шотландскому двору. — Точно определить, к какому времени относятся события, нельзя, однако наиболее вероятный промежуток времени — с X по XIV век.

Каитнесс — графство на крайнем севере Шотландии. См. примечание к сказанию «Смерть Дуффа, короля Шотландии».

...будет им обильная ловитва. — Веками охота «была любимым развлечением горцев Шотландии из всякого сословия, и страна их в самом деле изобиловала раньше оленями и дикой птицей... Знатные горские фамилии, как лорды, так и вожди кланов, затевали по особо торжественным случаям то, что они звали выездами на охоту, куда приглашались их друзья и соседи, а вассалы и зависимые люди были обязаны участвовать в качестве свиты и сопровождения в лучшем своем

снаряжении и с лучшим оружием... Все оружие, одежды и охотничье снаряжение после возвращения с охоты отдавали, согласно обычаю, леснику» [84, II, р. 403 — 404].

МакКензи — один из могущественных кланов западной части горной Шотландии. По своему происхождению, это выходцы из Ирландии, а именно из рода Фицджеральдов, владевших ирландскими графствами Килдар и Десмонд. Про МакКензи существует следующая показательная история. Один из МакКензи в XV веке женился на дочери Владетеля Островов, вассалами которого считались МакКензи. Молодая, однако, была одноглазая. И вот однажды, обидевшись на кого-то из клана жены, МакКензи отослал ее обратно верхом на одноглазой лошади, которую вел одноглазый конюх в сопровождении одноглазой собаки [93, р. XXI]. МакКензи владели землями в Россшире, — в частности, у озера Лох Мари, в Гайрлохе.

Лох Мари — озеро на западе графства Россшир в горной Шотландии. Оно имеет в длину около 18 миль и на нем расположено 24 островка. Глубина озера препятствует замерзанию воды. Само озеро, его островки и окрестности с незапамятных времен были посвящены божеству по имени «Морри», или «Моури», что значит «Великий Король». Отсюда и название озера. Те или иные ритуалы, связанные с поклонением Морри (под именем «Святого Моури», как это было со многими «старыми богами» кельтов), продолжались здесь вплоть до XX века. Например, в XVII веке, судя по записям пресвитерии, совершались «жертвоприношения на озере Лох-Моури и идолопоклонство, а также жертвенное окропление молоком холмов»; причем в ритуалах принимали участие странники и чужестранцы [43, с. 195].

...принцесса Тайра из Ульстерского Дома в Ирландии... — Ульстером, а еще раньше Уладом, называлось королевство на севере Ирландии, одно из пяти исторических королевств страны. Мы знаем, что

именно с территории Ульстера в свое время происходило заселение Шотландии скоттами.

Принцессу Тайру из Ульстерского Дома исторически идентифицировать нельзя.

...источник славится своей целебностью... — Этот источник на острове посреди озера Лох Мари был известен далеко за пределами округи и действительно обладал целебными свойствами; считалось, что он исцеляет безумных. Томас Пеннант, путешественник, посетил озеро Лох Мари в 1774 году и наблюдал за тамошними ритуалами. Одного душевнобольного, сообщает он, привезли на остров и поставили на колени перед алтарем, на который сопровождавшие положили деньги. Затем его отвели к источнику и напоили целебной водой. После того как такие больные испили из источника, их обычно обводили вокруг острова. Однако в 1830 году святилище было осквернено человеком, пытавшимся излечить там свою бешеную собаку. На некоторое время к источнику перестали приходить [43, с. 197].

...дерево с дуплом на боку... — Рядом с источником находился священный дуб Морри, утыканный гвоздями с привязанными к ним лентами. На дереве было также множество пуговиц и пряжек. Таким его видели еще в начале XIX века. Путешественник писал, что любой прохожий оставляет здесь какое-нибудь приношение: камень, палку или тряпку [43, с. 195—197]. Как источник, так и дерево на острове связывались местными жителями со «святым Морри», или Мелрубой, которого официальная церковь не признавала.

Красный Эйхан Холмов — персонаж, известный и по другим сказаниям, происходящим из Россшира. Это разбойник-чародей, способный менять свой облик и в чем-то родственник Уриску из Ущелья Завываний и Ткачу с Желтыми Ногами (см. в наст. изд.). Когда он вторично является датскому принцу в облике старика и называет себя

именем «Дугалл МакКойних», т. е. МакКензи, он начинает играть роль губителя влюбленной пары. Мы не знаем, что у него было с принцессой Тайрой, но, видимо, что-то было, — это явствует из подтекста сказания. В качестве губителя Красный Эйхан Холмов использует прием, схожий с приемом Энгуса из ирландского сказания о Байле и Айлин: тот доводит до смерти одного из любовников ложным известием о гибели второго; в итоге же от разрыва сердца умирают оба — и Байле, и Айлин [14]. Эйхан может быть назван ревнителем «гэльского начала» и мстителем за измену этому началу со стороны ирландской принцессы, влюбившейся в чужака-дана. Эйхан в какой-то степени — и дух-хранитель своей земли: недаром он и днем и ночью не расстается с холмами.

УРІСК ИЗ УЩЕЛЪЯ ЗАВЫВАНІИ

лучилось некогда, что король из Крепости
Атайлэм отправился на охоту в Долину-
Ланей-и-Косуль, и его жилище было
*Под льняным покрывалом, лежащим
Поверх березовой ветви,
В виду шелковых флагов на мачтах его кораблей.*

И случилось в один из дней, когда они были на охоте, что сын короля, Таламсан Золотоволосый, отбился от остальных, когда его сопровождали только два молодца и его собака, Луран. И покуда они отыскивали дорогу, застал их вечер. И случилось, что дорога домой вела их через Ущелье Завываний, и когда они проходили хижину Старухи-с-Подножья-Горы, она вышла и сказала им: «Поворачивайте назад, дети, — Ущелье впереди вас нечисто».

«Никто, кроме труса, не поворачивает назад, Скрюченная Карга, — сказал Таламсан, — что за дело Таламсану, сыну короля из Крепости Атайлэм, до тебя самой и до всех в Ущелье!»

«Высоко твое место, юный герой, но тот худший из людей, кто не принимает совета», — сказала Старуха.

Храбрецы шли через Ущелье Завываний до тех пор, пока не пришли к Лошине Насыпей, и там они узрели прелестнейшую деву, которую когда-либо видели очи.

*Ее чарующий голубой взор был подобен капле меда
На верхушке садового деревца.
Как перья лебедя или пух камыша,
Был цвет ее блистающей груди.*

В ее правой руке был ивовый прут, а левую руку она держала за спиной. Пес завертелся перед Таламсаном, потом остановился и начал лаять на нее.

«Уйми свою собаку, Таламсан; собаки принцев обычно держатся на привязи, пока охота не началась», — сказала она. «Луран, лежать! — сказал Таламсан. «Твой Луран на горе тебе этой ночью», — сказала девушка, которая больше не была девушкой, а была воющей, злобной, мстительной ведьмой. Ивовый прут в ее руке стал волшебной дубинкой, и пламенеющая змея в чешуе лежала, свернувшись, на ее груди.

*Ее кожа была, как шкура
Седого оленя могильников,
Которую держат меж кузнцом и горном.
Она могла бы раздавить орех
Между носом своим и подбородком.*

Как только она услышала имя пса, она призвала его к себе, и он не подал больше помощи своему хозяину, а вот что он сделал: он напал на него вместе с Уриском.

Ибо это была Уриск из Ущелья Завываний, хоть и прекрасной она явилась им на первый взгляд, каким они посмотрели на нее. Когда молодцы увидели, что случилось, они побежали домой с горестной вестью, что Уриск из Ущелья Завываний убила Таламсана, сына короля.

Наутро король, сопровождаемый всякими людьми на протяжении нескольких миль за ним, отправился на поиски своего сына. Они нашли собаку — Лурана — мертвой и без клочка шерсти на ней. Но они не нашли ни королевского сына, ни Уриск, — только свежую насыпь в Лошине Насыпей.

Король возвратился домой опечаленный, скорбный. Из детей он имел лишь Таламсана и дочь, темноволосую Каолмалу; и Каолмала поклялась, что никогда не выйдет замуж ни за кого, кроме человека, который убьет Уриск из Ущелья Завываний.

Брэк Глун, сын Торкуйла, короля Дунада в Ирландии, услышал о клятве, которую дала темноволосая Каолмала. Это был Брэк Глун семи битв и семи побед, и семь героев обычно сражалось на каждой его руке.

В один из дней он высадился за Проливом Лодок и вечером поднялся на крутой холм. И так как он собирался встретиться лишь со Старухой, он не подумал тогда, что стоит брать с собой своих воинов, однако он взял Эсгадаха Быстрого,

*Который догнал бы быстрый мартовский ветер,
Но быстрый мартовский ветер не догнал бы его.*

Когда они проходили мимо холмистого пастбища с лакугой Старухи-с-Подножья-Горы, Старуха вышла и сказала: «Поворачивайте назад, дети, — Ушелье впереди вас нечисто». — «Иди своей дорогой, Скрюченная Карга, — сказал Брэк Глун, — никто, кроме труса, не поворачивает назад. Что за дело Брэк Глуно, сыну Торкуйла, короля Дунада о пяти теремах на севере Ирландии, до тебя самой и до всех в Ушелье!»

«Высоко твое место, юный герой, но тот худший из людей, кто не принимает совета», — сказала Старуха.

Когда Брэк Глун углубился в Ушелье Завываний, он узрел прекраснейшую деву, которую когда-либо видело око, —

Превыше всякой девушки красую облика,

Превосходнее всех женщин Эрина.

В ее правой руке был ивовый прут, и она спросила: «Откуда ты родом и куда направляешь путь? Что заставляет тебя блуждать и странствовать?»

«Я, — ответил он, — Брэк Глун, сын Торкуйла, короля Дунада о пяти теремах на севере Ирландии, и я иду в Ушелье Завываний, чтобы убить Уrisk из Лошины Насыпей по просьбе темноволосой Каолмалы, дочери короля из Крепости Атайлэм».

Дева спросила: «Любовь к девушке или ненависть к Уrisk — что привело Брэк Глуна из Эрина? Будь это ненависть к Уrisk, — его клинок согнется о ее грудь; будь это любовь к девушке, — скользко держать угря за хвост. В Крепости Атайлэм сегодня ночью восемь князей да витязей.

Скользок порог у дверей Крепости,

Еще более скользка любовь для мертвого.

Я дочь короля Гарб Слега из Замка Роскоши, и знатные моего отца задают этой ночью роскошный пир. Пошли твоего молодца, чтобы пригласил твоих воинов, и пусть все твои люди придут в Замок Роскоши; ты обретешь такое празднество, какого никогда не имел на земле Эрина».

«Иди, Эсгадах, — сказал Брэк Глун, шепча тому на ухо, — поторопи сюда бойцов, но пусть они будут при оружии».

Прочь пошел Эсгадах, но, прежде чем он отошел, Дева переменяла свой облик, и Брэк Глун понял, что имеет дело с Уриск. Ее ивовый прут стал волшебной дубинкой, и Брэк Глун ударил своим копьем,

*Которое билось о дубинку Уриск,
Созывая эхо с обрывов скал.*

Но когда Эсгадах и воины возвратились, они не нашли ни королевского сына, ни Девы, ни Уриск, — никого, только свежую насыпь в Лошине Насыпей.

*Но вот что случилось в один прекрасный день,
Когда желтые хохлатые птицы спели
Свою нежную песнь-перелив, —*

случилось, что явился юный Феархар-охотник со своими собаками на привязи. Когда он ввечеру проходил при пастбище хижину Старухи-с-Подножья-Горы, она вышла и сказала: «Поворачивайте назад, дети, — Ущелье впереди вас нечисто».

«Никто еще не поворачивал назад, когда он не сдался, любезная Матушка-пастушка, — сказал Феархар. — Не прой-дешь ли ты со мною семь шагов? Дай мне твое благословение и отошли меня прочь, и я буду спать этой ночью под сенью Вяза в Долине-Ланей-и-Косуль с тремя моими красноволосыми молодцами и двумя моими пылкими псами,

*Да с маленькой моей жесткошерстной сукой
с острым клыком,
Что добудет крови оленьей на каждый укус».*

Старуха отвечала:

*Феархар бросил тоскующий взгляд
На девушку с мягчайшими глазками?*

«Не искатель я ни девушки, ни славы, — сказал Феархар. — Я направляюсь к Скале Дичины и охочусь, чтобы добыть козла, барсука и оленя прежде, чем солнце взойдет наутро».

Тогда сказала Матушка-пастушка: «Я пройду с тобою семь шагов и дам тебе семь благословений,

*Феархар, сын Арта и сын Айлин,
Дочери короля Мананна в Океане,
Ты, что пришел через волны с Инис Орк,
Сын отца, никогда не взимавшего дань
Даже с врага без милости.*

Вот тебе мой прямой посох о трех ветвях из нетленного яблоневого дерева, которое посадил монах и которое он срезал с южной стороны стены, огораживающей церковь, и которое он благословил три раза. О него согнется бронзовый клинок, коли придется его удар на удар дурного человека. Сними подвязку с твоей левой ноги и повяжи ее на время вокруг шеи суки; возьми по капле крови из правого уха каждого из двух псов и не зови никого из них по имени с того часа, когда садится солнце и покуда птицы не попробуют воды на следующий день; да будет с тобой мое благословение, и уходи».

Феархар пошел прочь со своими молодцами и псами, и певец ночи спел ему свою песнь. Когда он достиг Лошины Насыпей, там его встретила дева, и прекрасен был ее облик:

*Ее гладкая полная грудь
Была, как чистейший снег на земле.
Сосцы ее были, как бутоны шиповника
Под теплым кровом тенистой рощи.*

В ее правой руке был ивовый прут, и собаки принялись лаять на нее. «Уйми своих псов, герой», — сказала она.

«Я не стану ни натравливать, ни унимать их», — сказал Феархар.

Каждая шерстинка на телах собак вздыбилась и стояла, как щетина у кабана. Девушка приняла злобный вид и преобразила себя в Уrisk, столь же ужасную и даже еще ужаснее, чем она являлась и Таламсану и Брэк Глуну.

«Если ты не уймешь своих псов, я их уйму», — сказала она, набросившись на одного из них с дубинкой.

Феархар метнул свое копье, и побоище началось. Если и не было раньше воя в Ущелье Завываний, то был он в изобилии той ночью между собаками и Уrisk.

*На каждом прыжке, что делал Бруйд,
Он возвращался с кровью на пасти.
При каждой ране, что наносила Оса,
Уrisk издавала вопль о двух воплях.*

Пламенеющая змея в чешуе спрыгнула с груди Уrisk и напала на Феархара. Но он ударил ее посохом Матушки-папушки, и она свернулась кольцом, а затем распухла и взорвалась —

*С эхом таким, что нагнало дрожь
На каждую тварь в Долине.*

Затем она обратилась в огненное пламя, которое охватило огнем вместе с нею Уrisk, и в мгновение ока Феархару ничего не осталось, кроме маленькой кучки золы.

Он пошел под сень березы, и напал на него сон, ибо он устал, а на рассвете он был разбужен Брионом, который лизал ему лоб. Тогда запели

Желтые хохлатые птицы

Свою нежную песнь-перелив,

а когда Феархар посмотрел вокруг себя, он увидел, что в Лошине Насыпей были повсюду груды странных камней. Он ударил посохом из яблоневого дерева по одной такой гряде, и она превратилась в человека, а Феархар побежал. «Не убегай с яблоневым древом благодати, Феархар, — сказал человек, — ты еще нужен в Лошине Насыпей».

Феархар возвратился и стал ударять посохом по одной насыпи за другой, по всем ним, что были в Лошине Насыпей, и каждая становилась воином, откуда не встало там девять отрядов по девять бойцов, и между ними был Таламсан, сын короля Атайлэма, и Брэк Глун, сын короля Торкуйла; и Феархар повел их всех в Крепость Атайлэм.

И он получил королевскую дочь, и два поклона,

И жилище себе в Крепости Острова Брызг.

И если они с тех пор не умерли, то живы и поныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это сказание, записанное в первой половине XVIII века, из коллекции Джеймса МакДугалла (графство Аргайл). Стиль и образность текста свидетельствуют о древности или, по крайней мере, о подлинной традиционности.

Поскольку, строго говоря, это сказка, имена и местности в тексте точно идентифицировать нельзя.

Следует обратить внимание на то, что в этом тексте появляется еще один «красноречивый» образ кельтской Женщины, который мы считаем архетипическим для этой традиции. Образ Уриск хорошо иллюстрирует идею Юнга о двойственности архетипа Матери (Богини) — доброй и злой, прекрасной и уродливой. Повторим слова Вальтера Скотта о фэйри в Шотландии: «Это существо высшее, дух стихийный, весьма обширное чародейственное могущество которого может, по произволу, делать добро и зло» [48, с. 236].

Перевод выполнен по изданию: MacDougall J. *The Urisk of the Corrie of the Howlings* // *Zeitschrift für Celtische Philologie*. Halle, 1897. Bd. 1.

Крепость Атайлэм — Под «Атайлэмом» в данном сказании разумеется Атолл — гористый район в графстве Пертшир, центральная Шотландия. В Средние века и позднее этот район управлялся полунезависимыми властителями, происходившими из кланов Стюарт и Мюррэй; этих властителей традиция и называла «королями». Их резиденцией, «Крепостью Атайлэм», был замок Блэр на реке Гарри — нынешний город Блэр Атолл.

Долина-Ланей-и-Косуль — На территории Атолла есть две значительные долины: Глен Гарри и Глен Тилт. Скорее всего, Долиной-Ланей-и-Косуль сказание называет первую из них.

Старуха-с-Подножья-Горы — Подобный благожелательный женский персонаж часто выполняет роль «чудесного помощника» в сказочном приключении [48, с. 303]. Своими силами Женщину типа Уриск не победить: тут нужна помощь другой «власть имеющей» Женщины. Два королевича, уверенные в превосходстве своего мужества, терпят поражение, и только третий, не столь «самодостаточный», как те, побеждает.

Уриск — чудище, страшилище, волосатое и бородатое, нечто среднее между большой козой и человеком — мужчиной или женщиной. Обычно Уриск связывается с водой, горными ущельями и пещерами

(см. «Уйсден Мор и Желтая Безрогая Коза» в наст. изд.). Это создание может быть и полезным другом, и ужасным врагом. «Порой оно прилепляется к человеку или семье, которые обошлись с ним по-дружески и оказывает им в свою очередь всевозможные услуги»; в старых сказках Уриск обладает сверхъестественной силой, мудростью и изобретательностью [102, р. 296—297]. Считалось, что создания типа Уриск были плодами любви смертных и фэйри [76, II, р. 480]. Кроме Уриск, у гэлов существовало огромное множество разнообразных существ «пограничного» характера; их нельзя однозначно назвать ни добрыми, ни злыми — что справедливо и для фэйри в целом.

...ивовый прут... — «Ива, — пишет Р. Грейвс, — была любимым деревом ведьм и колдуний. Возможно, так пошло еще с тех времен, когда в ивовых корзинах друиды приносили человеческие жертвы в полнолуние и ритуальный кремневый нож имел форму листа ивы». Ива, продолжает Грейвс, избрана священным деревом Лунной богини: «Ива больше других деревьев любит воду, а именно Лунная богиня — подательница росы и влаги вообще». Веточка ивы служила амулетом против ревности Лунной богини. Главная оргиастическая птица богини — вертишейка, или «птица-змея», — вьет гнезда только на ивах. Наконец, в ивовых корзинах «колдуньи из Северного Бервика, как они признались королю Иакову I, отправлялись в море на шабаш» [7, с. 61—64].

Твой Луран на горе тебе... — Уриск обыгрывает значение имени собаки: «Луран» значит «милый, дорогой». Королевич совершает ошибку, называя собаку по имени в присутствии незнакомки, ибо при встрече со злым существом ни в коем случае нельзя именовать своих собак или свое оружие их настоящими именами, — можно лишь иносказательными [76, II, р. 456—457]. Так поступил Уйсден Мор в следующем сказании нашей книги. Однако Таламсана извиняет то обстоятельство, что Уриск предстала перед ним в облике очаровательной девы.

...а была... ведьмой. — Слово «ведьма» в данном случае означает «чудище женского рода», но отнюдь не «ведьму» в точном смысле слова.

Ее кожа была, как шкура... — Имеется в виду передник кузнеца, сделанный из грубой волосатой шкуры оленя.

Ибо это была Уриск... — В кельтской традиции хорошо известно и обратное превращение: когда страшилище или чудище превращается в красавицу, если с этим чудищем решились-таки «возлечь». Такое превращение описано, например, в сказании «Приключения сыновей Эохайда Мугмедона» [45, с. 211—212] или в сказании «Ойсин в Тир На Н-Ог» [28]. Архетип, лежащий в основе женских образов мифа и сказки, пишет Дж. Кэмпбелл, всегда двойственен: он объединяет «доброе» и «злое», «прекрасное» и «уродливое». Особенно это характерно для кельтской традиции, где Женщина легко переходит из образа красавицы в образ чудовища и обратно. «Женщина является проводником к возвышенному кульминационному моменту чувственной авантюры. Несовершенный взор низводит ее до низшего состояния; злой взор невежества превращает в банальность и безобразие. Но взор понимания восстанавливает ее в ее величии. Герой, который может принять ее такой, как она есть, без излишнего смятения, но с той сердечностью и твердостью, которых она требует, — потенциальный царь, воплощенный бог ее сотворенного мира» [24, с. 119]. Впрочем, в кельтской традиции Женщина превращается из красавицы в чудовище и обратно по своему хотению: она никем и ничем не детерминирована, кроме собственного непредсказуемого произвола.

Любопытно, что известный сюжет европейских сказок: «Красавица и чудовище» — на кельтской почве звучит как «Красавица-чудовище».

Дунад в Ирландии — королевский «град» на севере страны, в Ульстере.

...восемь князей да витязей. — Смысл фразы непонятен.

«Я дочь короля Гарб Слега из замка Роскоши...» — Уриск говорит о себе как о королевне из Иного Мира, координаты которого уточнить невозможно. Приглашение в Замок Роскоши в устах Уриск — это приглашение в смерть. Ср. ирландское сказание «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк»: Син, девушка из Иного Мира, погубившая короля, говорит ему: «Ты обрящешь смерть — пир без немилости» [28, с. 191]:

Мананн в Океане — остров Мэн в Ирландском море, расположенный между Британией и Ирландией. Имя свое, согласно традиции, он получил в честь древнего кельтского божества — Мананнана Мак Лира, «Сына Моря», короля Иного Мира — языческого рая, помещаемого на острове или на глади моря. В давние времена остров Мэн стал прибежищем для ирландских миссионеров — просветителей и учителей Европы; кельтский диалект этого острова, несколько отличный от гэльского языка, существовал до XX века. Одно время «короли» Атолла были и «королями» острова Мэн.

Инис Орк — один из Оркнейских островов, прилегающих к северной оконечности Шотландии. Трудно сказать, что значит «пришел через волны с Инис Орк»; возможно, отец Феархара был родом с этих островов.

...посох... из нетленного яблоневого дерева... — Яблоня была одним из деревьев, которые ассоциировались у кельтов с Иным Миром. Отсюда понятно, почему чудесные Острова в кельтской традиции зовутся «Островами яблوك» и почему женщины-вестницы из Иного Мира приносят с собой яблоневые ветви.

УЙСДЕН МОР

И ЖЕЛТАЯ БЕЗРОГАЯ КОЗА

Был один славный человек по имени Уйсден Мор, который жил рядом с Лайден Лин. Бродил он одно время по северному Россширу. Поскольку этот человек был воином и носил с собой оружие, куда бы он ни шел, — больше всего любил он бродить по самым опасным местам, которых другие люди боялись. Была у него страсть сражаться с чудищами всякого рода.

Есть в Гайрлохе поросшая вереском гора, которая зовется Том Буйде и по склону которой бежит маленький ручей. Почти каждый, кто ходил этой дорогой, рано или поздно видел огромную волосатую и бородатую козу, которая сильно донимала прохожих, одних убивая, а других доводя страхом до разрыва сердца. Желтая Безрогая Коза, что жила на Том Буйде в Гайрлохе, была очень знаменита.

УЙСДЕН МОР И ЖЕЛТАЯ БЕЗРОГАЯ КОЗА

Уйсен Мор услышал о чудовище и решил пойти и сразиться с ним, невзирая на опасность и без колебаний.

Он отправился туда довольно рано и, придя к подножью горы, зашел в дом ткача, который в то время жил там, на Торасдайльских холмах, — его называли Ткач с Желтыми Ногами. Когда Уйсен вошел, ткач сидел за своим станком. Уйсен с ткачом завязали беседу.

— Не на Том Буйде ли ты направляешься? — спросил ткач.

— Именно так, — отвечал Уйсен.

— Ты не боишься встречи с Желтой Козой?

— Нет, не боюсь, — сказал Уйсен.

— Какое оружие ты испытываешь против нее сперва?

— Я испытаю, что может сделать с ней меч.

— Что, если меч не выйдет у тебя из ножен? — спросил ткач.

— Если не выйдет, я наведу на нее ружье и испытаю его, — отвечал Уйсен.

— Что, — спросил ткач, — если твое ружье не даст искры?

— Если не даст, — отвечал Уйсен, — я посмотрю, что Катриона, сестра моей бабушки, может сделать с Козой.

И на каждое оружие, что упоминал Уйсен, ткач налагал чары; лишь на нож он не смог наложить чары, потому что Уйсен именовал нож Катрионной, сестрой своей бабушки.

Сказав это, Уйсен поспешил на Том Буйде веселым бодрым шагом и прибыл к ручью, когда смеркалось. Придя к ручью, он услышал что-то похожее на блеяние козы; это его сильно удивило. Однако он поспешил к броду, чтобы встретить чудище.

— Кличешь, что ли, своего козленка, волосатая? — спросил Уйсен.

— Если так, я его уже нашла, — отвечала коза.

— Еще нет, не может быть, чтобы уже нашла, — сказал Уйсден.

Говоря так, они приближались друг к другу. Уйсден рванул свой меч, но тот не хотел выходить из ножен. А ружье не хотело давать искры!

Тогда коза схватила его и поставила на колени, сказав при этом:

— Уйсден Мор, ты не уйдешь отсюда живым.

— Ты, подлая, тупая скотина ручьев, — отвечал Уйсден, — не много ты знаешь об этом!

— Где же Катриона, сестра твоей бабушки, а, Ловкая Рука? — сказала коза, думая, что одолела его.

— Удачи тебе и спасибо! У тебя память лучше! — ответил Уйсден, доставая свой нож, и нанес твари убийственный удар в живот стальным клинком.

Мгновенно коза исчезла.

Уйсден, оглядевшись вокруг себя, возвратился к жилищу ткача. Он вошел решительно и непреклонно и спросил, где хозяин дома. Ему сказали, что тот лежит больной в постели.

— Я должен видеть его! — сказал Уйсден и, сметя все преграды, добрался до постели ткача.

Но в постели его не было, и когда Уйсден высек огонь, он нашел того лежащим под ткацким станком и истекающим кровью.

Он велел, чтобы ткач тут же показал ему свои раны. Тот показал, и когда Уйсден увидел рану, которую сделал нож в его брюхе, он убедился, что ткач и коза — одно и то же существо.

— Раз это ты причинил столько вреда на Том Буйде, то больше не сделаешь ни шагу, — молвил Уйсден. И, вместо того чтобы приложить какую-нибудь мазь к его ране, он нанес ткачу смертельный удар, убив его под его же станком, а после пошел своей дорогой.

И с тех пор на Том Буйде не погибло от козы или чудища ни одного человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказание из коллекции знаменитого гэльского фольклориста XIX века Джона Френсиса Кэмпбелла с острова Айлей, выпустившего в 1862 г. четырехтомное собрание «Popular tales of the West Highland».

«Источник» сказания — житель Гайрлоха (графство Росс) Александр МакДональд. Один из вариантов этого сказания был использован Р. Л. Стивенсоном в романе «Катриона» (рассказ о Лисе Лэп-райке).

Перевод текста выполнен по изданию: *More West Highland Tales / Transcr. and transl. from the orig. Gaelic by J. G. McKay. Edinburgh; London, 1940. Vol. 1.*

Лайден Лин — местность, примыкающая к морскому заливу Лох Ю в Россшире.

Росшир (Росс) — графство на севере Шотландии (см. примечание к «Смерти Дuffа, короля Шотландии» в наст. изд.).

Была у него страсть сражаться с чудищами всякого рода. — Обладатели странной профессии, «убийцы чудовищ», встречаются и в других сказаниях горной Шотландии. Про одного из них говорится, что он был «искусным и бесстрашным усмирителем беспокойных тварей»

[76, I, p. 460]. Можно отметить, что такие «странствующие рыцари» отличались от персонажей рыцарских романов одной существенной особенностью: это были реальные кельтские воители, действующие, как Уйсден Мор, «по страсти».

Гайрлох — округ, а также одноименный морской залив и город на западе графства Россшир (Росс и Кромарти). На территории округа расположено знаменитое озеро Лох Мари (см. «Принцесса Тайра из Ульстера и ее любовники»).

...Ткач с Желтыми Ногами. — Историю этого Ткача с вариациями рассказывали во многих местах Шотландии. Был он, судя по всему, знаменитым чародеем. В некоторых версиях он не обращался в козу, а влезал в шкуру с рогами и в таком виде неожиданно появлялся на берегу реки, когда кто-нибудь переходил реку вброд в опасном месте. Испугавшегося уносила река, и он тонул [76, I, p. 461].

...я наведу на нее ружье... — Речь идет о кремневом ружье, которое вполне уместно в сказании XVIII века.

...именовал нож Катрионной, сестрой своей бабушки. — Подобные иносказательные имена личного оружия были в ходу у гэлов северной Шотландии. О необходимости изменения при встрече с незнакомцем настоящих имен своего оружия и своих собак см. примечание к «Уrisk из Ущелья Завываний». Называя настоящее имя ножа или пса, человек отдавал их во власть врагу-чародею.

БРЯТЬЯ-СТРАННИКИ

далекие времена остров Малл, говорят, был не обитаем никем, кроме нескольких семей, живших на южном берегу у Карсайга, в той части острова, что известна как Росс. Эти семьи жили отъединенно от остального мира; никто из них не видел никого, кроме своих, и никто из них никогда не покидал это место. У них не было лодок, и они говорили, что прочие острова и материк, который им был виден напротив, — это другие миры. И вот однажды они увидели, как по морю перед ними движется от материка точка, и когда она приблизилась, они сравнили ее с лошастью, на спине которой стояло дерево; но, когда она пристала к берегу, это оказалась лодка, сделанная из плетенки, покрытой шкурами, а в ней был один человек, у которого было с собой немного питья и множество лесных орехов для

еды. Из-за того что его лодка была покрыта шкурами, они прозвали его «Коровья Шкура». Высадившись, он рассказал им, что покинул дом из любопытства увидеть другие места и что это было первое место, до которого он смог добраться, а родом он был из Лорны, что на материке.

Прозванный Коровьей Шкурой оставался с ними долгое время, так как они обходились с ним ласково, будучи очень довольны им. Он обучил их новым вещам, которые были полезны в их повседневной жизни, и от умения его и знания благополучие людей всячески повысилось. Видя, что они не используют молоко своих коров и коз для приготовления сыра, он спросил их о причине этого. Они сказали ему, что не знают, что такое сыр, никогда не слышали о нем и не видели его и очень бы хотели знать, как он делается. Искусство делать масло было им известно до его прихода. Он взял «болотные ноготки» и, положив их в молоко, превратил его в творог и сыворотку. Говорят, так был сделан первый сыр на Малле.

Через какое-то время, примерно год спустя после этого, жители острова увидели, как приближается другая такая лодка, или, как они описывали, «лошадь с деревом на спине». Она пристала к берегу у Лохспелви, дальше к востоку, и в ней тоже был один человек, которого они прозвали «Кожаное Покрывало». Он был братом тому, который приехал прежде, и появился, разыскивая его. Два чужака и островитяне прекрасно поладили, и братья начали строить лодку, найдя на Малле обилие леса.

Когда лодка была закончена, они называли ее «лодкой-о-шести-веслах», а когда ее снабдили необходимым и сделали готовой для плавания, то два брата взяли с собой людей и

отплыли, чтобы добраться до одного из миров, которые они видели перед собой. Они достигли Джуры, но жители острова не позволили им высадиться, так как никогда раньше не видели лодки. Они прогнали их камнями прочь от берега. Затем странники приплыли к Колонсею, но люди Колонсея были столь же жестокосердны: они напали на лодку и старались ослепить чужаков, бросая им в глаза песок. И тогда они направились к Голубому Острову — под таким названием был тогда известен остров Айлей.

Туда они прибыли в более удачное время; на берегу перед ними не было ни души. Они вытащили лодку на сушу и пошли посмотреть, есть ли на острове люди и не найдется ли кого-нибудь, кто направит их к жилью. Первый, кого они встретили, был один старик, который сторожил скот. Он подумал, что они из островитян, ведь не было известно, чтобы кто-нибудь приезжал или уезжал с острова. Первый из братьев-странников попросил старика рассказать об этих местах. «Как странна твоя речь, — заметил старик, — для рожденного на этом острове». — «Нет, — ответил тот, — я не уроженец острова». — «А если нет, — сказал старик, — что привело тебя сюда?» — «Я пришел попросить у вас то, что вы можете дать, и дать то, что могу я сам».

Затем старик, поскольку были сумерки, разжег огонь, и они просидели с ним до рассвета, когда люди и дома стали видны. Люди Айлея гостеприимно отнеслись к чужакам, которые остались на целый год и построили для них семь лодок.

Старший брат женился на женщине этих краев, и через какое-то время он подумал о том, чтобы снова вернуться на

Малл. Подготовив свою лодку, он отплыл, взяв с собой жену и остальных, и направился к северу. Не успели они далеко уплыть, как пал густой туман, который сокрыл весь мир перед ними; и так как у них не было приборов и они не могли увидеть землю, они плыли по течению, покуда лодка не уткнулась в берег. Это была первая земля, которая явилась им с тех пор, как они оставили Голубой Остров.

К ним наклонился огромный человек, — они никогда не видели равного ему по величине. Схватив за переднюю часть лодки, он поднял ее над водой и втащил на берег вместе со всеми ними. Он пригласил их в свой дом. Они пошли с ним и были приняты по-доброму. Хозяйская дочь, когда старший из двух братьев попросил у нее пить, принесла деревянное блюдо с двух обручах, полное молока, и, поставив его на пол рядом с ними, ушла прочь. Один из гостей встал, чтобы приподнять блюдо, и не смог. Тогда встали трое из них, но им не удалось его поднять. Она возвратилась и, найдя блюдо таким, каким его оставила, сказала: «Если вы утолили вашу жажду, то ничуть не ubyло от меры». Прозванный Коровьей Шкурой ответил ей: «Мы не приучены вставать на четвереньки, как скот, когда мы пьем, а поднять блюдо мы не смогли». Тогда она ухватила левой рукой деревянное блюдо за обруч и держала, покуда все они пили. «Откуда вы пришли, — спросила она, — и куда направляетесь?» — «Мы пришли с темно-голубого острова на море, — сказали они, — а направляемся к холмистому острову». — «Это Малл, — сказала она, — Малл моей любви, Малл маленьких людей». Вместе они весело провели эту ночь, а на следующий день ушли, чтобы отчалить в море.

Однако, когда они попытались сдвинуть лодку и заставить ее плыть, они не смогли этого сделать, как если бы пытались сдвинуть скалы Айлея. Тогда молодая жена, которая приплыла с ними с Айлея, сказала: «Я знаю, где мы, — мы на зеленом острове, что лежит под чарами, но у меня есть дар, который пособит нам покинуть его». И она рассказала тем, кто был с ней, как ее мать при расставании дала ей чепец, приговаривая: «Если ты когда-нибудь окажешься в нужде, надень его и в то же время поклонись до земли семь раз». Чепец был у женщины за поясом, и она велела им сесть в лодку и взяться за весла. Затем она встала посреди них, коснулась чепца, поклонилась, и он поднялся до ее груди; в следующий раз он поднялся к ее шее; в третий раз — к ее подбородку; когда она поклонилась в четвертый раз, он поднялся мимо рта к носу; потом он достиг глаз, потом лба и, наконец, макушки головы, — и лодка поплыла.

По-прежнему был туман. Они спросили старшего брата, в каком направлении следует плыть. Он велел им следовать за полетом птиц, ведь птицы вечером направляются к берегу и доведут их до земли. О возвращении домой птиц и рыб есть пословица, что «птицы земли направляются к западу, а рыбы глубин — к востоку». Посреди ночи младший брат, один из «кожаных», крикнул, что перед ними холм. Его брат, который был в задней части лодки, сказал: «Не насыпь ли это без травы?» И с тех пор холм получил прозвание «Насыпанный».

Они достигли берега Малла днем, провели лодку в узкую расщелину, которая была похожа на зияющую пасть, и, прежде чем они остереглись, весла были сломаны. Это место до сих

пор известно как «Расщелина Сломанных Весел». Они выбрались на берег, пошли домой и рассказали, где они побывали и что приключилось с ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сказание из коллекции Джона Грегорсона Кэмпбелла с острова Тайри.

Пример того, как устная и письменная традиции, разделенные во времени веками, друг друга подтверждают. Мы имеем в виду, с одной стороны, тексты средневековых рукописей, а с другой — предания гэльских сказителей. «Плавания» — известный жанр древнеирландских «повестей» — описывают «посещения героями многочисленных островов, относящихся если и не прямо к Иному, то, во всяком случае, — не к нашему миру» [46, с. 358].

Об этом же повествуют «Братья-странники». И вполне возможно, что «Плавания» рассказывают о тех же островах, на которых побывали наши герои. Каждый остров, как явствует из сказания, был некогда отдельным миром, и этот «мир» для других подобных «миров» мог казаться Иным.

Гэльская традиция Западных Островов — в чем-то особенная, отличная от традиции ирландской и традиции горной Шотландии. Трудно определить эту особенность, но ее можно почувствовать, познакомившись с текстами, посвященными Островам.

Перевод выполнен по изданию: *Waifs and Strays of Celtic tradition. Argyllshire series. № 5. Clan traditions and popular tales of the Western Highlands and Islands, collected from oral sources by the Rev. John Gregorson Campbell. London, 1895.*

Остров Малл — один из многочисленных островов у западного побережья Шотландии, как и называемые далее Колонсей, Джура и Айлей. Все эти острова вместе с островами на северо-западе, а также с горной Шотландией и Ирландией, входили в гэльскую «ойкумену», обозначаемую иногда как «Западный Мир». Интересно, что в древности понятие «Эрин» могло относиться не к одной лишь Ирландии, но ко всем Западным Островам, включая Ирландию [57, р. 271]. Как к единому целому, к этой «ойкумене» относится древнее гэльское пророчество, которое гласит: «За семь дней до конца света море единым наплывом покроет Западные Острова и зелено-вершинный Айлей, в то время как Остров святого Колумбы (т. е. остров Айона) всплывет» [75, р. 270].

Западные Острова, более известные как Гебриды, принято разделять на «Внешние», более отдаленные, и «Внутренние», примыкающие к побережью.

...в той части острова, что известна как Росс. — Не путать с одноименным графством Росс на «материке».

...лодка... из плетенки, покрытой шкурами... — С древних времен основным «водным транспортом» кельтов были коракли и куррахи, остовы которых — деревянные или сплетенные из ивовых прутьев — обтягивались шкурами. На таких лодках кельты пускались в длительные и дальние путешествия, в результате чего появлялись сказания, названные «Плаваниями»: «Плавание Брана», «Плавание Уи Хорра», «Плавание Майль-Дуйна», «Плавание Брендана». Практическим результатом этих плаваний было открытие и заселение кельтами различных земель, лежавших в Океане. Вероятно, именно кельты первыми из европейцев побывали в Америке и Гренландии. Причудливые впечатления, отраженные в «Плаваниях», дают основание так думать.

...из любопытства увидеть другие места... — Страстное любопытство было одной из самых известных в древности особенностей кельтской расы. Юлий Цезарь отмечал в свое время, что кельты «падки на все новое» и при этом склонны «поспешно и внезапно принимать решения» (*О Галльской войне*, III, 8; III, 10). Далее он писал, что «они слишком скоры на решения и обыкновенно склонны ко всяким переменам. Действительно, у галлов есть привычка останавливать путешественников даже против их воли и расспрашивать их, что они о том или ином слышали или узнали; точно так же в городах народ окружает купцов и заставляет их рассказывать, из каких они стран и что они там узнали» (*там же*, IV, 5). Цезарь писал это в I веке до н. э. А вот что написано о гэлах Шотландии в самом начале XIX века: «Нет ничего более известного, чем достойная удивления страсть горцев к новостям... Пытливость простых горцев — это, поистине, наименее приятная для чужестранца часть их манер. Они останавливают путников на дороге, расспрашивая их, откуда они идут, куда направляются, как их зовут и чем они занимаются» [84, II, р. 399—400]. Эта характерная страсть кельтов к новостям «прочитывается» и в ирландских сказаниях, где вместо приветствия обычно расспрашивают о новостях. В сказании «Болезнь Кухулина» героиня по имени Эмер говорит: «Но поистине: ведь все красное красиво, новое бело, высоко лежащее желанно, все привычное горько, все недостающее превосходно, все изведенное презренно, — в этом вся человеческая мудрость» [14, с. 648].

Таким образом, можно предположить, что страсть к новостям и новизне была едва ли не главным побудительным мотивом кельтов, который заставлял их отправляться в путешествия и плавания.

Лорна — область в графстве Аргайл, на «материке», лежащая напротив восточного берега острова Малл и отделенная от острова проливом Фирт-оф-Лорн.

...первый сыр на Малле. — Что касается сыра, то в Шотландии и на Островах он считался средством, предохраняющим от чародейства, употреблялся при лечении кожных болезней и вдобавок помогал не заблудиться в тумане [84, II, p. 455].

...прогнали их камнями... от берега... — На некоторых островах, прилегающих к Шотландии, состояние «дикости» у их обитателей могло сохраняться, по причине изоляции от остального мира, веками, о чем свидетельствуют, например, записи русского ученого Джунковского, посетившего эти острова в I-й половине XIX века. Вот что он пишет об острове Айона: «Несколько десятков бедных раскиданных хижин, мужчины и женщины дикого вида, полунагие, в страшных лохмотьях, с растрепанными волосами, говорящие гэльским языком, по выходе нашем на берег почти заставили нас думать, что мы находимся на каком-нибудь диком острове Южного моря, а не в Шотландии» [9, с. 139]. Кроме того, та часть материка, что лежит близ островов Малл, Скай и других, обычно называлась «грубыми» или «дикими» пределами [84, I, p. 552].

Остров Айлей. — Из-за своей величины и обилия даров природы Айлей называют еще «Королевой Гебридских островов».

...Малл моей любви, Малл маленьких людей. — Любовь великанши к Маллу понятна. Вот как он описывается в гэльской поэзии: «Остров Малл — остров радости, волной омытый, солнцем залитый, ветром согретый, громом воспетый; с долинами, заросшими орешником и дубом, лощинами, одетыми бурой травой, ниспадающими водопадами и могучим Бен Мором, горою орлов, что господствует надо всем» [83, p. 108].

...мы на зеленом острове, что лежит под чарами... — Можно догадаться, что таким образом великанша стремилась удержать своих гостей у себя. Ее поведению мы находим параллель в ирландском

«Плавании Майль-Дуйна». Майль-Дуйн и его спутники прибыли на Остров Женщин, где «были приняты королевой острова и ее семнадцатью дочерьми. Женщины пировали с путниками и ночью разделили с ними ложе. Затем они стали уговаривать их остаться на острове навсегда, чтобы «время не коснулось их и каждый сохранил свой возраст». Майль-Дуйн и его спутники провели там три зимних месяца... Когда они собрались отплыть, королева вышла на берег и бросила Майль-Дуйну клубок нитей, который приклеился к его руке, и так ей удалось подтянуть корабль к берегу. Трижды она повторяла это, и пришлось Майль-Дуйну остаться у нее еще на три месяца. Но когда опять решили они отправиться в путь, Майль-Дуйн велел одному из своих спутников поймать вместо него брошенный королевой клубок. Клубок снова приклеился, но Диуран схватил меч и быстро отрубил руку того человека. Так удалось им убежать» [46, с. 367—368].

ОСТРОВ ХИРТА И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

а западном побережье этого острова есть долина, спускающаяся к морю, посреди которой бежит ручей, а по бокам ее возвышаются скалы высотой в полмили; всю эту полосу земли местные жители называют Гленом Воительницы. Амазонка эта прославлена в их преданиях; ее жилище из камня еще сохранилось; кое-кто из жителей проводит в нем все лето, хотя ему, наверно, несколько веков.

Жилище целиком построено из камня, безо всякого дерева, земли или извести, которые скрепляли бы его, и построено в виде округлой пирамиды, сужающейся кверху, с входным отверстием в ней; посреди пола там всегда горит огонь. Камни продолговатые и тонкие, что восполняет отсутствие дерева. Стены этого дома вмещают не более девяти сидящих человек. Там есть три ложа — как бы низких свода, — которые

расположены вдоль стены, а между ними — столбы; каждое ложе вмещает сразу пять человек; при входе в один из этих низких сводов стоит закрепленный в земле камень, — на него, говорят, воительница обычно клала свой шлем. На другой стороне есть два камня, на которые она клала свой меч. Говорят, она много предавалась охоте, и в то время все пространство между этим островом и островом Гаррис было одной непрерывной полосой суши. Несколько лет назад на вершине холма Отервол, почти на фут под землей, нашли пару крупных оленьих рогов, и на том же холме, также под землей, нашли деревянное блюдо, наполненное оленьим салом. Об этой воительнице еще рассказывают, что она пустила своих борзых собак вслед за оленем, заставив их бежать с острова Хирта к противоположащим островам. Есть и другие предания об этой славной амазонке, которыми я не стану дальше досаждать читателю.

К югу от селения есть скала, на обрыве которой находится знаменитый камень, известный под именем Камня Возлюбленной; он в точности походит на дверь и стоит на самой вершине этой скалы, которая отвесно возвышается на двадцать или тридцать морских саженей и видна отовсюду с расстояния в милю. На притолоке этой двери каждый холостяк ухажер должен, по древнему обычаю и чести ради, явить во имя любви своей невесты доказательство своих чувств. А доказательство таково: стоя на своей левой ноге так, что половина подошвы ее свисает со скалы, он затем вытягивает правую ногу к левой спереди нее и, наклоняясь в этом положении, прикладывает оба своих кулака к правой ноге. И, после того как он исполнил это, смельчак приобретает немалую славу и считается достойным

самой лучшей возлюбленной в мире. Жители острова твердо верят, что это предприятие всегда сопряжено с желанным успехом.

Одним из тех явлений, которые изумляли их больше всего, было возрастанье деревьев. Они находили красоту листьев и ветвей восхитительной; и то, как деревья возрастают до такой высоты, что становятся выше травы, было далеко за пределом их понимания. Один из них, удивляясь этому, говорил мне, что деревья «табанили» его, когда он проходил через лес.

Однажды они решили перенести несколько деревьев на себе к своим лодкам и забрать их таким образом на остров Хирта; но когда они подумали еще раз, то длина пути — почти что через весь остров Скай — удержала их от этого предприятия. Ведь, хотя они превосходят других своей силой, ходоки они, тем не менее, очень плохие и привыкли ходить совсем немного.

Однажды около тридцати жителей, оказавшихся вместе на Утесе Соа, заметили человека в сером платье, пледе и в рубашке, плывшего по морю на животе; они увидели также биту, долбившую его по шее. Это видение продолжалось более четверти часа, а потом исчезло. Но вскоре после этого одному из зрителей случилось упасть в море, и когда он тонул, то во всем походил на предостерегательное видение и у его шеи также была видна бита.

Это мне рассказал несколько лет назад управитель острова, а впоследствии подтвердили те, что сами были очевидцами этого.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Остров Хирта и его обитатели» — извлечение из «Описания Западных Островов Шотландии», сделанного около 1695 г. Мартином Мартином, уроженцем острова Скай и управителем этого острова. Мартин принадлежал к известному клану МакДональдов, из которого в Средние века происходили могущественные «Властители Островов» — титул, по значению близкий к королевскому.

Ценность «Описания Западных Островов Шотландии» не только в том, что это было достоверное свидетельство очевидца-путешественника, но и в том, что оно выполнено природным обитателем этих островов, для которого язык и нравы островитян были родными. Вместе с тем, будучи лицом официальным, Мартин строг и авторитетен, насколько это вообще возможно для кельта.

Перевод выполнен по изданию: *A Description of the Western Islands of Scotland circa 1695 by Martin Martin, Gent. Including A Voyage to St. Kilda by the same author and A Description of the Western Isles of Scotland by Sir Donald Monro / Ed. with introd. by Donald J. MacLeod. Stirling, 1934.*

Остров Хирта — он же остров Св. Кильды, как он обозначен на современных географических картах; самый отдаленный из северо-западных островов Шотландии, он расположен довольно далеко за Внешними Гебридами в Атлантическом океане. Его малые размеры и скудость населения не помешали М. Мартину посвятить этому острову в «Описании Западных Островов Шотландии» наибольшее (после, может быть, Ская — родного острова Мартина) количество страниц. Кроме того, Мартин написал и отдельную книгу, посвященную острову, — «Последнее путешествие на остров Св. Кильды» (London, 1698).

Не в последнюю очередь такой интерес обусловлен был тем, что этот остров, даже среди прочих островов кельтской ойкумены, являлся «заповедником» архаичного кельтского уклада. Все его немногочисленное (около двухсот человек) население говорило исключительно гэльски; оба пола, как пишет Мартин, обладали поэтическим даром и сочиняли стихи и песни на этом языке, «который весьма выразителен». Жители острова были настолько оторваны от внешнего мира, что один из них, попавший в город Глазго на материке, поражался, как истинный дикарь, всему, что видел, — от стекол и дверей до формы женской обуви, которая здесь почему-то отличалась от мужской: он думал, что у женщин Глазго ноги устроены иначе, чем у мужчин. Между тем архаичный уклад жизни на острове, предания, верования и обряды, восходящие к Бог весть каким давним векам кельтской культуры, не могли не привлечь к себе Мартина, который сам был носителем гэльской традиции и принадлежал к старинному и весьма известному роду острова Скай — Мартайн а'Беалайх.

Амазонка эта прославлена в их преданиях... — Образ женщины-воительницы (так же, как женщины-друидессы) хорошо известен в исторической и легендарной кельтской традиции и может быть назван типически кельтским. Из самых известных героинь такого рода стоит упомянуть бриттскую царицу Боудикку, сражавшуюся с римлянами и описанную Тацитом (*Анналы, книга 14*), ирландскую королеву Медб («Похищение Быка из Куальнге» и прилегающие саги), ирландскую же богиню-воительницу Маху и некоторых других. Диодор Сицилийский писал в свое время, что женщины у кельтов «не только ростом равняются мужчинам, но духом также им подобятся» (*Историческая библиотека, V, 32, 2*). С другой стороны, и все богини войны у кельтов (по крайней мере, у ирландцев) — только женского рода: Маха, Бадб, Морриган. Впрочем, весь пантеон ирландских богов возглавляется

Женщиной и называется Племенем Богини Дану. Это хорошо соотносится с тем фактом, что «в кельтском обществе женщинам всегда было отведено вполне почетное место... В этом нет ничего удивительного, если речь идет о стране, в которой вплоть до VII века женщины, владевшие именами, привлекались на военную службу наравне с мужчинами» [27, с. 90]. Особенно впечатляет в связи с этим один древнеирландский текст, который описывает, очевидно, реальное положение дел в Ирландии первых веков н. э. Он гласит: «Работой, которую следовало исполнять лучшим из женщин, было идти на битву и поле битвы, завязывать схватку и становиться лагерем, сражаться и брать заложников, ранить и убивать. На одном своем боку она несла обычно свою сумку с провизией, на другом — своего ребенка. Ее деревянное копье у нее за спиной. Оно было длиною в тридцать футов и имело на одном конце железный крюк, который она вонзала в косы какой-нибудь женщины из вражеского полка. Ее муж позади нее, он нес в своей руке боевую рогатину и погонял женщину на битву. Ибо в то время брали как трофеи голову женщины либо две ее груди» [100, S. 44].

«Древние авторы сообщают, что кельтские женщины были высокими, жестокими, сильными и такими же страшными в сражении, как и мужчины. На многих кельтских монетах мы видим изображение обнаженной женщины верхом на лошади, победоносно размахивающей копьем или мечом» [43, с. 162].

«Женщина-воительница» — столь же распространенное сочетание в кельтской традиции, как и «женщина-друидесса», «женщина-поэт», «женщина-пророчица», не говоря уже о королеве и ведьме. Некоторые из этих определений часто могли относиться к одной и той же персоне.

Есть и другие предания об этой славной амазонке... — «Амазонка» эта, безусловно, образ типически кельтский. Вот что пишет, например, Роберт Грейвс в своей «Белой богине»: «В XVIII веке собиратель древностей

Уинслоу и настоятель Свифт отправились в Лох-Крю записывать местные легенды об ирландской Тройственной богине. Среди них была и легенда о смерти Гарб Ог, нестареющей великанши, которая ездила в повозке, запряженной лосями, питалась оленьим молоком и грудками орлов и охотилась на горных оленей со сворой из семидесяти гончих с птичьими именами. Она собрала камни, чтобы соорудить себе трехгранную пирамиду и „водрузить престол свой во чреве холмов в пору цветения вереска“, а затем исчезла» [7, с. 104—105]. В ирландских сказаниях неоднократно говорится о том, что воины Ирландии отправляются на выучку боевому искусству в Альбу, т. е. Шотландию. В сказании «Сватовство к Эмер» великий воин Кухулин, чтобы достичь вершин мастерства, также отправляется в Шотландию, «на восток Альбы», где его учителями становятся королевы-воительницы по имени Скатах («Тень») и Айфе, «которая была самым грозным в мире бойцом». Эти воительницы также представлены как могучие великанши; причем дом Скатах расположен на острове [14]. Эти и другие примеры, которые можно умножить, позволяют предположить, что в основе всех таких женских образов лежит единый архетип. Может быть, это все та же Белая богиня Грейвса, которая у него — «преследующая, но не преследуемая, насилующая, но не насилуемая» [7, с. 185]. Целая «россыпь» таких женщин появляется в сказании «Болезнь Кухулина»: «...сказала ему Фанд: „Оглянись, о Лойг, назад. Тебя подслушивают прекрасные мудрые женщины. Их грудь разукрашена золотом, и у каждой из них по острому ножу голубой стали в правой руке. Подобны свирепым воинам, устремляющимся в бой, эти прекрасные женщины“» [14, с. 647].

...приобретает немалую славу... — Мужское население острова, как пишет Мартин, каждодневно подвергало свои жизни немалой опасности, карабкаясь на скалы и прыгая с одной скалы на другую, поскольку основным занятием мужчин здесь была добыча различных

морских птиц и соби́рание их яиц. «Эти бедные люди порой срываются, карабка́ясь на скалы, и гибнут. Их жены в таких случаях исполняют жалобные песни, которые они называют плачами». Плачи эти — при том что оба пола здесь обладали даром поэзии, — славились далеко за пределами острова Хирта. Один такой плач, или «коронах», сочиненный молодой женщиной с этого острова, приводится в труде «Scotland and Scotsmen in 18th century» [84, II, p. 432] как образцовый в своем роде.

...сопряжено с желанным успехом. — Мартин добавляет, что один из жителей острова настойчиво уговаривал испытать таким образом свои силы его самого; Мартин отнекивался, резонно возражая, что, скорее всего, он потеряет через это разом и свою жизнь, и свою возлюбленную; абориген был противоположного мнения, но ему так и не удалось убедить Мартина взойти на Камень Возлюбленной. Местные жители становятся скалолазами, пишет он, чуть ли не с колыбели, и уже трехлетние малыши упражняются в этом искусстве, взбираясь на каменные стены домов; в дальнейшем они достигают в своем деле необычайного мастерства [51, p. 454].

...предостерегательное видение... — разновидность ясновидения, чрезвычайно развитого у гэлов северной Шотландии и островов. Мартин посвятил этому дару и многочисленным случаям его проявления особую главу в своей книге «Описание Западных Островов Шотландии». Что касается острова Хирта (острова св. Кильды), то Мартин добавляет к своему рассказу следующее: «Одна женщина, за несколько недель до нашего приезда, рассказала своим соседям, что видела лодку с какими-то чужаками, не похожую на лодку управителя, которая направлялась к их острову» [51, p. 466].

В некоторых случаях человек рождался ясновидящим, а в некоторых — получал этот дар благодаря вмешательству фэйри [75, p. 159].

ЛАХЛАН ФУОНН С ОСТРОВА ТИДРИ

то время, когда Лахлан Каттанах был главою МакЛеанов, его жена мечтала об одном ирландском вожде по имени О'Буайд, и точно так же этот ирландский вождь мечтал о ней. Случилось тогда, что они стали сообщаться друг с другом. В то время Западные Острова вели с Ирландией торговлю больше, чем с любым другим местом.

Однажды МакЛеан обнаружил, что его жена ведет без его ведома переписку с ирландским вождем, и был сильно уязвлен таким уроном для своей чести. Чтобы испытать привязанность своей жены к ее тайному любовнику, он пришел к ней с перочинным ножом в руке и сказал: «Это подарок, который прислал тебе О'Буайд». Она посмотрела на нож и сказала:

*Мой возлюбленный, приславший мне нож, —
Я тоскую, что он медлит приплыть через море;*

И стоит ли радоваться мне жизни,

Если нож я люблю сильнее, чем руку, что держит его.

МакЛеан тогда убедился в неверности своей жены, пошел прочь и послал за своим родичем, Лахланом Фионном, который был в то время в Хинише, но, получив послание своего вождя, немедленно прибыл в Дом-на-Острове.

По его прибытии МакЛеан сказал ему: «Я послал за тобой, чтоб ты ехал в Ирландию; ты умный человек и у тебя семь сыновей, — иди и принеси мне голову О'Буайда; и какое б злодейство, какую б неправду ты ни причинил с этого времени любому, все это я покрою».

Назавтра Лахлан Фионн со своими сыновьями отправился на корабль и перед заходом солнца был на Айлее. На следующий день он был в Ирландии и спросил первого встречного человека о том, кого разыскивал. «Если ты хочешь видеть его, — сказал человек, — он ездит этой дорогой, в повозке, запряженной двумя белыми лошадьми, и ни у кого в Ирландии нет такой, только у него». Старый Лахлан пошел тогда, чтобы встретить его, и, пройдя немного, увидел, что тот едет ему навстречу. Когда старик приблизился, О'Буайд приказал ему остановиться и сказал: «Я вижу, ты чужак в этих местах?» — «В самом деле», — ответил старик. «Откуда ты приехал?» — спросил вождь. «Я приехал с Тайри», — сказал тот. «Знаешь ли ты там жену МакЛеана?» — «Хорошо ее знаю». — «Отвезешь ей послание от меня?» — «Отвезу», — сказал он. Вождь тут же запечатал послание и высунул голову из повозки, чтобы вручить его, но Лахлан, беря послание одной рукой, другой рукой отрубил ему голову. Слугу оглушили, и Лахлан Фионн получил возможность забрать голову с собой на корабль,

с которым отплыл, и, возвращаясь, тем же вечером он был на Айлее. День спустя он был на Тайри и с утра отправился к Дому-на-Острове. Найдя по прибытии, что МакЛеан и его жена сидели за завтраком, он пошел к ним и положил голову ирландского вождя на край стола лицом к жене МакЛеана. Она посмотрела на голову и пала замертво на крышку стола.

Спустя какое-то время сыновья Лахлана Фионна заготавливали домой торф от Мосса до Хиниша. Их было пятеро, и с ними семь лошадей, которые были связаны и шли одна вослед другой, а по бокам каждой висели глубокие корзины для перевозки грузов.

Из-за Большого Девара с Балемартина, который был ужасно свиреп, они не могли ходить прямой дорогой через Балемартин к Хинишу, а приходилось им выбирать тропу поухабистей, через Хинишские холмы. Там, у Камня Корзин, тропа была так узка, что по этому случаю человек обычно готовился снять корзины с лошадей и тащить их мимо камня волоком.

Рядом была мельница с мостом через запруду, который поднимали перед заходом солнца, и по пути им приходилось проезжать через мост. Из-за этого случилось вот что: юноши по собственной глупости возвращались позднее обычного, и мост был убран. С той скоростью, с какой они ехали, они не заметили, что мост поднят, и передняя лошадь опрометью бросилась в запруду и погибла. Юноши добрались домой и рассказали отцу, как мельник убрал мост и что с ними случилось. Он сказал: «Если моя лошадь подохла из-за него, то же самое будет с ним этой ночью». Так оно и случилось. Лахлан и его сыновья возвратились тем же путем обратно, след в след;

они схватили беднягу, когда тот спал, забрали его с собой и повесили на холме напротив Дома-на-Острове.

Ранним утром на следующий день, когда слуга пришел разжечь огонь в комнатах, где был МакЛеан, тот спросил его, каков сегодня день. Слуга сказал, что день хорош, но видать странное зрелище. «Какое это?» — спросил вождь. — «Человек, подвешенный вон на том холме». МакЛеан, поднявшись, спросил: «Кто осмелился сделать это без моего позволения?» Когда он увидел содеянное, он пролил горькие слезы и сказал, что некому это сделать, кроме Лахлана Фионна. «Так было в договоре, что я заключил с ним, когда он принес мне голову человека из Ирландии». Это было последнее повешение, которое произошло на острове.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предание из коллекции Джона Грегорсона Кэмпбелла, который был управителем («министром») этого острова.

События, описанные здесь, произошли на Тайри в начале XVIII века, когда обычаи и нравы старинного кланового уклада еще господствовали в горной Шотландии и на Островах; они были насильственным образом сломаны в результате подавления англичанами нескольких гэльских восстаний, главным из которых было восстание 1745 года.

Кэмпбелл записал местное предание, сохранившееся на острове.

Перевод текста выполнен по изданию: *Waifs and Strays of Celtic tradition. Argyllshire series. № 5. Clan traditions and popular tales of the Western Highlands and Islands, collected from oral sources by Rev. John Gregorson Campbell. London, 1895.*

...был главою МакЛеанов... — МакЛеаны были одним из могущественных кланов горной Шотландии и Островов, которому принадлежали земли в графстве Аргайл; МакЛеаны господствовали на островах Малл, Тайри, Джура. Для понимания взаимоотношений между членами клана, восходящими к общему предку, необходимо учитывать, что «эти люди, звавшиеся „дети земли“, были ее собственниками; их глава был их неограниченным монархом» [71, р. 177]. Каждый такой «монарх» имел свой двор, при котором, «кроме толпы обычных слуг, были определенные должностные лица, немало делавшие для величия своего господина, а также для удовольствия его гостей и вассалов»; среди таких должностных лиц были квартирмейстеры, телохранители, оруженосцы и многие другие [84, II, р. 387, 391].

Англичане, разрушившие клановую систему, считали ее «враждебной миру и развитию промышленности»; называли такие ее пороки, как «рабское и нищенское положение простолюдинов», постоянные угоны скота и взимание оброка за покровительство вождя [93, р. IX].

Шотландцы смотрели на свой традиционный уклад другими глазами. Для них главное в клановой системе было то, что она основывалась на отношениях взаимозависимости — родственной, личной, хозяйственной, — которая предопределила жизнеспособность кланов [12, с. 156].

...вели с Ирландией торговлю... — Главным центром такой торговли источники называют остров Малл, где в начале августа, в древний кельтский праздник урожая, проходила самая большая ярмарка на Западных Островах. Сюда съезжались гости не только с Островов, но также со всей Шотландии и Ирландии. Ярмарка, как было заведено у гэлов с незапамятных времен, сопровождалась игрищами и весельем всякого рода. Иногда случалось и кровопролитие, так как в случае ссоры между членами разных кланов каждую сторону поддерживали носители той же фамилии [84, II, р. 405—406].

Хиниш — селение на острове Тайри, как и называемые далее Мосс и Балемартин.

Дом-на-Острове — резиденция МакЛеанов на Тайри, их «двор».

...ты умный человек... — Прозвище Лахлана «Фионн», будучи вариантом слова «Финн», может означать «светлый, мудрый».

...перед заходом солнца был на Айлее. — Остров Айлей находится на полпути между островом Тайри и северным побережьем Ирландии.

...положил голову... на край стола... — Здесь можно вспомнить, что в кельтской традиции часто встречаются повествования о говорящих или пророчесствующих отрубленных головах, так как «голова считаласьместилищем духа и жизненной силы человека и нередко представлялась в виде божества» [45, с. 261].

...пала замертво на крышку стола. — Мотив почти синхронной смерти любовников, а также родичей и супругов, хорошо известен по ирландским сказаниям. В средневековые романы о Тристане и Изольде этот мотив, как и сама фабула, тоже пришел из кельтской традиции. Смерть от разрыва сердца, можно предположить, была следствием чрезвычайной пылкости кельтов, которая проявлялась и в радости, и в горе. В ирландском сказании «Сватовство к Луайне и смерть Атирне» отец и два его сына домогались одной девушки, «и все же отказалась девушка возлечь с ними. Тогда спели они ей три песни поношения, что оставили на ее лице три нарыва — Стыда, Упрека и Позора, что были черного, красного и белого цвета. Тотчас испустила Луайне дух от стыда и позора» [45, с. 216].

Большой Девар с Балемартина — Очевидно, речь идет о каком-то местном разбойнике, похожем на Красного Эйхана Холмов (см. сказание «Принцесса Тайра из Ульстера и ее любовники» в наст. изд.).

САННТРАЙГ

ила на острове Саннтрайг жена пастуха, а у нее был котел. Каждый день за котлом приходила женщина из Мирного Народа. Придя, она обычно не говорила ни слова, а просто бралась за котел. Когда она забирала котел, хозяйка дома всегда приговаривала:

*Кузнец может сделать на углях
Холодное железо горячим.
За котел причитаются кости,
И обратно вернуть его целым.*

Женщина из Мирного Народа каждый день возвращалась с котлом, а в нем были мясо и кости.

Однажды хозяйка собралась перебраться на пароме к Замку Байле и сказала своему мужу: «Если ты поговоришь с женщиной из Мирного Народа как говорю я, тогда я поеду к

Замку Байле». — «О! Конечно, поговорю. Будь уверена, я все скажу как надо». Он остался дома и сучил веревку из вереска. Завидев идущую женщину и тень от ее ног, он испугался, запер дверь и прекратил работу. Когда она подошла к закрытой двери, он ей не открыл. Она ушла прочь. Котел дважды подпрыгнул, а с третьим прыжком выскочил на конек крыши.

Пришла ночь, а котел не возвратился. Жена вернулась с паромом, не увидела в доме котла и спросила: «Где котел?» — «Ладно, не важно, где он! — сказал муж. — Никогда меня не пробирал такой страх, как из-за него. Я запер дверь, и она больше не приходила». — «Никчемный негодник, что ты наделал! От этого будет скверно нам обоим — и тебе и мне». — «Она придет с ним завтра». — «Она не придет».

Жена заторопилась и ушла. Она пришла к холму, когда внутри никого не было. Это было после ужина, и все они где-то гуляли ночью. Она вошла, увидела котел и забрала его наверх с собой. Он был тяжел с обедками, что они оставили в нем. Когда человек, что притаился внутри холма, увидел, как она уходит, он сказал:

*Молчаливая женка, молчаливая женка,
Что сошла к нам с земли, где охотимся;
Эй, кто там на поверхности Брута, —
Спусти Черного и отцепи Свиного!*

Спустили двух собак; и не успела она далеко уйти, как услышала шум бегущих собак. Она сберегла обедки, что были в котле: если можно унести их с собой, — хорошо, а если догонят собаки, то можно бросить им. Она увидела собак, сунула руку в котел и бросила им четвертую часть еды. На какое-то время они отвлеклись.

Она снова их заметила и, когда они приблизились, бросила им другую порцию. Она спешила как могла, и когда уже была недалеко от дома, опрокинула котел вверх дном и оставила им все, что в нем было. Собаки из села принялись лаять, а собаки из *сида* остановились.

Женщина из Мирного Народа больше никогда не приходила за котлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Саннтрайг» — сказание из коллекции Дж. Ф. Кэмпбелла с острова Айлей. Это простая и вместе с тем многозначительная история, повествующая о «добрососедских» взаимоотношениях между людьми и фэйри, которые основываются на честном выполнении каждой стороной своих обязательств. Всякое нарушение, исходящее, как правило, от человека, влечет за собой весьма неприятные последствия.

«Раса холмов» в этой истории представлена довольно прозаически: она выходит на землю поохотиться и добытую на охоте дичь обычным образом готовит внутри холма.

Перевод выполнен по изданию: *Scottish fairy and folk tales / Selected and edited, with an introduction by Sir George Douglas, bart. London, 1896.*

Саннтрайг — один из мелких островков в составе Внешних Гебрид, в южной оконечности гряды.

...у нее был котел. — Котел в кельтской традиции, причем в ее наиболее древнем пласте, является одной из самых главных «чудесных вещей»: он «имеет силу давать жизнь, обеспечивать обильной пищей и даровать его обладателю редкую удачу. Им обладали боги и богини, но он потом снова и снова утрачивался. Скрываемый и снова находимый,

он пребывает в самом центре древних британских (которые были, в сущности, кельтскими) мистерий» [35, с. 19].

В ирландской традиции известен котел бога Дагда, принесенный вместе с другими чудесными вещами с неких островов на севере земли: «не случалось уйти от него людям голодными» [45, с. 33]. В традиции Уэльса знаменит котел богини Керидвен, в котором она варила эликсир мудрости для своего сына, — тот самый котел, испив из которого мальчик Гвион Бах стал впоследствии мудрейшим бардом Талиесином.

Мирный Народ — то же, что «добрые соседи»: сиды, фэйри.

Он остался дома... — Из повествования легко понять, «кто в доме хозяин». Ср.: «...В ирландской семье центральной фигурой является мать, отцы же занимают химерическую позицию... Психоналитики считают, что в ирландской семье среди мужчин распространен комплекс Эдипа и мазохистские тенденции» [26, с. 156].

Брут — вероятно, так сиды называли свой холм. Согласно древней традиции, записанной историками Неннием и Гальфридом, Британия получила свое имя по Бруту — выходцу из разрушенной ахейцами Трои [5, с. 17, 172].

Сид — в ирландской и шотландской традиции Чудесный Холм, в котором обитают одноименные сиды, т. е. фэйри. Слово «сид» этимологически означает «мир, покой». В ирландском сказании «Приключение Конлы Красного» девушка-фэйри объясняет королевицу: «Мы живем в большом *сиде*, отсюда мы прозваны Народом Сидов» [28, с. 15]. Современное произношение этого слова — «ши».

КУЗНЕЦ И СНЫ

Некогда жил в Кроссбриге кузнец по имени МакЭккерн. У него был единственный ребенок, мальчик лет тринадцати-четырнадцати, веселый, сильный и здоровый. Неожиданно он заболел, прилепился к своей постели и целыми днями хандрил. Никто не мог сказать, что с ним случилось, и сам мальчик не мог или не хотел сказать, как он себя чувствует. Он быстро исхудал, стал шуплым, сморщенным, желтым; отец и все его друзья боялись, что он умрет.

Наконец однажды, после того как мальчик пролежал в таком состоянии долгое время, не становясь ни лучше ни хуже, все время неразлучный с постелью, зато необычайно прожорливый, — однажды, когда кузнец, с грустью обдумывая все это, праздно стоял у своего горна и не лежало его сердце к работе, он был приятно удивлен, видя, что в его

кузницу заходит один старик, хорошо известный ему своей проницательностью и мудростью в необычайных вещах. Тотчас кузнец рассказал ему о происшествии, которое омрачило его жизнь.

Старик хмурился, когда слушал; и, после того как он долго просидел, размышляя надо всем что услышал, высказал такое мнение: «Тот, кого ты получил, — не твой сын. Мальчика утащили *сиды*, а вместо него они оставили *подменыша*». — «Увы! Что теперь мне делать?» — спросил кузнец. — «Как мне снова увидеть моего сына?» — «Я скажу тебе, как, — отвечал старик, — но сначала, чтобы увериться, что тот, кого ты получил, не твой сын, возьми побольше пустых яичных скорлупок, сколько сможешь раздобыть, пойди с ними в комнату, старательно разложи их у него на виду; затем возмись черпать ими воду и переносить их по две в руках, как если бы они были очень тяжелы, чтобы, когда закончишь, расположить их со всяческим старанием вокруг огня».

Послушавшись, кузнец собрал столько битой яичной скорлупы, сколько смог найти, пошел в комнату и делал все так, как его научили. Он не долго пробыл за работой — с постели раздался взрыв смеха, и мальчик, казавшийся больным, воскликнул: «Мне нынче восемьсот лет, а я никогда не видел ничего подобного!»

Кузнец возвратился и рассказал все старику. «Ну что ж, — ответил ему мудрец, — не говорил ли я тебе, что это подменш; а твой сын находится в Брорра-хейл, в самой глубине, — это круглый зеленый холм, облюбованный сидами. Избавься как можно скорее от этого втируши, и, думаю, я могу тебе обещать твоего сына.

Ты должен разжечь перед постелью, в которой лежит этот чужак, большой и яркий огонь. Он спросит тебя: «На что нужен такой огонь?» Сразу отвечай ему: «Ты сейчас увидишь!», а потом хватай его и бросай в самое пламя. Если тот, кого ты получил, — твой собственный сын, он взмолится о помощи, но если — нет, он вылетит сквозь крышу».

Кузнец вновь последовал совету старика: разжег большой огонь, ответил на заданный вопрос, как его научили, и, схватив ребенка, без колебаний швырнул его в огонь. Подмыш издал ужасный вопль и выскочил сквозь крышу в дыру для дыма.

Старик сообщил ему, что в такую-то ночь зеленый круглый холм, где сиды держали мальчика, будет открыт. И в эту ночь кузнецу, имея при себе Библию, нож и горластого петуха, следует приступить к холму. Он услышит звуки пения, танцев и всякого веселья, что происходит там, но он должен смело идти вперед. Библия, которую он понесет, будет ему верным оберегом против любой опасности от сидов. Входя в холм, ему следует воткнуть нож в порог, чтобы помешать холму закрыться за ним.

«И потом, — продолжал старик, — ты попадешь в просторное помещение, красивое и чистое, и там увидишь своего сына, стоящего поодаль и работающего у горна. Когда тебя спросят, скажи, что пришел, чтобы найти сына и не уйдешь без него».

Время прошло быстро, и кузнец отправился в путь, подготовленный так, как его научили. Действительно, когда он приблизился к холму, там был свет, — как изредка бывал виден и прежде. Вскоре после этого до встревоженного отца донес-

лись с ночным ветром звуки волынки, плясок и радостного веселья. Преодолевая страх, кузнец мужественно приблизился к порогу, воткнул в него нож, как было указано, и вошел. Защищенного Библией, которую он нес на груди, сиды не могли его тронуть; однако они спросили его с изрядной долей неудовольствия, что ему тут надобно. Кузнец отвечал: «Мне надобен мой сын, которого я вижу вон там в глубине, и я не уйду без него!»

Услышав это, вся ватага издала громкий смех, который разбудил петуха, дремавшего в его руках. Тот мигом вскочил ему на плечи, бодро захлопал крыльями и загорланил — громко и протяжно. Раздраженные сиды схватили кузнеца с его сыном, вытолкали из холма и вслед за ними вышвырнули нож; в одно мгновение все стало темно.

В течение одного года и одного дня мальчик ни разу не шевельнул пальцем и едва ли произнес хоть слово. Но вот однажды, сидя рядом с отцом и наблюдая, как тот довершает меч, который делал для одного вождя и над которым особенно корпел, — мальчик вдруг воскликнул: «Это нужно делать не так!» и, взяв оружие из рук отца, сам стал работать вместо него, и вскоре отделал меч так, что подобного ему в тех местах никогда еще не видели.

С того дня юноша постоянно работал вместе с отцом и стал изобретателем исключительного, прекрасно закаленного оружия, выделкой которого занимались оба кузнеца, отец и сын, трудившиеся не покладая рук. Слава о них распространилась вдаль и вширь, и теперь они могли жить так, как загадывали раньше, — в ладу со всем миром и очень счастливо друг с другом.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Кузнец и сиды» — история из коллекции Дж. Ф. Кэмпбелла с острова Айлей. Она целиком находится в русле кельтской традиции с ее представлениями о «расе холмов», то есть о сидах или фэйри и об их взаимоотношениях с людьми. Сюжет истории также традиционен и является в кельтском мире, что называется, «бродячим». Подобные истории можно было услышать в разных частях Ирландии и Шотландии вплоть до середины XX века.

Перевод выполнен по изданию: *Scottish fairy and folk tales / Selected and edited, with an introduction by Sir George Douglas, bart. London, 1896.*

Кроссбриг — местечко в графстве Аргайлшир, на западе Шотландии.

...вместо него они оставили подменыша. — Роберт Чэмберс писал: «...Хорошо известно, что у них в обычае регулярно воровать детей из люлек смертных матерей с целью воспринять их как собственное потомство, вскормить их в Чудесной Стране и сделать их частью сообщества фэйри... Эти приемные дети, вероятно, остаются среди них только в качестве друзей, платонических любовников или прислуги; и после нескольких лет испытания им позволяют вернуться на землю в лучшем виде, чем прежде, и пользоваться их дарами. Не следует забывать, что, когда они крадут детей, в люльку обычно кладется какой-нибудь из их собственных отпрысков» [57, р. 322—323].

Еще в древнеирландских «Историях о Монгане» рассказывалось, как ребенок, родившийся у жены одного короля от бога Мананнана, когда ему минуло три дня и три ночи, был унесен Мананнаном в Чудесную Страну, где воспитывался до двенадцати лет [46, с. 252].

Что же касается «подменыша», то он, как правило, всегда неприятен на вид и скверного характера.

...делал все так, как его научили. — Описанный способ разоблачения «подменыша» с использованием яичной скорлупы хорошо известен в гэльской традиции. Суть этого способа — провокация: абсурдность поведения хозяина должна спровоцировать «подменыша» произнести те самые слова, которые он произносит в данной истории, с признанием своего настоящего возраста. Почему при этом традиционно используется яичная скорлупа, трудно сказать.

...бросай в самое пламя. — Известно, что гэлы «сохраняли суеверное благоговение перед стихией огня; отсюда пословица, что от него не происходит вреда» [84, II, р. 452]. Очистительное и целебное действие костров, зажженных на праздники кельтского календаря, прежде всего — на Бельтан (1 мая), признавалось и использовалось еще в древней Ирландии.

...и выскочил сквозь крышу... — Джон Рамсэй в начале XIX века писал, что в некоторых местах Шотландии — в Морвене, Бредалбане и на острове Малл — пользовались другим способом избавления от «подменыша»: его относили на вершину близлежащего сیدا и оставляли там на всю ночь. Считалось, что это должно заставить фэйри забрать своего отпрыска и вернуть украденного ребенка. Некоторые холмы особенно часто посещали с этой целью [84, II, р. 434].

...воткнуть нож в порог... — «Считалось также, что феи испытывают сильное отвращение к железу, поэтому в случае крайней нужды этот металл использовался для защиты от них... В одной из легенд говорится, что некто, решивший пробраться в королевство фей, специально подпер железной палкой дверку тайного входа, чтобы та не захлопнулась за ним навсегда. Дело в том, что феи не могут прикасаться к железным предметам» [6, с. 262]. Отвращение фей к железу связано с тем, что люди с его помощью умерщвляют природу. Есть, однако, еще одно объяснение, на которое знатоков натолкнули частые

находки в горной Шотландии странных камней, похожих на треугольные наконечники стрел. Джон Френсис Кэмпбелл писал: «Кем были эти силы зла, которые не могли противостоять железу, эти фэйри, что стреляли стрелами из камня и являлись врагами человеческого рода? Не есть ли все это лишь смутное, зыбкое воспоминание о войне между людьми, которые обладали железным оружием, и расой, не имевшей его, — расой, следы которой находят по всей Европе?» [51, с. 35]. Так или иначе, в горной Шотландии считалось добрым знаком, если кому-то перед началом дела посчастливилось найти кусочек железа [84, II, р. 456]. Меч или другую железную вещь клали также под подушку роженицы, — как оберег от фей.

...работающего у горна. — Мальчик понадобился фэйри, чтобы работать с железом, которое они не переносят. Представление о том, что «чудесные мечи» и другое оружие кельтской традиции делается в Ином Море, является очень древним и живучим (см. примечание к сказанию «Гарри и женщины» в наст. изд.).

КАК СТАЛИ РАСТИ ВОЛОСЫ НА ГОЛОВЕ О'НЕЖА

ил раньше в Эрине один кузнец. Однажды, когда он работал в кузнице, зашел к нему юноша, с которым были две старые женщины. Он сказал кузнецу: «Я был бы тебе обязан, если бы ты одолжил мне на время мехи и наковальню».

Кузнец сказал, что согласен. Тогда юноша схватил двух старух, набросил на них посередке обруч, задвинул их в кузнечный огонь и стал дуть на них мехами; а затем он вытащил их и из двух старух сделал одну женщину, самую прекрасную из всех, что когда-либо видел глаз.

Когда кузнец укладывался спать, он сказал своей жене: «Сегодня в кузницу зашел человек, с которым были две старухи. Он попросил у меня на время мехи и наковальню и сделал из двух старух прекраснейшую женщину. И моя мать, и твоя мать теперь с нами; попытаюсь-ка я сделать из них двух

одну правильную женщину, ведь я видел, как это делают другие». — «Делай, — сказала жена, — я согласна».

На следующий день он взял двух старух, положил на них посередке обруч и задвинул их в кузнечный огонь. Не прошло много времени, как стало ясно, что ему не останется от них даже костей. Кузнец был в отчаянии, он не знал, что делать, как вдруг позади него послышался знакомый голос: «Ты в затруднении, кузнец, но я, может быть, тебя выручу». С этими словами юноша схватил мехи и стал что есть силы дуть на женщин; затем он их вытащил, положил на наковальню и сделал, как раньше, из двух старух прекрасную женщину.

Затем он сказал кузнецу: «Сегодня ты имел во мне нужду, но лучше ты найми меня; я попрошу у тебя только половину того, что заработаю и о чем с нами будет уговор». Кузнец его нанял.

В это время О'Нейл провозгласил, что ему нужен кто-нибудь, кто сможет заставить расти волосы на его голове (ибо было пусто на голове О'Нейла, как и на голове О'Доннелла, его брата), и что тот, кто сможет это сделать, получит четвертую часть его богатств.

Парень-работник пришел к кузнецу и сказал: «Нам стоит пойти и договориться с О'Нейлом, что мы сделаем его голову волосатой». И они пошли. «Скажи ему, — добавил парень, — что у тебя есть работник, который положит волосы ему на голову за четвертую часть его богатств».

О'Нейл был согласен, и они потребовали, чтобы им дали комнату и на большой огонь поставили котел. Было сделано, как они захотели. О'Нейла завели туда и распластали, привязав на столе. Парень-работник схватил топор, отрубил О'Нейлу голову и положил ее лицом вниз в котел. Через некоторое время он взял большую вилку, которая у него была, приподнял ею голову, — на

ней уже начали появляться волосы. Немного погодя он снова приподнял ее той же вилкой, — на этот раз прядь прекрасных желтых волос можно было обвить вокруг его руки. Тогда он вытащил голову окончательно и прикрепил ее к телу.

Когда О'Нейл увидел прекрасные желтые волосы, что лезли ему в глаза, он взмолился, чтобы работник поторопился и разрешил ему встать на ноги. Он сделал, как обещал: отдал кузнецу и работнику четвертую часть того, что имел.

Когда они шли домой и вели с собой скот, работник сказал кузнецу: «Теперь давай разделим скот пополам».

Кузнец не хотел на это соглашаться, но, поскольку таков был уговор, он получил лишь половину. Затем они расстались, и кузнец потерял одно животное за другим и не понимал, где он шляется, прежде чем попасть домой; из всего скота он не потерял одну только старую корову.

Когда О'Доннелл увидел волосы своего брата, он провозгласил, что отдаст третью часть того, чем владеет, всякому, кто сделает ему то же самое.

Кузнец решил, что попытается на сей раз сделать это в одиночку. Он пошел к О'Доннеллу и сказал, что положил бы волосы ему на голову так же, как его брату О'Нейлу. Затем он попросил, чтобы на большой огонь поставили котел, завел О'Доннелла в комнату, связал его на столе, поднял топор, отрубил ему голову и бросил ее лицом вниз в котел. Немного погодя он взял вилку, чтобы посмотреть, растут ли волосы, но вместо растущих волос увидел, что у головы вот-вот вывалятся челюсти. Кузнец почти лишился чувств и не знал, что делать, когда услышал за спиной голос: «Ты в затруднении?» Это вернулся тот парень с Черным Искусством, что прежде служил у него.

Он что есть силы подул на котел и взял вилку, чтобы посмотреть, как там голова и растут ли на ней волосы. Когда он посмотрел в следующий раз, волосы можно было обвить вокруг его руки. Потом прошло много времени, пока они там росли, и он сказал: «Мы сделаем их длинней еще на один оборот вокруг моей руки». Когда он снова проверил волосы, они достигали двух оборотов. Он вытащил голову из котла и прикрепил ее к телу. Она вскричала, чтобы ей поскорее дали встать, когда увидела свои желтые волосы, ниспадавшие на плечи.

Волосы О'Доннеллу понравились очень; они были еще обильнее, чем у О'Нейла, его брата.

Кузнец с напарником сполна получили то, что им было обещано, и по дороге к дому парень с Черным Искусством сказал: «Не лучше ли нам поделить скот?»

«Не стоит, не стоит, — сказал кузнец, — забирай его себе, с меня достаточно!»

«Ладно, — сказал тот, — если бы ты сказал это раньше, тебе не пришлось бы идти домой лишь с одной-единственной коро-вой». И еще добавил: «Ты возьмешь весь этот скот, я не возьму ничего».

Кузнец пошел домой со стадом и больше не нуждался в том, чтобы стучать молотом в кузнице; равно как и не встречался с тех пор ни с одним чародеем.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Как стали расти волосы на голове О'Нейла» — сказание из коллекции Дж. Г. Кэмпбелла с острова Тайри.

Кроме кузнеца, который довольно часто фигурирует в гэльских сказаниях, что связано с традиционным вниманием к представителям этого ремесла, — здесь мы встречаемся с другой «архетипической» фигурой, хорошо известной из гэльской традиции: фигурой «чудесного помощника». Помощник такого рода обычно дорого обходится своему хозяину, наказывая его за глупость и жадность. Между тем, по общему правилу, «склонные ко злу сверхъестественные создания всякого рода не могли причинить людям вреда до тех пор, пока последние, словом или делом, не отдавали себя им во власть» [102, р. 298].

Впрочем, наше сказание выдержано в другом духе и посвящено не столько злу и вреду, сколько наивному страстному эстетизму — характерной особенности кельтской расы.

Перевод выполнен по изданию: *Waifs and Strays of Celtic tradition. Argyllshire series. № V. Clan traditions & popular tales of the Western Highlands and Islands, collected from oral sources by Rev. John Gregorson Campbell. London, 1895.*

О'Нейл — один из вождей ирландского клана потомков короля Ниалла Глундуба (IX—X вв.). «О» с апострофом в ирландских фамилиях соответствует приставке «Мак» в шотландских фамилиях; и то и другое означает «потомок такого-то».

Жил... в Эрине... — Гэльские сказания без труда переносят свое действие в Эрин, т. е. в Ирландию, подобно тому как древние ирландские «повести» часто рассказывают об Альбе, т. е. Шотландии. Это объясняется тем, что Эрин, Альба и Острова были частями одной гэльской «ойкумены» (см. примеч. к сказанию «Братья-странники» в наст. изд.).

...если бы ты одолжил мне на время мехи и наковальню. — За всеми «чудесными кузнецами» гэльских сказаний стоит фигура Первокузнеца из Племена Богини Дану по имени Гоибниу (в Уэль-

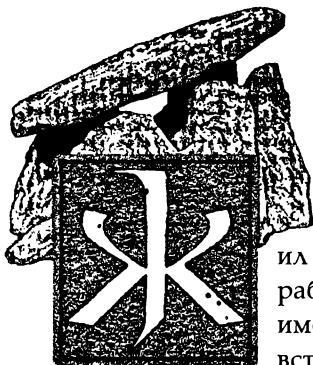

се — Гофаннон), который в свою очередь представляет какое-то еще более древнее общекельтское божество. Гоибниу, согласно традиции, даровал своим сородичам из Племени Богини Дану избавление от старости и смерти; он также считался великим врачом, — известны призывающие его заговоры от болезней [45, с. 258]. Связь кузнечного ремесла с ремеслом целительским, а также с магией и волшебством, хорошо известна не только в кельтской традиции. Кузнец в этой традиции принадлежит, как правило, к Иному Миру; он — «автор» различного чудесного оружия, которым владеют многие кельтские герои (см. примечание к сказанию «Гарри и женщины»). Он же, кузнец, выступает в роли хозяина иномирного по сути пиршественного зала, Дома Гостеприимства, яства и питье в котором делают гостей причастными к Иному Миру.

Таким образом, для того, кто попросил у своего собрата по ремеслу мехи и наковальню в нашем сказании, сделать все то, что он сделал, было вполне естественно.

...на большой огонь поставили котел. — «Мифы об использовании котла в целях омоложения довольно часто встречаются в мировом фольклоре. Вспомним русскую народную сказку в переложении Ершова „Конек-Горбунок“, в которой Царь-Девушка ставит три котла для омоложения царя» [37, с. 195]. В кельтской традиции, с ее всегдашней оглядкой на Страну Вечной Юности, с ее культом чудесных котлов и кузнецов из Иного Мира, все эти мотивы звучат наиболее органично.

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ПОДКОВАЛИ

ил в свое время хозяин, который держал двух работников; звали их Домнал и Шеймас. Они имели обыкновение спать в сторожке. Домнал вставал совершенно разбитым, жалуясь каждое утро, что его кости так болят, что он не может повернуться. День ото дня он чах. Шеймас изумлялся тому, что приключилось с его приятелем, который ни на какую болезнь, ни на что не жаловался, кроме своих костей. Домнал обычно спал на внешней стороне кровати, а Шеймас — на внутренней, которая ближе к стене. Однажды ночью Домнал сказал Шеймасу:

— Не поспишь ли ты этой ночью на моем месте? Я совсем не высыпаюсь там.

— Да, это видно, — сказал Шеймас.

Они поменялись местами, и Домнал спал на внутренней стороне кровати вместо Шеймаса. Он лежал в полусне, когда

услышал, что дверь открыли, и он увидел, как входит не кто-нибудь, а хозяйская жена с лошадиной уздой. Она потрясла уздой перед лицом Шеймаса, который спал на кровати снаружи, и сказала два-три слова. Шеймас превратился в коня и выскочил из кровати, а она положила ему на голову узду и ушла с ним прочь.

«Честное слово, — сказал себе Домнал, — вот что, должно быть, случилось со мной. Неудивительно, что я был несчастен!»

Перед рассветом хозяйская жена вернулась с Шеймасом обратно, сняла с его головы узду, и он стал человеком, каким был прежде, спящим на кровати. Поутру, когда пришло время вставать, Домнал стал его будить. Едва Шеймас попытался шевельнуться, он сказал:

— Господи помилуй, я не поднимусь, я не в силах это сделать! Мне конец.

— Что стряслось?

— Не знаю, думаю, все кости в моем теле переломаны. Если ты переносил такое каждой ночью, когда тут спал, неудивительно, что ты несчастен.

— Ну, — сказал Домнал, — может быть, и так; впрочем, одна ночь не сделала бы это. Здесь вокруг, должно быть, какая-нибудь нечисть. Однако мы все равно должны вставать.

Они встали и отправились работать. На следующую ночь, когда они ложились спать, Домнал спросил:

— Не поспишь ли этой ночью на моем месте?

— Конечно нет, и завтрашней тоже, — сказал Шеймас, — и я тебе не завидую, что ты будешь там спать.

— Ладно, переночую как-нибудь.

Они легли, но Домнал не думал засыпать и старался держаться настороже. Он себя щипал, чтобы не заснуть. Затем он услышал, как входит хозяйская жена. Она вошла с уздой и потрясла ею перед его лицом, проговорив те же самые два-три слова. Домнал превратился в коня и выскочил из кровати, бодрствуя на этот раз. Они вышли, и она поскакала на нем по-над морем; и они приехали к одному острову, где стояло большое здание, и уйма таких же проклятых созданий, как она сама, предавалась там всякого рода бесчинствам. Она сняла узду с головы Домнала, и, когда она это сделала, он стал человеком, каким был прежде. Там было полно других, таких, как он, — они стояли и спали, похожие на изваяния.

Домнал подглядел, куда она положила узду, пошел и завладел ею, а когда сборище расходилось, он встал у двери. Как только вышла хозяйская жена, он потряс уздой перед ее лицом и произнес слова, которые она говорила ему, и она перед ним превратилась в серую пони. Он возложил на нее узду и вскочил ей на спину. Когда они пересекали море, она спросила, надеясь, что он скажет что-нибудь набожное:

— Что ты сказал, когда затворял дверь?

— Скачи, чертовка!

— Что ты сказал, когда вставал утром?

— Скачи, чертовка!

Когда они добрались до суши и приехали к хозяйскому дому, Домнал погнал ее к кузнице, которая там была и куда они всегда ходили. Кузнец спал. Домнал разбудил его, крича, чтобы он вставал.

— Что стряслось? — спросил кузнец.

— Вставай быстрее, чем когда-нибудь вставал, и подкуй эту пони для моего хозяина, ему сегодня уезжать.

— Чертово семя, — сказал кузнец, — ты и твоя лошадка! Не время заявляться сюда подковывать пони!

— Мой хозяин до последней минуты не знал, что ему уезжать, — сказал Домнал, — вставай быстрее, чем когда-либо!

Кузнец поднялся и начал разводить в кузнице огонь, а Домнал привел пони. Кузнец взглянул на нее и сказал:

— Откуда ты взял эту пони? Раньше я никогда ее не видел.

— Черт побери, я прошу тебя подковать, а не обсуждать ее!

Кузнец начал накладывать на нее подковы. В то время как он ее подковывал, у нее из глаз струились слезы.

— Ну и ну, — сказал кузнец, — никогда не видел такой нежной твари. Посмотри, как льются слезы у нее из глаз!

— Пусть черт заставит тебя самого плакать, если не поторопишься! — сказал Домнал.

— Теперь уходи вместе с ней, — сказал кузнец, — и идите вы оба в пекло. Я от нее отделался.

Домнал на ней уехал, высекая подковами искры из горной дороги. Приехав, он снял с ее головы узду, она стала женщиной, какой была прежде, и ушла в хозяйский дом. Домнал пошел в сторожку.

Утром, когда они встали и направились в конюшню, вошел не кто-нибудь, а хозяин, плачущий и причитающий, что его жена при смерти.

— Что с ней стряслось? — спросил Домнал.

— Ох, она умирает, ей конец.

— Неужто так плоха?

— Точно так, — сказал хозяин.

— Ладно, я сам хотел бы ее осмотреть, покуда она еще жива.

— Тогда ты можешь зайти.

Домнал зашел вместе с хозяином. Хозяйская жена лежала лицом к стене.

— Ты выглядишь очень скверно, — сказал Домнал.

— Держись от меня подальше, — сказала она.

Домнал подошел, сунул руку под покрывала и, ухватив под локоть, вытащил ее руку наружу. На ее ладони была лошадиная подкова.

— Видишь это? — спросил Домнал, повернувшись к хозяину.

— Вижу, вижу! — сказал хозяин.

Ее схватили за ноги и вытянули их из-под одеяла. На каждой ее ступне была лошадиная подкова, равно как и на каждой ее руке.

— Это четыре подковы, которые я положил на нее прошлой ночью, — сказал Домнал. — Неудивительно, — сказал он ей, — что ты сделала меня несчастным, пуская вскачь каждую ночь, но вот что я сделал тебе в отместку!

— Ладно, — сказал хозяин жене, — больше ты не сделаешь ничего такого, сбежать тебе не удастся!

Ничего не оставалось, кроме как схватить ее, развести костер и бросить ее туда. Она была сожжена. Так обходились с ведьмами всякий раз, когда их удавалось обнаружить. Сожжение было карой, которой их в конце концов подвергали.

Потом с Домналом по ночам было все в порядке, и он работал на хозяина долгое время после того, как жена-ведьма была сожжена.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Женщина, которую подковали» — история, записанная в 1949 году от девяностолетнего жителя острова Южный Уист, Энгуса МакЛеллана (см. примечания к сказанию «Гарри и женщины» в наст. изд.).

Замечательно, что мысли, чувствования и представления, отразившиеся в этом сказании, мало изменились у гэлов — обитателей Западных Островов и горной Шотландии — за последние три-четыре века.

Перевод выполнен по изданию: *Stories from South Uist / Told by A. MacLellan; Transl. by J. L. Campbell. London, 1961.*

...превратился в коня... — «Лошадь, или пони, в Британии была священным животным с доисторических времен... Саксонцы и датчане почитали лошадь точно так же, как и их кельтские предшественники, а запрет на употребление конины в пищу сохранился в Британии до сих пор в виде сильнейшего к ней отвращения» [7, с. 149]. К этому нужно добавить, что культ лошади, а точнее, Великой «конской» богини (Эпоны, Рианнон и др.), — общекельтский и хорошо прослеживается не только в древней Британии, но и в Ирландии, Галлии и остальной кельтской Европе. Колдовство, связанное с лошадью или с образом лошади, уходит корнями в этот общекельтский культ; оно могло питаться и «великой традицией религиозного зооморфизма, существовавшей у кельтов» [27, с. 214]. Кроме того, если учесть, для чего чародей или чародейка использует человека, обращенного в лошадь, то вспоминается, что «для лошади возможна мифологическая роль демона, связанного с загробным миром. Скакун может вызывать представление о путешествии в потусторонний мир и фигурировать как проводник душ в кельтских святилищах юга Галлии. Равным образом лошадь связана с волнами моря, которых она не боится, которые скачут, как она» [49, с. 223].

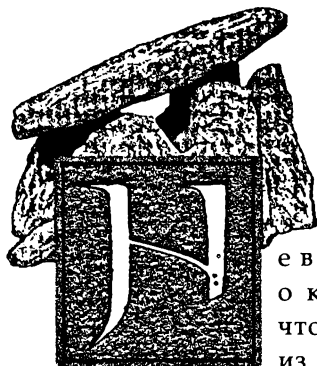

Колдунья, овладевшая человеком, превращенным в лошадь, и скачущая на нем, уподоблялась какой-нибудь древней «конской» богине — Эпоне или Рианнон, — неразрывно связанной с лошадью. Подобные деяния колдуний часто фигурировали на ведьмовских процессах, проходивших на севере Британии в XVI—XVII веках. Роберт Грейвс, например, пишет: «Этот магический обычай сохранился на севере Англии в культе колдуний. В 1673 году нортумбрийская колдунья Анна Армстронг призналась на суде, что ее повелительница Энн Форстер из Стокфилда превращала ее в лошадь, набрасывая на голову уздечку, и скакала на ней верхом на колдовской шабаш в Райдинг-Милл-Бридж-Энд» [7, с. 151]. Интересно, что и последняя ведьма, сожженная в Шотландии (в 1722 г.), обвинялась именно в том, что «превратила свою дочь в лошадь и подковала ее с помощью не кого иного, как самого воплощенного дьявола» [92, р. 225].

...и они приехали к одному острову... — Полет над морем к обиталищу фэйри, расположенному на острове, описан также в валлийской поэме 1703 года, автором которой был поэт Эллис Винн (см. примечание к «Делу Бесси Данлоп»).

Скачи, чертовка! — Весь этот эпизод с полетом над морем тоже весьма напоминает одну старинную историю о чародее Микаэле Скотте, который летал в Париж на демонической лошади. В ней говорится: «Когда они перелетали через Ла-Манш, лошадь сбавила ход и спросила своего седока: „Что бормочут старые женщины в Шотландии перед тем как пойти спать?“ Но кудесника было трудно застигнуть врасплох. Если бы он ответил: „Отче наш“, это дало бы повод демону сбросить его в море. Вместо этого он ответил весьма твердо: „Что тебе за дело? Поднимайся, дьявол, и лети!“ Перемудренному таким образом демону пришлось продолжать свой полет» [80, р. 88].

МАКДОМНАЛЛ ДРЧРИСТ

е в моей это власти — назвать имя человека, о котором я собираюсь рассказать, потому что очень уж давно он жил; однако был он из клана МакДомналлов. Он жил в то время, когда вожди клана МакКензи только что стали господами над Гайрлохом, и жилище его было у Инбер-Асдайл в Гайрлохе.

Этот МакДомналл был человек, который получал великое наслаждение от рассказов о Фианне.

Однажды зимней ночью, когда он сидел у очага, в его дом пришел один бедный человек, который спросил, можно ли ему остаться на ночь. Как то было в обычае у гэлов, МакДомналл ему разрешил. Когда странник уселся, хозяин сразу же начал выспрашивать у него новости и допытываться о Фианне. В самом начале разговора МакДомналл получил от

него рассказ о Фианне, какого никогда не слышал прежде; не успела беседа как следует затянуться, как хозяин пожелал узнать имя собеседника. Странник ответил, что его имя — Макмиллан Арфист.

Такое имя не могло не изумить хозяина, и очень сильно; но так или иначе, ни один из них не пошел спать, пока не рассвело, — Макмиллан Арфист всю ночь напролет рассказывал предания о фениях.

До конца зимы он оставался в доме МакДомналла и каждую ночь наговаривал новую повесть о Фианне. Так и продолжалось, покуда не пришла весна с весенними работами и пахотой. К концу каждой борозды у Макмиллана был готов новый рассказ о фениях. Всякий раз, когда он рассказывал МакДомналлу об их мужестве и отчаянных приключениях, тот говорил: «Как жаль, что я не жил в то время; уж я бы все бросил и последовал за ними».

Поскольку МакДомналл в течение дня обычно работал, к ночи он уставал. Так что Макмиллану Арфисту приходилось одному выгонять вечерами лошадей, и он шел с ними до Большого Ручья у Лох Дринг, к старой стоянке фениев. Была у него привычка через раз оставаться там на ночь ждать, пока не наступит день, и тогда возвращаться; и обычно в этот день он приносил какую-нибудь новую повесть о Фианне. А МакДомналл всегда повторял одни и те же слова: «Как жаль, что я не жил в то время, когда мог бы лицезреть их».

Наконец Макмиллан сказал ему: если он уверен, что сможет выдержать, взирая на фениев, тогда они пойдут вместе этой самой ночью, и он позволит ему увидеть их наяву.

Тем же вечером, согласно уговору, они вместе отправились выгонять лошадей. Они оставили животных в Ахад-на-Фейте, сами же пошли гораздо дальше, к Фейт Мор.

Когда они уселись, Макмиллан сказал МакДомналлу: «Однако я очень боюсь, что ты настолько слаб духом, что не сможешь вынести их вида». МакДомналл отвечал, что он настоящий мужчина и сможет выдержать это. На это Макмиллан сказал ему: «Положи ко мне свою голову, чтобы я мог перевязать ее». И он перевязал ее — крепко и надежно.

Затем он издал свист, отчего задул ветер, — и какой ветер! МакДомналлу показалось, что его голова раскололась на куски.

После этого Макмиллан его спросил, может ли он поднять свою голову. МакДомналл отвечал, что может. Макмиллан дунул еще раз, потом еще, пока наконец от головы МакДомналла почти ничего не осталось. Затем Макмиллан позволил ему оглядеться.

Вот МакДомналл поднял голову и оглядел ровный склон, что лежал перед ним; и тогда он действительно увидел приближавшихся людей, вооруженных до зубов, — и что это были за люди! И с ними на привязи шли их гончие, — и что это были за гончие! Они двигались прямо на него, и какое-то время МакДомналл пристально вглядывался в них, но, когда они приблизились, он начал падать в обморок, а затем, совсем потеряв сознание, погрузился ненадолго в глубокий сон, ибо видение было столь устрашающим, что он был не в силах выдержать его.

Когда он очнулся от обморока, никого рядом не было, кроме Макмиллана Арфиста, который плакал над ним и лил воду ему на лицо.

«Увы! несчастный человек! — сказал Макмиллан. — Какую великую потерю ты понес через то, что не был способен выдержать разговора с этими героями! Знай теперь, что это были герои, которые никогда не придут опять, — никогда, помани их пальцем ты или даже я!»

Затем они поднялись и, мрачные, печальные, отправились домой. По дороге Макмиллан говорил одно и то же: «Увы тебе, несчастный человек, что ты не был способен выдержать разговора с этими героями. Ибо они наградили бы тебя даром удачи — и в красноречии и в охоте — даром, от которого произошло бы великое благо как для тебя, так и для твоих потомков».

Затем они пришли домой; говорят, что несколько дней спустя Макмиллан Арфист умер. Прежде чем умереть, он вырос до исполинских размеров: стал так велик, что его голова достигла одного конца амбара, где он обычно спал, а ноги — другого. Было невозможно поднять его и вынести из амбара; так что его разделили на четыре части, дабы вытащить наружу и похоронить. Вот как МакДомналл похоронил его тело, сделав это как можно лучше.

Когда *лэрд* Гайрлоха услышал о его смерти, он сказал, что, если бы знал, что тот умирает, на похороны пошло бы больше денег; ведь имя, которым он себя назвал, было не настоящее, ибо он был вовсе не Макмиллан Арфист, а Бьолар Уассал, сын Финна.

Все, что еще сохранилось в Гайрлохе из повестей о Фианне, взято из остатков того, что собрал этот МакДомналл. Следует упомянуть, что тело Макмиллана Арфиста находится в Инбер-Асдайл, захороненное под небольшим холмом, что располагается

на земле, примыкающей к школе, — к северо-востоку от здания. Поэтому холм и по сей день зовется Холмом Макмиллана.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Макмиллан Арфист» — сказание из коллекции Кэмпбелла с острова Айлей. Записано оно в Гайрлохе, графство Россшир, от некоего бродячего кузнеца по имени Домнал МакДомналл (Дональд МакДональд).

Сказание возвращает нас к тематике текстов, посвященных фениям и Финну. Все представления о них, присущие гэльской традиции, в том числе об их неотразимом облике и сверхъестественных возможностях, нашли отражение и здесь, что лишний раз подтверждает живучесть традиции.

Чтобы не повторяться, мы не комментируем заново то, что уже известно читателю из примечаний к «Великому бедствию фениев», «Гарри и женщинам» и «Скале Кузнеца на острове Скай».

Перевод текста выполнен по изданию: *More West Highland Tales. Transcr. and transl. from original Gaelic by J. G. McKay. Edinburgh; London, 1940. Vol. 1.*

Макмиллан Арфист — Характерная особенность кельтской традиции в том, что «и в архаических текстах, и в народных сказках прекрасная музыка выступает как один из главных атрибутов Иного Мира» [46, с. 154]. Что касается арфы, то она, будучи излюбленным инструментом бардов с самых древних времен, рассматривалась в традиции как нечто необычайно магическое [76, I, р. 471]. В ирландском сказании «Битва при Маг Туиред», например, так говорится об

арфе, принадлежавшей одному из богов Племени Богини Дану: «Тогда сошла со стены арфа и, поразив девятерых, приблизилась к Дагда. Три песни сыграл он, что знают арфисты, — грустную песнь, сонную песнь и песнь смеха. Сыграл он им грустную песнь, и зарыдали женщины. Сыграл он песнь смеха, и женщины вместе с детьми веселились. Сыграл он дремотную песнь, и кругом все заснуло...» [45, с. 48]. В сказании «Разрушение Динн Риг» сообщается об известном в традиции арфисте по имени Крайптине, который был «пограничной» природы: осаждавшие одну крепость ирландцы не решились «идти на приступ и надумали послать Крайптине на крепостной вал, дабы сыграл он врагам дремотную песнь и уложила бы их всех арфа Крайптине... Так и было сделано. Погрузились от той музыки воины в сон, а враги вошли в крепость, учинили побоище и разрушили ее» [45, с. 143].

Об арфах такого же рода повествует и гэльская традиция Шотландии. Один вождь

*...имел арфу с музыкой, нежно звучащей,
Игравшую сладостные мотивы и дремотные мелодии,
Столь сладостные, что ни в чудесных холмах и пригорках,
Ни в чудесных пещерах под волнующимся морем,
Ни в жилище Мананнана даже, —
Не звучало колыбельных более прекрасных.
Раненые погружались от них в крепкий сон,
Также женщины в родах и прекрасные девицы...*

[76, I, p. 471].

Макмиллан Арфист из нашего сказания — персонаж явно иномирный, значится в полном варианте своего имени как «посвященный арфе, слуга арфы»; он прикреплен к арфе, как джинн к лампе Аладдина [76, p. 470—471].

...когда вожди клана МакКензи... стали господами над Гайрлохом... — Возвышение клана МакКензи (см. примечание к «Принцессе Тайре ...» в наст. изд.) шло одновременно с ослаблением клана МакДомналлоу (МакДональд) и за счет него. МакДомналлоу (МакДональды) в Средние века владели большей частью Западных Островов и графством Росс; последнее было отторгнуто у них королем в XV веке; МакКензи считались вассалами МакДональдов, однако с конца XV века вплоть до конца XVII века они оставались господствующим кланом на севере горной Шотландии, в том числе в Гайрлохе, графство Росс [91, р. 177]. Время действия сказания, вероятно, — XVI век.

Гайрлох — См. примечание к тексту «Уйсден Мор и Желтая Безрогая Коза» в наст. изд.

Инбер-Асдайл — местечко в Гайрлохе («инбер» означает «устье»).

Как то было в обычае у гэлов... — Горцы, как писал в начале XIX века Джон Рамсэй, «сохраняют патриархальные обычаи своих предков в великой чистоте. В отдаленных графствах, в стороне от военных дорог, путник будет принят с гостеприимством, достойным прадедовских или героических времен. Звание странника дает ему право на дружеский прием, если он приходит не донимать или грабить хозяев. Дворянство угощает его лучшим, что у них есть, провожает его от места до места, и он едва ли минует усадьбу без того чтоб быть напоенным и накормленным; простолюдины также не желают от него ничего взамен, кроме новостей и горсти табаку. <...> Одним словом, гостеприимство рассматривается горцами как перво-степенная добродетель; и тот, кто закрыл бы дверь перед малейшим из путников, не только лишился бы уважения своих соседей, но и рисковал быть дурно принятым везде, где он или его история стали бы известны» [84, II, р. 396—399]. См. также примечание к «Плачу Мэри МакЛеод».

...всю ночь напролет рассказывал предания о фениях. — Подобные рассказы издавна было принято вести именно зимними ночами, «от Самайна до Бельтана», у горящего очага. В древнем ирландском тексте, записанном еще в VIII веке, ученый поэт Форгалл рассказывает королю Монгану каждой ночью по одной истории о Фианне, и «так велик был его запас, что они длились от Самайна до Майского дня» [28, с. 219]. Предания о Финне и его фениях были важнейшей частью запаса гэльских сказителей Ирландии и Шотландии. Сами сказители верили, что «дьяволу никак не удавалось проникнуть в один дом, потому что там исполнялись сказания о Фианне» [46, с. 20].

Большой Ручей у Лох Дринг — Лох Дринг находится в Гайрлохе; здешние места, если верить традиции, часто посещались фениями. Ирландская традиция подтверждает, что Финн и его дружина навещались в Альбу, т. е. в Шотландию. Согласно одной из версий, в упомянутом Большом Ручье фении хранили свой котел [76, р. 464]. Одно из озер в Гайрлохе так и называется Озером Финна.

...в этот день он приносил какую-нибудь новую повесть о Фианне. — Комментатор сказания пишет, что Макмиллан Арфист, без сомнения, проводил там ночи для того, чтобы иметь сообщение со своими друзьями-фениями и слушать от них те самые «повести», которые днем он пересказывал хозяину [76, р. 471—472].

Лэрд (шотл. вар. «лорд») — властитель Гайрлоха из клана МакКензи.

Бьолар Уассал, сын Финна. — Хотя самым известным сыном Финна был Ойсин, традиция иногда называет и других фениев сыновьями Финна; это неудивительно, ибо подсчитано, что «за свою жизнь Финн был близок с семнадцатью женщинами» [46, с. 224], причем многие из них были сидами. О Бьоларе Уассале (что значит «Благородный горчичник») больше ничего не известно. То, что этот

персонаж прожил, судя по сказанию, многовековую жизнь, для гэльской традиции — обычное дело: точно так же рассказывалось о самом Финне, который возродился в образе короля Монгана; о сыне Финна, Ойсине; о знаменитом фении по имени Кайлте Быстроногий [28].

КАМЫШКА

амышка была дочерью короля, и ее отец захотел, чтобы она вышла замуж; однако ей не понравился муж.

Ее отец сказал, что она должна его взять, и она не знала, что ей делать. Тогда она пошла к птичнице, чтобы спросить об этом у нее. И птичница сказала: «Ты скажи, что не возьмешь его, если тебе не дадут платье из чеканного золота». Ладно, дали ей платье из чеканного золота; но она не захотела ради этого взять мужа. Тогда она снова пошла к птичнице, и та сказала: «Ты скажи, что не возьмешь его, если тебе не дадут платье, сделанное из перьев всех птиц небесных». Тогда король послал ее мужа с большой кучей зерна; и муж закричал всем птицам неба: «Птица всякая, клюй зернышко, клади перышко». Тогда все птицы склевали по зернышку и положили по перышку; перья собрали, сделали из них платье и

дали его королевне. Но она не захотела ради этого взять мужа. Ладно, пошла она снова к птичнице и спросила, что ей делать; и птичница сказала: «Ты скажи, что не возьмешь его, если тебе не дадут платье из камыша и пару босоножек». Ладно, дали ей платье из камыша и пару босоножек; но она не захотела ради этого взять мужа. Тогда она снова пошла к птичнице, и та сказала, что больше ей ничем помочь не может.

Ладно, она оставила отцовский дом и пошла далеко-далеко, не могу сказать, как далеко; и пришла она к дому одного короля и вошла туда. У нее спросили, чего она ищет, и она сказала, что ищет работу. И ей дали работу: послали на кухню мыть посуду, убирать грязь и все такое. А когда наступило воскресенье, все пошли в церковь, а ее оставили дома готовить обед.

И вот пришла к ней одна фея и велела ей надеть ее платье из чеканного золота и идти в церковь. Она же сказала, что не может пойти, потому что должна готовить обед. Фея велела ей идти, сказав, что приготовит обед за нее. Еще она сказала:

*Торф, смотри, чтоб торф горел,
Вертел — сам себя вертел,
А котел себе кипел.*

Пусть Камышка идет сегодня в церковь.

Тогда Камышка надела свое платье из чеканного золота и пошла в церковь. И сын короля влюбился в нее; но она ушла домой раньше, чем кончилась служба, и он не смог узнать, кто она была. И когда она пришла домой, она нашла обед готовым, и никто не узнал, что она отлучалась.

Ладно, в следующее воскресенье фея пришла снова и велела ей надеть платье из перьев всех птиц небесных и пойти в

церковь, а она приготовит обед за нее. Тогда Камышка надела платье из перьев и пошла в церковь. И она ушла оттуда раньше, чем кончилась служба. Когда сын короля заметил ее уход, он тоже ушел, но не смог узнать, кто она была. А она пришла домой, сняла платье из перьев и нашла обед готовым; и никто не узнал, что она отлучалась.

В следующее воскресенье фея к ней пришла, велела ей надеть платье из камыша и пару босоножек и опять пойти в церковь. Ладно, она все так и сделала. На этот раз сын короля сел около дверей, и когда он увидел, что Камышка ускользает раньше, чем кончилась служба, он тоже выскользнул и схватил ее. Она вырвалась от него и побежала домой, но потеряла одну из своих босоножек, а он ее поднял. И он кликнул клич по всей стране, что, если босоножку сможет надеть какая девушка, он на той женится.

И вот все женщины двора попробовали надеть босоножку, и она не подошла ни одной из них. Пришла старая птичница и привела свою дочь, чтобы та попробовала ее надеть. Она ужимала свою ногу и ломала свою ногу и надела-таки ее. Тогда сын короля собрался жениться на ней. Взял он ее и поехал жениться; он ехал верхом, а она сидела позади него. И они заехали в лес, где на дереве сидела птица, и когда они проезжали, птица молвила:

*Ножка-ломака, корёжка
За королевичем скачет,
А ножка-красотка, хорошка
За котлом себя прячет.*

И когда сын короля услышал это, бросил он прочь дочку птичницы, приехал обратно домой, посмотрел за котлом и

нашел там Камышку, плачущую о своей босоножке. Он примерил ей босоножку, и она ей прекрасно подошла. Тогда он женился на ней.

*Они жили счастливо-пресчастливо,
И никогда их кубок не бывал сухим.*

ПРИМЕЧАНИЯ

«Камышка» (в оригинале — «Камышовая одежда») и следующая сказка «Квакун», которыми мы завершаем наше собрание текстов, взяты из коллекции Роберта Чэмберса под названием «Нянины сказки у очага». Обе сказки основаны на древних «бродячих сюжетах»: так, «Камышка» — это шотландский вариант «Сандрильоны», «Золушки». Вместе с тем эти незамысловатые сказки несут, как нам кажется, печать неповторимого кельтского своеобразия. В самом деле: и Камышка и героиня «Квакуна» — девицы, возросшие на шотландской земле; их можно отличить от их «сводных сестер» из сказок Франции, Германии, Италии и даже соседней Англии. (Нужно отметить, что англичане часто считают исконно шотландские сказки своими.)

Кроме того, как многие сказки вообще, «Камышка» и «Квакун» имеют корни и архетипы в более древней мифологической традиции. Поэтому читатель не удивится тому, что к детским сказкам даются «глубокомысленные» комментарии.

«Камышка» происходит из графства Файф в южной Шотландии, «Квакун» — из графства Дамфришир; эти сказки рассказывались в том виде, как они представлены здесь, во второй половине XVIII века. Их «источник» — шотландские нянюшки, хранившие устную традицию прежних веков.

Перевод обоих текстов выполнен по изданию: *Chambers R. Popular rhymes of Scotland. Edinburgh; London, 1870.*

...отец захотел, чтобы она вышла замуж... — Из этого можно было бы заключить, будто в Шотландии отцы имели неограниченную власть над чувствами своих детей. «Но едва ли существует страна, где родительский авторитет был бы более пассивным, чем там. Люди женятся очень рано и без большой оглядки на обстоятельства; и отсюда их союз обычно бывает результатом взаимного влечения» [84, II, p. 420]. Эти строки были написаны в самом начале XIX века, но отражают, вероятно, традиционный порядок вещей. Интересно, что в России XIX века этот порядок был превознесен, например, в одной журнальной статье, посвященной поэту Бернсу. Там, в частности, написано: «Уставши от дневных трудов, земледелец Шотландский идет к хижине той, которую он любит; дерзкой любви его не устрашает ничто... Так прелестная сцена Ромео и Юлии, вошедшая в народный обычай Шотландских пастухов, беспрестанно повторяется в этом холодном климате, у этого народа, который мы называем варварами» [40, с. 198—199]. Наконец, чтобы картина была полной, приведем достоверное известие, также почерпнутое из русской периодики XIX века: «На шотландской земле находится деревня Гретна Грин, известная заключаемыми в ней супружествами. В Англии запрещено несовершеннолетним вступать в супружество без согласия родителей; и если какая чета встретит такое затруднение, то тихонько приезжает в сию деревню и здесь беспрепятственно венчается; тут уже не спрашивают согласия родителей, а только клятвенного уверения жениха и невесты, что они не состоят в супружеских связях с другими. Заключенные таким образом в сей шотландской деревеньке супружества признаются в Англии законными» [11, с. 214].

...однако ей не понравился муж. — Все это очень напоминает историю сватовства Финна, сына Кумала, к Грайне, дочери ирландского короля Кормака, которой Финн «до тошноты» не нравился: «она сказала, что не станет спать с Финном, если ей не принесут свадебный дар, который она от него потребует... она не примет от него иного дара, но только пусть к ней приведут в одном стаде по паре всех диких животных, которые есть в Ирландии». Когда Финн выполняет это условие, Грайне жалуется своему отцу, что ненавидит Финна так, что «все жилы ее тела вздулись» [73, р. 458—461].

Кельтские женщины обладали слишком свободным и волевым характером, чтобы им можно было навязать кого-либо в мужья. Они сами выбирали своих возлюбленных, а выбрав, забирали их: так поступила та же Грайне, заставив бежать вместе с ней от Финна племянника последнего, Диармайда (см. «Преследование Диармайда и Грайне» [14]). Всему этому имеется даже солидная «юридическая» параллель: в древнеирландских законах «упомянуты женщины, которые выставляют трудное условие, то есть полагают, что силой их не возьмешь, ибо они могут постоять за себя, и потому бросают вызов: «Вот победи меня, — тогда я лягу с тобой!» Они требуют за себя чудесного или трудного приданого, например, матрас, набитый струнами для арфы, пригоршню блох» и т. д. и т. п. [46, с. 307].

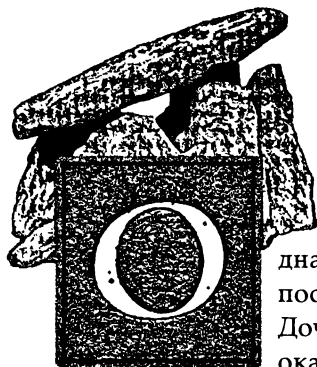
...она оставила отцовский дом и пошла далеко-далеко... — Эта шотландская «Золушка» на самом деле — «родная сестра» т. н. блуждающих героинь из древних ирландских сказаний, которые обходят страну, соединяясь поочередно с разными королями. Особенно она напоминает одну из них, по имени Суитхерн: будучи изгнана, или сама убежав из дома (точно не известно), та отправилась на поиски своего возлюбленного, причем в облике прокаженной. Сбившись с пути, она забрела во дворец к одному королю и осталась при нем в роли

«Золушки». Королева подбила своего мужа переспать с этой ужасающе-го вида бродяжкой. Поутру король увидел, что провел ночь с писаной красавицей, и взял ее на место королевы. Они прожили вместе двадцать лет, и Суитхерн собралась в дорогу: она решила разыскать-таки свою первую любовь. На этом сказание «Суитхерн и Ронан Диколла» кончается [28].

Кельтологи видят в подобных героинях богинь, олицетворяющих Власть; вступая с ними в брак, короли сочетаются с самой землей Ирландии. И только благодаря этому короли становятся полноценными властителями [69].

КВАКУН

дна бедная вдова пекла однажды лепешки и послала свою дочь к колодцу принести воды. Дочь шла, шла, пока не пришла к колодцу, а он оказался сухим. Что делать, она не знала — ведь она не могла вернуться к матери без воды; и вот она села у колодца и стала плакать. Тогда из колодца прыг-скок — выскочил Квакун и спросил девицу, чего она плачет. И она сказала, что плачет оттого, что в колодце нет воды. «Если ты будешь моей женой, — сказал Квакун, — я дам тебе сколько хочешь воды». И девица, не думая, что бедная тварь может подразумевать что-нибудь серьезное, ответила, чтобы получить воду, что будет его женой. Так она получила воду в свою посудину и отправилась домой к матери.

И она не вспоминала больше о Квакуне до той же ночи. Когда они с матерью собирались ложиться спать, кто-то при-

шел к дверям, и, прислушавшись, они услышали такую песню:

*Открой дверь, моя милая, сердце мое,
Открой дверь, любовь моя верная;
Вспомни обещание, что дали мы с тобой
На лугу, где встретились вдвоем.*

Мать спросила у дочери: «Что это за шум у дверей?» — «Уф, — сказала дочь, — это только гадкий Квакун». — «Открой дверь, — сказала мать, — бедному Квакуну».

Тогда девица открыла дверь; Квакун прыг-скок — вошел и уселся у очага. Затем он запел:

*Дай мне ужинать, моя милая, сердце мое,
Дай мне ужинать, любовь моя верная;
Вспомни обещание, что дали мы с тобой
На лугу, где встретились вдвоем.*

«Уф, — сказала дочь, — я должна подать ужин гадкому Квакуну?» — «О да, — сказала мать, — раз вечер, дай бедному Квакуну его ужин». Так Квакун получил свой ужин, а после этого снова запел:

*Положи меня в постель, моя милая, сердце мое,
Положи меня в постель, любовь моя верная;
Вспомни обещание, что дали мы с тобой
На лугу, где встретились вдвоем.*

«Уф, — молвила дочь, — я должна положить в постель гадкого Квакуна?» — «О да, — сказала мать, — положи бедного Квакуна в постель». И тогда она положила Квакуна в постель. Затем Квакун снова запел:

*Теперь принеси мне топор, моя милая, сердце мое,
Теперь принеси мне топор, любовь моя верная;*

*Вспомни обещание, что дали мы с тобой
На лугу, где встретились вдвоем.*

Девца не долго ходила за топором; и затем Квакун запел:

*Теперь сруби мне голову, моя милая, сердце мое,
Теперь сруби мне голову, любовь моя верная;
Вспомни обещание, что дали мы с тобой
На лугу, где встретились вдвоем.*

Ладно, срубила ему девушка голову, и не успела она это сделать, как он вскочил прекраснейшим юным принцем, что когда-либо видели. И они жили счастливо вдвоем всю их оставшуюся жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

...дам тебе сколько хочешь воды. — Этот Квакун в представлении рассказчиков и слушателей мог быть просто говорящей лягушкой из сказки, а мог (в своем «архетипе») быть одним из расы чудесных покровителей и покровительниц источников и прочих вод — расы, издавна и хорошо известной всем кельтам. «К культу Matres (богинь-матерей — С. Ш.) можно присоединить многочисленные женские божества, покровительствовавшие рекам и источникам воды в Галлии» [49, с. 243]. «На севере Англии, где когда-то жили бриганты, и в Ирландии источникам продолжают поклоняться и поныне...» [43, с. 156].

Предложение Квакуна дать воду в обмен на брак аналогично, в сущности, предложению безобразной старухи, охраняющей колодец в ирландском сказании «Приключения сыновей Эохайда Мугмедона»: воду из колодца можно получить только соединившись со старухой, что и решился сделать будущий король Ниалл Девяти Заложников;

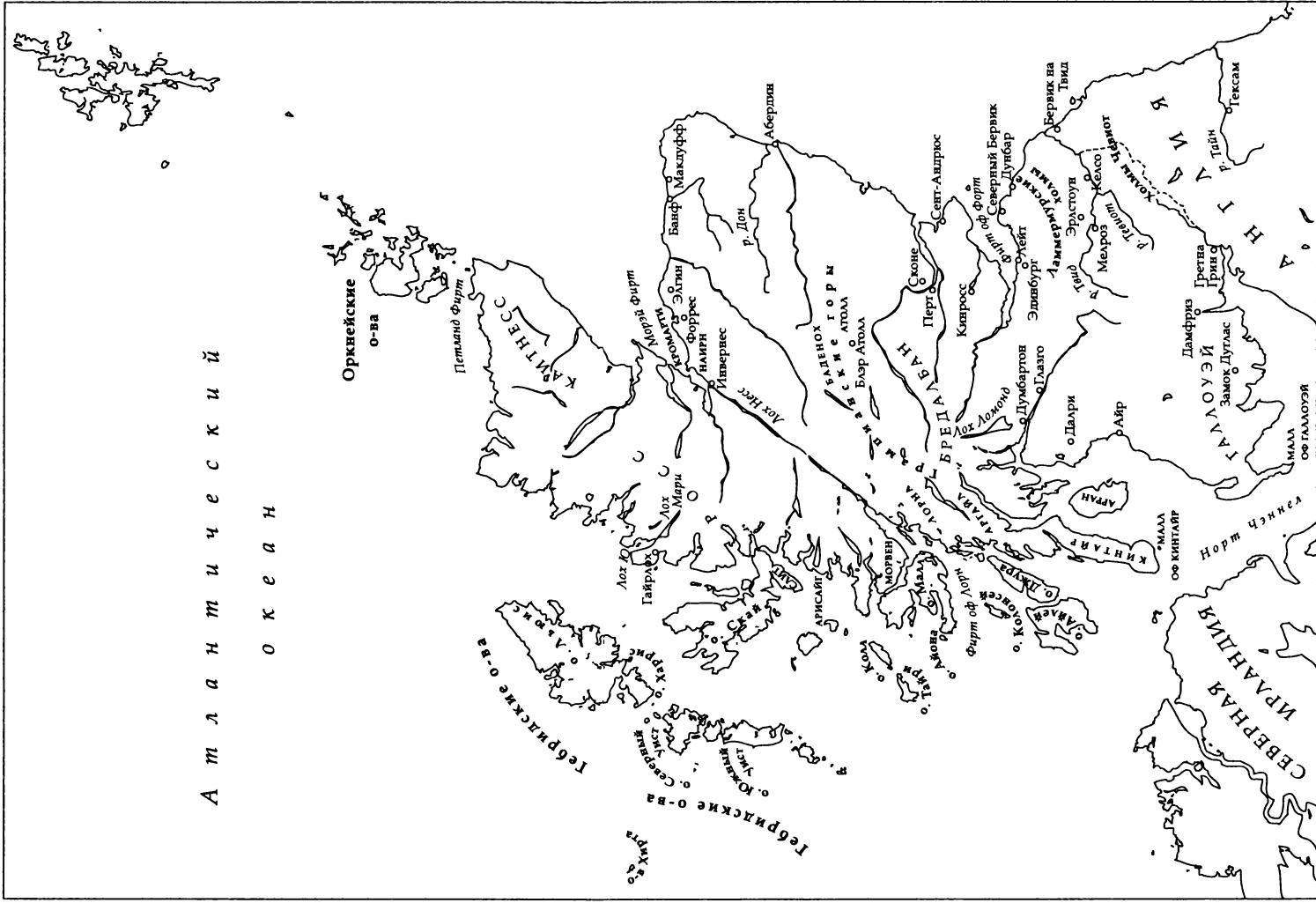

причем безобразная старуха при соединении с ней становится прекраснейшей девушкой, а Ниалл получает не только воду, но и — в итоге — верховную власть, ибо он возлег с Власть имеющей богиней [45, с. 211—212].

Поскольку тема Женщины как носительницы Власти в кельтской традиции не раз уже звучала в этой книге, стоит упомянуть о традиции другого древнего народа, весьма родственного кельтам по своему духу. Исследователь традиции этрусков отмечает: «Этрусская царица является живым носителем идеи „священного брака“» [37, с. 231].

А т л а н т и ч е с к и й

о к е а н

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернс Р. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. М.: Художественная литература, 1976. (Б-ка всемирной литературы. Сер. I; Т. 47).
2. Взгляд на северную гористую Шотландию и на оставшиеся в наше время следы Оссианова века // Сын Отечества: Исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем. СПб., 1823. Ч. 89. № 41, 42.
3. Виньола А. Женщины всего мира: Пер. с фр. М.: Торговый дом Е. Коновалова и К°, 1915.
4. Виппер Р. Ю., Васильев А. А. История древнего мира; История средних веков. М.: Республика, 1993.
5. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина : Пер. с лат. / Авт. примеч. А. С. Бобович, М. А. Бобович. М.: Наука, 1984.
6. Гримасси Р. Вика = The Wiccan mysteries: Древние корни колдовских учений. М.: Фаир-пресс, 1999.
7. Грейвс Р. Белая богиня: Избранные главы / Предисл. Х. Л. Борхеса; Пер. с англ. И. Егорова. СПб.: Амфора, 2000.

8. Данте, Алигьери. Божественная Комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Интерпракс, 1992.

9. Джунковский А. С. Поездка на Гебридские острова // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 9.

10. Диодор Сицилийский. Греческая мифология / Пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. (Сер. «Античное наследие»).

11. Журнал путешествия по Англии двух высоких особ в 1815 и 1816 годах // Дух журналов. СПб., 1818. Сентябрь. Ч. 30.

12. Зверева Г. И. Проблемы истории Шотландии в «Scottish historical Review» // Вопросы истории. 1984, № 8.

13. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетей, 1997.

14. Исландские саги. Ирландский эпос / Сост., вступ. ст. и примеч. М. И. Стеблин-Каменского и А. А. Смирнова; Илл. Рокуэлла Кента. М.: Худож. литература, 1973. (Б-ка всемирной литературы).

15. Йейтс У. Б. Видение: поэтическое, драматическое, магическое: Пер. с англ. / Колл. пер., сост. и предисл. К. Голубович. М.: Логос, 2000.

16. Йейтс У. Б. Кельтские сумерки / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. Михайлина. СПб.: ИНА—ПРЕСС, 1998. (Цветы зла).

17. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, XIX — начало XX в.: Зимние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1973.

18. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: Весенние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1977.

19. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в.: Летне-осенние праздники / И. Н. Гроздова, С. А. Токарев, Н. А. Красновская и др. М.: Наука, 1978.

20. Калыгин В. П. Древнеирландская богиня Brigit в сравнительно-исторической перспективе // Известия РАН. Литература и язык. 1998. Т. 57. № 3. С. 53—56.

21. Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. М.: Книга, 1990. [Репринт издания 1899 г.].

22. Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1984.

23. Красиков С. П. Цветы и самоцветы: Мифы. Легенды. Предания. М.: Фаир-пресс, 1998.

24. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Пер. с англ., вступ. ст. Н. Калины. М.; Киев: Рефл-бук: АСТ: Ваклер, 1997. (*Astrum sapientiae*).

25. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада : Пер. с фр. / Под общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, 1992.

26. Лев-Старович З. Секс в культурах мира / Пер. с пол. И. И. Богута и др. М.: Мысль, 1991.

27. Леру Ф. Друиды / Пер. с франц. С. О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000.

28. Лики Ирландии: Книга сказаний / Пер., сост., коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. (*Anima Celtica*).

29. Макферсон Дж. Поэмы Оссиана / Подгот. изд. Ю. Д. Левина. Л.: Наука, 1983. (Литературные памятники).

30. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / РГГУ, Институт высших гуманитарных исследований. М.: РГГУ, 1994. (Чтения по истории и теории культуры; Вып. 4).

31. Михайлин В. Ю. Краткий словарь персонажей кельтской мифологии (Ирландия) : Учеб. пособие для студентов 1 курса филол. фак. Саратов: Пароход, 1998.

32. Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / Пер., подгот. текста, предисл., примеч. А. Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. (Литературные памятники).

33. Михайлова Т. А. «Рыжая девушка», или о цвете волос как знаке принадлежности к иному миру в ирландском фольклоре // Миф в культуре: человек-не-человек / Ред. Л. А. Сафронова, Л. Н. Титова. М.: Индрик, 2000. (Б-ка Ин-та славяноведения РАН; 14).

34. Михайлова Т. А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 118—128.

35. Михайлова Т. А., Николаева Н. А. Номинация смерти в гойдельских языках: к проблеме реконструкции кельтской эсхатологии // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 121—139.

36. Мэттьюз Дж. Традиция Грааля / Пер. с англ. А. Ригина. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997.

37. Наговицын А. Е. Мифология и религия этрусков. М.: Рефл-бук, 2000. (Astrum Sapientiae).

38. [Объявление о книге] Н. Weathon. История норманнов // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1832. Т. 29.

39. [Объявление о книге] Мур Т. История Ирландии // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 10.

40. О жизни и сочинениях Роберта Бернса // Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 14.

41. Олдингтон Р. Стивенсон: Портрет бунтаря : Пер. с англ. М.: Книга, 1985.

42. Отрывок письма из Ирландии. Из соч. госпожи Еджеворт // Вестник Европы. М.: Тип. Ун-та, 1809. Ч. 45. № 11. С. 188—193.

43. Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 2000.

44. Похищение Быка из Куальнге / Изд. подгот. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев; Примеч. С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985. (Литературные памятники).

45. Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. С. В. Шкунаева; Под ред. Г. К. Косикова. М.: Изд-во МГУ, 1991. (Университетская б-ка).

46. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов = Celtic Heritage: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Энигма, 1999.

47. Скотт В. О демонологии и ведьмах // Московский телеграф. 1830. Ч. 35; № 19, 20; Ч. 36. № 21.

48. Скотт В. О чудесном в романе // Сын Отечества и Северный архив. СПб., 1829. Т. 7. № 44. С. 229—245; № 45. С. 288—309; № 46. С. 355—365.

49. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000.

50. Эдинбург // Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1829, 18 октября. № 125. С. 735.

51. A Description of the Western Islands of Scotland circa 1695 by Martin Martin, gent. Including A Voyage to St. Kilda by the same author and A Description of the Western Isles of Scotland by Sir Donald Monro / Ed. with introd. by D. J. MacLeod. Stirling, 1934.

52. A Forgotten Heritage: Original folk tales of Lowland Scotland / Ed. by H. Aitken. Edinburgh; London: Scottish Academic Press, 1973.

53. Anderson A. O. Scottish Annals from English Chronicles A. D. 500 to 1286. Edinburgh; London: David Nutt, 1908.

54. Binchy D. A. Bretha Crólige // Eriu. Dublin; London, 1938. Vol. 12.

55. Caledonia, or a historical and topographical Account of North Britain from the most ancient to the present times with a Dictionary of places

chronographical and philological by George Chalmers. Paisley: Alexander Gardner, 1887. Vol. 1—2.

56. Cameron J. Celtic Law. The «Senchus Mor» and «The Book of Aicill», and the Traces of an early Gaelic system of Law in Scotland. London; Edinburgh; Glasgow: William Hodge and Co., 1937.

57. Chambers R. Popular rhymes of Scotland. Edinburgh; London: W. and R. Chambers limited, 1870.

58. Chronicles of the Picts, Chronicles of the Scots, and other early memorials of Scottish History / Ed. by W. F. Skene. Edinburgh, 1867.

59. Compota Thesaurariorum Regum Scotorum. Accounts of the Lord High Treasurer of Scotland / Ed. by T. Dickson. Edinburgh, 1877. Vol. 1.

60. Curtin J. Myths and Folk-Lore of Ireland. Boston: Little, Brown and C°, 1890.

61. Dalrymple D. Annals of Scotland from the Accession of Malcolm III Surnamed Canmore, to the Accession of Robert I. Edinburgh, 1776.

62. Flood J. M. Ireland: Its myths and legends. New York, 1916; London, 1970.

63. Folklore, Myths and Legends of Britain. London: The reader's Digest Association Ltd, 1973.

64. Gaelic Ghosts: Tales of the Supernatural from Scotland / Sorche N. Leodhas. London, 1966.

65. Gaelic songs of Mary MacLeod / Ed. by J. C. Watson // Scottish Gaelic texts. Edinburgh, 1965. Vol. 9.

66. Gwynn and Purton. The Monastery of Tallacht // Proceedings of the Royal Irish Academy. London, 1911—1912. Vol. 29. № 5.

67. Keating G. Foras Feasa ar Eirinn: The History of Ireland by Geoffrey Keating. Vol. 1—4 / Ed. and transl. by D. Comyn and P. S. Dineen. London, 1902—1914.

68. Legendary fictions of the Irish Celts / Collect. and narrated by P. Kennedy. London: Macmillan and Co., 1866; Washington; Detroit, 1968.
69. MacCana P. Aspects of the Theme of King and Goddess in Irish Literature // Etudes Celtiques. Paris, 1955. Vol. 7. N° 1.
70. MacDougall J. Uruisg Choire-nan-Nuallan. The Urisk of the Corrie of the Howlings // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle, 1897. Bd. 1.
71. Mackenzie A. The History of the Highland Clearances. Inverness, 1883.
72. Marwick E. W. The Folklore of Orkney and Shetland. London, 1975.
73. Meyer K. The Cherishing of Conall Cernach // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle, 1897. Bd. 1.
74. Meyer K. Finn and Grainne // Zeitschrift für Celtische Philologie. Halle, 1897. Bd. 1.
75. Minstrelsy of the Scottish Border: consisting of historical and romantic ballads, collected in the Southern counties of Scotland: In 3 vol. Edinburgh, 1812. Vol. 2.
76. More West Highland Tales: In 2 vol. / Transcr. and transl. from the original Gaelic by J. G. McKay. Edinburgh; London, 1940. Vol. 1; Edinburgh; London, 1960. Vol. 2.
77. Mudie M. Attic fragments of characters, customs, opinions and scenes // Северная пчела. СПб., 1827. N° 94—95.
78. Old Celtic romances / Transl. from the Gaelic by P. W. Joyce. London, 1879; Dublin, 1961.
79. Petrie Mr. On the History and Antiquities of Tara Hill // Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin, 1839. Vol. 18. Pt. 2.
80. Petrie M. W. Folk Tales of The Borders / Draw. by B. Gray. London; Edinburgh: Thomas Nelson and sons Ltd, 1950.
81. Pennant T. A Tour in Scotland, MDCCLXIX. 3rd ed. Warrington: W. Eyres, 1774.

82. Percy T. Reliques of Ancient English Poetry. 6th ed. London, 1823. Vol. 1.

83. Poems of the Scottish Hills: An Anthology / Sel. by H. Brown; Forew. by N. MacCaig. Aberdeen: University Press, 1982.

84. Ramsay J. Scotland and Scotsmen in eighteenth century / Ed. by A. Allardyce. Edinburgh; London: William Blackwood and sons, 1888. Vol. 1—2.

85. Report of the Committee of the Highland Society of Scotland, appointed to inquire into the nature and authenticity of the poems of Ossian : Drawn up, according to the directions of the Committee by Henry Mackenzie. With a copious appendix, containing some of the principal documents on which the report is founded. Edinburgh, 1805.

86. Skene F. W. Celtic Scotland: A History of Ancient Alban. Vol. 1: History and ethnology. Edinburgh, 1876.

87. Skene F. W., Mackay E. The Highlanders of Scotland. London, 1836; Stirling, 1902.

88. Scotland before 1700 from contemporary documents / Ed. by P. Hume Brown. Edinburgh: David Douglas, 1893.

89. Scottish fairy and folk tales: Selected and edited, with an introduction, by Sir George Douglas, bart. London, 1896; Ilkley, West Yorkshire, 1977.

90. Scottish Tradition. A collection of Scottish Folk Literature / Ed. by D. Buchan. London, 1984.

91. Shakespeare's tragedy of Macbeth / Ed., with notes by W. J. Rolfe. New York; Cincinnati; Chicago: American book company, 1905.

92. Stories from South Uist / Told by A. MacLellan; Transl. by J. L. Campbell. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.

93. The Companion to Gaelic Scotland / Ed. by D. S. Thomson. Glasgow: Blackwell Reference, 1983.

94. The Encyclopaedia Britannica. A Dictionary of Arts, Sciences, and General Literature. 9th ed. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1886. Vol. 21.

95. The Highlands of Scotland in 1750. From Manuscript 104 in the King's library, British Museum / Introd. by A. Lang. Edinburgh; London, 1898.

96. The History of Scotland, from the earliest accounts of that nation, to the reign of King James VI / Transl. from the Latin of G. Buchanan. Glasgow, 1799. Vol. 1—2.

97. The New Encyclopaedia Britannica. Micropaedia. Ready Reference. 15th edition. Chicago etc, 1994. Vol. 10.

98. The Oxford English Dictionary being a corrected re-issue with an Introduction, supplement and bibliography of A New English Dictionary on historical principles founded mainly on the materials collected by The Philological Society. Oxford, 1933. Vol. 7.

99. The Wisdom of the Scots / A choice and a comment. by M. McLaren. London: Michael Joseph, 1961.

100. Wagner H. Studies in the Origins of Early Celtic Civilisation // Zeitschrift für Celtische Philologie. Tübingen, 1970. Bd. 31.

101. Waifs and Strays of Celtic Tradition. Argyllshire Series. № 5. Clan traditions and popular tales of the Western Highlands and Islands / Coll. from oral sources by J. G. Campbell. London, 1895.

102. Waifs and Strays of Celtic Tradition. Argyllshire Series. № 3. Folk and Hero tales / Coll., ed., transl. and annot. by the R. J. MacDougall. London, 1891.

103. Witchcraft and Sorcery: Selected Readings / Ed. by M. Marwick. Harmondsworth, 1970.

104. Young M. Ancient Gaelic poems respecting the Race of the Fians, collected in the Highlands of Scotland in the Year 1784 // The Transactions of the Royal Irish Academy. Dublin, 1787. Vol. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПИКТОВ	15
СМЕРТЬ ФРАОХА	25
ВЕЛИКОЕ БЕДСТВИЕ ФЕНИЕВ	33
ГАРРИ И ЖЕНЩИНЫ	47
СКАЛА КУЗНЕЦА НА ОСТРОВЕ СКАЙ	53
СМЕРТЬ ДУФФА, КОРОЛЯ ШОТЛАНДИИ	58
КАК МАКБЕТ СТАЛ КОРОЛЕМ	68
КОРОЛЬ МАЛЬКОЛЬМ И СВЯТЫЕ ГЕКСАМА	78
МАСТЕР МИКАЭЛЬ СКОТТ И ВЕДЬМА	84
ТОМАС РИФМАЧ	90
ДЕЛО АЛИСОН ПИРСОН	106
ДЕЛО БЕССИ ДАНЛОП	116
ЧУДЕСНОЕ ЛЕКАРСТВО	126
РАССКАЗ ТОМАСА ПЕННАНТА	130

ПЛАЧ МЭРИ МАКЛЕОД	135
ПРИНЦЕССА ТАЙРА ИЗ УЛЬСТЕРА И ЕЕ ЛЮБОВНИКИ	144
УРИСК ИЗ УЩЕЛЬЯ ЗАВЫВАНИЙ	155
УЙСДЕН МОР И ЖЕЛТАЯ БЕЗРОГАЯ КОЗА	167
БРАТЬЯ-СТРАННИКИ	172
ОСТРОВ ХИРТА И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	182
ЛАХЛАН ФИОНН С ОСТРОВА ТАЙРИ	190
САННТРАЙГ	196
КУЗНЕЦ И СИДЫ	200
КАК СТАЛИ РАСТИ ВОЛОСЫ НА ГОЛОВЕ О'НЕЙЛА	207
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ПОДКОВАЛИ	213
МАКМИЛЛАН АРФИСТ	220
КАМЫШКА	229
КВАКУН	236
<i>Карта</i>	240
<i>Список литературы</i>	242

ШОТЛАНДСКАЯ СТАРИНА

КНИГА СКАЗАНИЙ

Редактор — А. Железцов

Оформление — М. Verte

Тех. редактор — В. Васильев

Корректоры — Т. Шаманова, А. Корнякова

Верстка — В. Спиридонова

Подписано в печать 30.10.2001. Усл. печ. л. 10,88. Уч.-изд. л. 7,6.

Формат 70х100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Гарнитура «Палатино». Тираж 2000 экз. Заказ № 3842

Издательско-торговый дом «Летний сад»

121069, Москва, ул. Большая Никитская, 46.

Изд. лицензия ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Книга отпечатана в ПФ «Полиграфист»

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

*Приглашаем посетить
книжные магазины издательско-торгового дома*

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Салон гуманитарной литературы

Большой пр. П. С., 82, ст. метро Петроградская
тел.: (812) 232-2104

«Университетская книга»

В.О., Менделеевская линия, 5
тел.: (812) 328-9638

Книжный центр РХГИ

Фонтанка, 15, тел.: (812) 310-9791

Магазин в редакции журнала «Нева»

Невский пр., 3

В МОСКВЕ:

Магазин-салон «Летний сад»

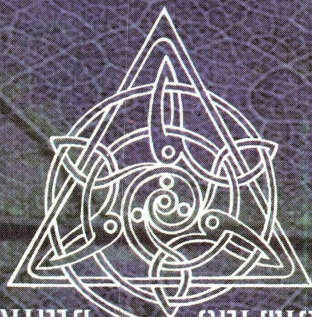
Большая Никитская, 46, ст. метро Баррикадная
тел.: (095) 290-0688

Книжная лавка при РГБ

ул. Воздвиженка, 3/5
1-й (читательский) подъезд
тел.: (095) 222-8358

Оптовый отдел-склад

Б. Предтеченский пер., 7
ст. метро Краснопресненская
тел.: (095) 255-0198

ANIMA

CELTICA